

Багдадские встречи
Агата Кристи

Агата Кристи

«Багдадские встречи»

Глава первая

Капитан Кросби вышел из банка с удовлетворенным видом человека, пришедшего погасить чек и неожиданно выяснившего, что денег на его текущем счете осталось больше, чем он ожидал.

Невысокий, коренастый, с багровым лицом, щетинистыми усиками и уверенной походкой, он выглядел типичным представителем военного сословия. Костюм капитана был не столь строгого покроя, как следовало бы, но зато Кросби умел при случае рассказать забавный анекдот, был добродушен, приветлив, и знакомые находили его симпатичным, хотя и не слишком солидным. Он имел и дополнительное достоинство: был холостяком. А в общем, ничего особо примечательного. Таких как Кросби на Ближнем Востоке десятки.

Капитан шел по Банк Стрит, улице, на которой и впрямь разместилось большинство городских банков. Внутри зданий люди работали при мягком освещении, в прохладе и тишине, нарушавшейся лишь стуком бесчисленных пишущих машинок. Улица же была залита солнечным светом. Пыль, шум, непрерывные гудки автомобилей, перебранки, возникающие ежеминутно и тут же заканчивающиеся примирением, сплошной поток автомобилей, лошадей, ослов и прохожих, крики продавцов, предлагающих финики, апельсины, бананы, сласти, туалетную бумагу, грешки, бритвенные лезвия и бог знает что еще.

Таков Багдад в одиннадцать часов утра.

Кросби остановился и купил свежую газету у пробегающего мимо мальчишки, тащившего под мышкой целую кипу только что отпечатанных листков. Затем капитан свернул на Рашид Стрит, главную улицу города, растянувшуюся на четыре мили вдоль берега Тигра.

Еще раз остановившись, чтобы пробежать взглядом газетные заголовки, он вновь зашагал вперед, свернул направо, в узкий переулок, и оказался перед зданием с бронзовой табличкой на двери, расположенным в глубине большого двора. Отворив ее, капитан вошел в контору.

Молодой секретарь — араб оторвался от пишущей машинки и с дружелюбной улыбкой проговорил:

— Добрый день, капитан. Чем могу служить?

— Мистер Дейкин у себя? Отлично!.. Спасибо, дорогу я знаю.

Поднявшись по крутой лестнице, капитан прошел по пыльному коридору и постучал. Голос из-за двери ответил:

— Войдите!

Под потолком высокой комнаты с полуголыми стенами и зашторенными окнами горела электрическая лампочка. У стены стоял длинный низкий диван, рядом — столик с газовой плиткой и чайником, а в глубине — большой, заваленный бумагами письменный стол. За ним сидел человек в помятом костюме, выглядевший предельно усталым. На лице его была отрешенность, свойственная людям, испытавшим немало ударов судьбы.

— Итак, вы уже съездили в Кербук? — спросил Дейкин после того, как они обменялись рукопожатиями.

Кросби кивнул, а затем тщательно притворил дверь. Невзрачная, с облупившейся краской, дверь эта обладала одним свойством, которое трудно было заподозрить с первого взгляда, — она была столь же прочной и плотной, как дверца сейфа.

Как только дверь затворилась, в поведении собеседников произошла небольшая, но ощутимая перемена. Капитан Кросби выглядел теперь скромнее и сдержаннее, зато выражение лица Дейкина стало тверже и увереннее. Главным здесь был, очевидно, он.

— Есть что-то новое, сэр? — спросил Кросби.

— Да.

Закончив расшифровывать последние буквы лежавшего перед ним закодированн

ого текста, Дейкин добавил:

— Встреча состоится в Багдаде.

С этими словами он зажег спичку и поднес ее к листку с расшифровкой. Затем он растер рукой крохотную кучку пепла и продолжал:

— В конечном счете они выбрали Багдад. В следующем месяце, двадцатого числа. Нам предложено принять меры по предотвращению утечки информации.

— Да ведь на здешних базарах уже три дня как только об этом и говорят!

Дейкин улыбнулся с лицом человека, давно утратившего всякие иллюзии.

— Разумеется! Такого понятия как тайна на Востоке просто не существует! Согласно, Кросби?

— Само собой, сэр. Я временами начинаю сомневаться, существует ли оно хоть где-нибудь вообще. Во время войны я частенько замечал, что какой-нибудь лондонский парикмахер знает о положении на фронтах ничуть не меньше верховного командования.

— В данном случае это, впрочем, не играет особой роли. Если совещание и впрямь состоится в Багдаде, об этом вскоре будет объявлено официально. Вот тогда для нас начнется настоящая забава!

— Да состоится ли оно вообще? — полным недоверия тоном спросил Кросби. — Вы серьезно верите, что дядя Джо намерен приехать сюда?

Дядей Джо Кросби называл главу одной из великих европейских держав.

— На этот раз, — убежденно ответил Дейкин, — думаю, что да. И добавлю, что, если встреча пройдет без серьезных помех, она может спасти нас... от многого. Если бы удалось достичь какого-то соглашения...

Дейкин умолк, так и не dokonчив фразу.

— Вы полагаете, сэр, извините, что я задаю подобный вопрос..., вы действительно верите, что стороны могут о чем-то договориться?

— Если бы речь шла только о новой встрече людей, представляющих совершенно различные идеологии, я ответил бы вам — нет. Совещание, как и все прочее, завершилось бы в атмосфере возросших подозрений и взаимного непонимания.

ия. Однако на этот раз в игру входит новый фактор. Если фантастичная история Кармайкла правдива...

Дейкин замолчал.

— Но ведь это невозможно! — воскликнул Кросби. — Вы сами говорите, что она фантастична! Слишком фантастична!

Дейкин молчал. В его памяти всплыли взволнованное лицо, голос, произносивший невероятные слова. Он вспомнил мысль, пришедшую ему тогда в голову: «Либо лучший, самый надежный из моих агентов сошел с ума, либо это правда... и тогда...»

— У Кармайкла, — заговорил он наконец, — сомнений не было. Все, считал он, подтверждает его гипотезу, и он лишь просил разрешения отправиться на место, чтобы получить необходимые доказательства. Прав ли я был, отпустив его? Не знаю. Если Кармайкл не вернется, останется только история, которую он услышал от кого-то и пересказал мне. Достаточно ли этого? Сомневаюсь... Слишком все фантастично! Однако, если двадцатого Кармайкл будет в Багдаде, если он расскажет об увиденном и представит свои доказательства...

— Доказательства?

Дейкин медленно кивнул.

— Да, доказательства. Они у него есть.

— Откуда вы это знаете?

— Саллах Хасан передал мне несколько слов от Кармайкла. Вот они: «Белый верблюд, груженный мешками овса, миновал перевал».

Чуть помолчав, Дейкин продолжал:

— Это означает, что Кармайклу удалось найти то, что он искал. Однако его деятельность не осталась незамеченной. По его следу пошли уже, опасность ждет его на любом пути, который он выберет для возвращения и, более того, она будет грозить ему даже здесь. Как только он пересечет границу, вокруг посольств и консульств сомкнется кордон. Вот послушайте!

Придвинув к себе несколько газет, лежавших на столе, Дейкин, переворачивая листы, начал читать:

— Англичанин, направлявшийся в своем автомобиле из Персии в Ирак, убит бандитами... Промашку дали эти бандиты!.. Торговец — курд, спускаясь с гор, попал в засаду и тоже убит. Другой курд, Абдул Ассан, заподозренный в контрабанде с сигарет, застрелен жандармом. На дороге вблизи Ровандуза найден труп неизвестного. Следствием установлено, что убитый был армянином, водителем грузовика. Заметьте, что описания внешности всех этих людей почти совпадают с описанием внешности Кармайкла. Тем нужен Кармайкл, и, не имея уверенности, они предпочитают не рисковать. Добравшись до Ирака, он окажется в еще большей опасности. Опасаться придется каждого: садовника посольства и рассыльного консульства, сотрудников аэропорта и таможенников... Кордон, говорю я вам, плотный кордон!

Кросби даже не пытался скрыть удивление.

— Неужели это действительно так, сэр?

— Вне всяких сомнений! — ответил Дейкин. — Хуже всего то, что утечка информации происходит даже у нас. Можно ли быть уверенным, что меры, которые мы приняли, чтобы обеспечить Кармайклу безопасность в Багдаде, уже не стали известны противнику? Можно ли гарантировать, что даже в нашей организации нет людей, переметнувшихся к другим?

— Вы..., подозреваете кого-нибудь?

К великому удовлетворению Кросби Дейкин отрицательно покачал головой.

— Следовательно, продолжаем действовать по плану?

— Да.

— Крофтон Ли сообщил что-нибудь?

— Он вскоре приедет в Багдад.

— Похоже, весь мир соберется в Багдаде, — с улыбкой заметил Кросби. — Даже дядя Джо, если верить вам, сэр! Однако, если здесь что-то случится с ним...

— С ним ничего не должно случиться. Это уж наша забота! Для этого мы здесь и находимся!

Когда Кросби вышел, Дейкин, вновь усевшись за стол, пробормотал:

— Встреча состоится в Багдаде...

Затем, взяв ручку, он нарисовал на листке блокнота круг, в центре которого написал одно слово: «Багдад». После этого он изобразил верблюда, самолет, пароход и локомотив, с четырех сторон направляющихся к кругу. Подумав, он дорисовал в углу картинки паутину и на ней имя: Анна Шееле. Поставив внизу большой вопросительный знак, он взял шляпу и вышел из комнаты.

На Рашид Стрит двое прохожих, которых он миновал, оглянулись ему вслед.

— Кто это? — спросил первый.

— Это Дейкин, — ответил второй. — Работает в какой-то нефтяной компании. Парень неплохой, но порядочный бездельник. Пьет, говорят. Не знаю, правда ли это, но то, что карьеру он не сделает, это уж точно. Тут, чтобы пробиться, надо пошевеливаться живее!

— Справка по фирме Кругенгорф готова, мисс Шееле?

— Да, мистер Моргенталь. Мисс Шееле подала шефу папку.

— Все в порядке, надеюсь?

— По-моему, да, мистер Моргенталь.

— Шварц здесь?

— Ждет в приемной.

— Пусть зайдет.

Мисс Шееле нажала пальцем на кнопку.

— Я нужна буду вам, мистер Моргенталь?

— Нет, мисс Шееле, не думаю.

Анна Шееле бесшумно покинула кабинет.

Она была платиновой блондинкой, не из тех, однако которые привлекают внимание мужчин. Льняные волосы были стянуты в узел на затылке, красивые светло — голубые глаза скрывались, увы, за толстыми стеклами очков, а тонкие черты

лица казались лишенными всякого выражения. Завоеванному положению она была обязана не очарованием, а своими профессиональными качествами и, не в последнюю очередь, изумительной памятью. Она никогда ни о чем не забывала, ей никогда не приходилось прибегать к заметкам, чтобы восстановить в памяти имя, цифру или дату. К тому же она была неутомима, энергична, дисциплинирована и сдержанна.

Отто Моргенталь, генеральный директор банка «Моргенталь, Браун и Шипперке», отлично понимал, что Анна Шееле относится к сотрудникам, которым практически невозможно найти достойную замену. Секретарша пользовалась его полным доверием, он щедро платил ей и, попроси она об этом, без колебаний повысил бы жалованье.

Мисс Шееле была в курсе не только деловых, но и личных его проблем. Он советовался с ней, когда возникли трения с миссис Моргенталь. Мисс Шееле предложила в качестве лучшего решения развод, не преминув указать наиболее разумную, с ее точки зрения, величину алиментов. При этом она не проявила никаких следов ни сочувствия, ни любопытства. Моргенталь не был удивлен этим. Для него Анна была существом, лишенным обычных человеческих чувств, сплошным мозгом, думающим только об интересах фирмы и, в первую очередь, интересах мистера Отто Моргенталья.

Можно поэтому представить себе, как был удивлен Моргенталь, собиравшийся уже уходить, когда Анна обратилась к нему с просьбой предоставить трехнедельный отпуск со следующего вторника. Он ответил чуть растерянно, что ему крайне трудно будет обойтись без нее.

— Не думаю, — возразила Анна. — Мисс Уайгейт заменит меня. Я оставлю ей мои заметки и все необходимые инструкции.

— Вам нужно подлечиться, мисс Шееле?

Он задал все-таки этот вопрос, самому ему показавшийся смешным. Мисс Шееле не могла заболеть. Даже микробы с уважением относились к ней.

— Нет, мистер Моргенталь. Я просто собираюсь поехать в Лондон, повидать сестру.

— Сестру? У вас, стало быть, есть сестра? Сюрприз следовал за сюрпризом. Моргенталь никогда не слышал, чтобы мисс Шееле упоминала о своей сестре. Даже прошлой осенью, когда они вместе были в Лондоне!

Мисс Шееле, однако, улыбнулась.

— Ну конечно, мистер Моргенталь. Она замужем за англичанином, сотрудником Британского музея. Ей предстоит перенести очень тяжелую операцию, и я хочу быть рядом с нею...

Отто Моргенталь понял, что мисс Шееле, приняв решение, не откажется от него.

— Что ж, — сказал он, — если так, я не стану вас удерживать. Возвращайтесь поскорее, вот все, о чем я прошу! Рынок неустойчив, как никогда. Разумеется, все по вине этих чертовых коммунистов. Война может вспыхнуть в любую минуту..., временами мне самому она начинает казаться единственным решением! Страна превратилась в сплошной комок нервов... А теперь еще нам сообщают, что президент отправляется в Багдад, чтобы участвовать в совещании, которое, заранее ясно, все равно ничего не даст! Багдад! Подумать только! Ехать в Багдад! Все кончится тем, что он станет жертвой покушения.

— У президента будет охрана... — запротестовала мисс Шееле.

— А разве у шаха в прошлом году ее не было? А у Бернадотта в Палестине?.. Ехать в Багдад — это же безумие! Сущее безумие.

Мистер Моргенталь глубоко вздохнул и безнадежно добавил:

— Видно, правду говорят, что мы живем в безумном мире.

Глава вторая

Сидя на скамейке парка, Виктория Джонс предавалась раздумьям довольно меланхолического характера. В частности, она размышляла о том, какие неприятные последствия могут возникнуть, когда человек проявляет свои таланты в неудачно выбранный для этого момент.

У Виктории, как и у любого человека, были свои достоинства и недостатки. В ее пользу следовало отнести доброе сердце и то, что она не была белоручкой. Любовь к приключениям могла, вообще говоря, рассматриваться и как достоинство и как недостаток — смотря по обстоятельствам. Недостатком настоящим и к тому же, серьезным была любовь приврать — к месту и не к месту. Воображение всегда брало у нее верх над реальностью фактов. Выдумки рождались легко, непр

инужденно, доставляя Виктории почти творческое наслаждение. Опоздав на свидание, она оправдывалась не тем, что у нее остановились часы или пришлось бесконечно долго дожидаться автобуса. Нет, ей обязательно нужно было изобрести историю о слоне, сбежавшем из цирка и на три четверти часа остановившем уличное движение, или о перестрелке гангстеров и полиции, разыгравшейся прямо у нее на глазах и закончившейся — не без прямого ее участия — арестом бандитов.

Высокая, стройная, с отличной фигурой, Виктория не была все же красавицей в прямом смысле этого слова. Впрочем, лицо ее, пусть и с не совсем правильными чертами, было вполне симпатичным, а его необычайная подвижность делала ее первоклассной подражательницей.

К слову сказать, именно этот дар пародиста был причиной ее теперешних неприятностей. Работая машинисткой — стенографисткой у мистера Грингольца — фирма «Грингольц, Симмонс и Ледербеттер», — Виктория, чтобы поднять общее настроение, в одно унылое, пасмурное утро не нашла ничего лучшего, чем начать и изображать к великому удовольствию своих коллег миссис Грингольц, беседующую со своим супругом. Убежденная, что мистер Гринголец уехал по делам, Виктория создала изумительную карикатуру этой дамы, безупречно имитируя как ее пронижительный голос, так и кошмарный центральноевропейский акцент, от которого миссис Гринголец так и не сумела избавиться.

— Значит, такой диван, как у миссис Дивтакис, ты мне купить не хочешь? Только не надо говорить, что у тебе нет денег! Для той высокой блондинки, с которой ты шляешься по ресторанам, у тебе деньги находятся... Думаешь, я не знаю ни о чем?.. Плевать я хотела на ту девчонку, но я желаю иметь диван... Это было деловое свидание?.. Брось! Не бери мне за дурочку! Что, я от помады следы не заметила?.. Значит, с диваном решено... И я закажу себе ту норковую накидку, о которой мы говорили... Норка поддельная, стоит будет дешево, так что это великолепная сделка...

Как раз в этом месте Виктория обратила внимание на то, что ее слушатели вдруг с лихорадочным рвением принялись за работу. Обеспокоившись, она обернулась. За ее спиной стоял мистер Гринголец. У Виктории вырвалось ошарашенное «Ах!», а мистер Гринголец молча прошел к себе в кабинет. Почти сразу же он вызвал Викторию к себе. Она явилась, прихватив карандаш и блокнот, и с невинным видом задала ритуальный вопрос:

— Вы меня вызывали, мистер Гринголец?

Гринголец положил перед ней на стол три бумажки по одному фунту.

— Явились, стало быть? Полагаю, девочка, что я уже достаточно насмотрелся на вас и вы не станете возражать, если я уплачу вам за неделю вперед и попрошу немедленно покинуть это здание.

Виктория открыла было рот, собираясь выдать шефу историю, полностью оправдывающую ее поведение, но, перехватив взгляд Грингольца, поняла, что это было бы напрасной тратой творческого воображения и сил. Передумав, она с улыбкой ответила, что ничуть не возражает и что мистер Гринголец совершенно прав.

Несколько удивившись, поскольку его служащие редко столь спокойно воспринимали известие о своем увольнении, Гринголец, скрыв легкую растерянность, начал извлекать из карманов мелочь.

— За мной еще девять пенсов, — заметил он.

— Не беда! — ласково ответила Виктория. — Я дарю их вам. Купите себе леденцов!

— Я велю, чтобы их переслали вам.

— Не трудитесь! Что меня и впрямь интересует, так это рекомендация.

Гринголец нахмурился.

— Рекомендация?

— Вот именно?

Ворча что-то под нос, Гринголец набросал несколько строк на фирменном бланке:

Сим удостоверяется, что мисс Джонс работала у нас в течение двух месяцев в должности машинистки — стенографистки. Она не умеет стенографировать и понятия не имеет об орфографии. Уволена, поскольку мы не считаем возможным держать людей, бездельничающих в рабочее время.

Закончив читать, Виктория скривилась.

— Рекомендации для поступления на новую работу я видывала и лучше!

— С чего вы взяли, что я собираюсь рекомендовать вас на новую работу?!

— Могли бы, по крайней мере, написать, что я не пью и не ворую. Вы же знаете, что это правда!.. И могли бы, пожалуй, добавить, что я умею молчать.

— Молчать?

Выдержав взгляд мистера Грингольца, Виктория сладчайшим голосом повторила:

— Да, молчать.

Вспомнив кое-какие из продиктованных им писем, Гринголец понял, что должен соблюдать осторожность. Разорвав листок, он написал на другом бланке:

Сим удостоверяется, что мисс Джонс работала у нас в течение двух месяцев в должности машинистки — стенографистки. Необходимость сокращения штатов заставила нас отказаться от ее услуг.

— Как на этот раз Виктория пожала плечами.

— Тоже не бог весть что, но сойдет! Размышляя над создавшейся ситуацией, Виктория не пыталась скрывать от самой себя, что выглядит достаточно неприятно, но катастрофическим признать положение все же отказалась. Она освободилась от Грингольца, Симмонса и Ледербеттера, а это уже кое-что. К тому же, кто сказал, что новая работа, которую она, конечно, скоро найдет, не окажется приятной неожиданностью? Кто может сказать это заранее?

В этих раздумьях Виктория кусочек за кусочком проглотила два сэндвича, составивших ее завтрак, разбрасывая последние крошки трем вертевшимся рядом воробьям. В этот момент на другой конец скамейки присел молодой человек. Виктория украдкой взглянула на него и нашла симпатичным. Блондин с очень красивыми голубыми глазами и волевым подбородком.

Перспектива поболтать с незнакомым молодым человеком Викторию никогда не пугала. При необходимости она всегда умела поставить собеседника на место. Сейчас ей достаточно было улыбнуться, чтобы симпатичный молодой человек заговорил с ней.

— Доброе утро, мисс!.. Отличная сегодня погода, не правда ли?.. Вы часто сюда приходите?

— Почти каждый день.

— А я только первый раз решил заглянуть. Вы и завтрак с собой захватили?

— Совершенно верно.

— Ну, разрешите сказать, что я бы на такой диете долго не продержался!.. Может, стоит зайти куда-нибудь и перекусить поосновательнее? Я знаю на Тоттенхем Роуд один ресторанчик...

— Нет, спасибо. На сегодня с меня и этого хватит. Виктория ожидала, что он скажет «А то будет впрок, на следующий день!», но молодой человек разговор на эту тему прекратил.

— Меня зовут Эдвард, — представился он. — А вас?

— Виктория.

— Как вокзал?

— Как королеву!

— Ну, если хотите!.. А дальше как?

— Джонс.

— Стало быть, Виктория Джонс...

Молодой человек дважды повторил это имя, а потом скривился.

— Как-то одно к другому не очень подходит...

— И я так думаю! — с жаром воскликнула Виктория. — Дженни подошло бы гораздо больше. Дженни Джонс звучит просто прекрасно, а для Виктории фамилия должна быть поаристократичнее. Виктория Саквиль — Вест, вот это было бы под одеяще! А Виктория Джонс и впрямь звучит так себе...

— Вы могли бы подобрать себе другое имя...

— Керисбрук Джонс...

— Бедфорд Джонс...

— Лонсдейл Джонс...

Забава могла бы затянуться надолго, но, взглянув на часы, молодой человек чертыхнулся и проговорил:

— Любимый шеф уже ждет не дожждется меня. А у вас как на этот счет?

— Я безработная. Уволили буквально пару часов назад.

— Ох, как жаль...

Судя по голосу, сказано это было искренне.

— Не переживайте! — ответила Виктория. — Сама-то я восприняла это вполне спокойно. Во-первых, работу я скоро найду, а во-вторых, я по крайней мере позабылась вдоволь!

Рассказывая о том, как все произошло, Виктория вновь спародировала миссис Грингольц — теперь уже, правда, для одного — единственного слушателя. Эдвард хохотал до слез и, когда Виктория закончила, убежденно заявил, что ей следовало бы стать артисткой. Она с улыбкой признательности выслушала комплимент, но тут же заметила своему новому другу, что время идет и, продолжая болтать с нею, он сам рискует вскоре оказаться на мели.

— Верно, — согласился он. — А мне подыскать новую работу будет труднее, чем вам!... Для хорошей машинистки это ведь не проблема, — добавил он с ноткой зависти.

— Хорошей меня, честно говоря, никак не назовешь, но, слава богу, сейчас берут и плохих. Платят, конечно, поменьше, но жить все-таки можно, а это главное! А вы кто по профессии? Держу пари, что воевали и были, скорее всего, летчиком!

— Угадали!

— Истребитель?

— Совершенно верно. После демобилизации на работу меня устроили... Жаль только, не спросили, подходит ли она мне! В армии шевелить мозгами приходится не так уж часто... Зато здесь... Отчеты, цифры... Короче говоря, все пошло через пень — колоду и, в конечном счете, я пришел к выводу, что ничего путного

из меня не получится.

Виктория открыла было рот, чтобы запротестовать, но молодой человек продолжал:

— Не по мне все это, вот в чем суть! На войне все было совсем по-другому! Там я не в последних ходил... Даже Крест за боевые заслуги получил... А сейчас дело дрянь! Сам чувствую, что превращаюсь в выжатую тряпку.

— Но ведь должен быть какой-то...

Виктория не закончила фразу. Она не находила подходящих слов, хотя четко понимала, что ей хочется сказать. Она не могла поверить, что в послевоенном мире нельзя найти применения тем качествам, которые принесли человеку, обладавшему ими, такую высокую награду, как Крест за боевые заслуги.

— Унизительно, знаете ли, чувствовать себя неудачником... Однако, что поделаешь?.. — проговорил

Эдвард. — Ладно, мне и впрямь пора бежать... Вы не сочтете... ну, дерзостью... если...

На этот раз фразу не закончил уже молодой человек. Запнувшись и покраснев, он открыл фотоаппарат, который Виктория только сейчас — и не без некоторого, надо сказать, удивления — заметила у него.

— Я хотел бы сфотографировать вас, — выдавил наконец из себя молодой человек. — Понимаете, завтра уезжаю в Багдад и...

— В Багдад? — разочарованно переспросила Виктория.

— Да. Сейчас я уже, кажется, начинаю жалеть об этом... Еще утром, однако, я только и мечтал покинуть Англию, так что без раздумий принял предложение.

— Что же вам предложили?

— Должность... Не бог весть какую привлекательную, но выбирать-то не приходится... Мой шеф, доктор Ратбон, это ученый муж с массой разных степеней и званий, который одержим одной лишь страстью — распространять интеллектуальные, как он их называет, ценности. Создал сеть библиотек в разных забытых богом уголках мира..., а теперь едет, чтобы открыть еще одну — в Багдаде. По его заказу Шекспира и Милтона перевели на арабский, турецкий, персидский, армянский и еще какие-то там языки..., а он, стало быть, распространяет их... Идея забавна

я, но именно она обеспечила ему финансовую поддержку... Мне, впрочем, жаловаться грех, раз это помогло мне получить работу.

— Какую же, собственно говоря?

— Господи, что-то среднее между доверенным лицом и мальчиком на побегушках. Занимаюсь билетами, паспортами, слежу, чтобы не пропал багаж, мечусь, как ошпаренный, и закончив, все начинаю сначала. Думаю, что и в Багдаде все будет точно так же. Как видите, веселого мало!

У Виктории язык не повернулся утверждать обратное.

— Давайте, — проговорил, возвращаясь к фотоаппарату, Эдвард, — сделаем два снимка... Один в профиль, а другой анфас...

Викторию не надо было долго уговаривать.

— Отлично! — проговорил, сделав снимки, Эдвард и, укладывая аппарат в футляр, добавил:

— Просто идиотизм, что приходится уезжать как раз сейчас, когда я познакомился с вами! Еще немного, и я решил бы остаться, но подвести человека в последний момент выглядело бы просто некрасиво... Так ведь?

— Конечно. К тому же, быть может, поездка окажется гораздо более приятной, чем вы ожидаете...

Он покачал головой.

— Сомневаюсь. Странно, но иногда мне кажется, что в этом деле не все чисто...

— Вот как?

— Не спрашивайте, откуда у меня такое впечатление! Я и сам не знаю, но, тем не менее, буду чертовски удивлен, если ошибусь.

— Вы не доверяете этому..., как его... Ратбон?

— Ну, что вы! Это почтенная особа, член не знаю уж скольких научных обществ и, вообще, добрая душа!.. Ладно, там видно будет!.. Как бы то ни было, я поеду! Жаль, что не вместе с вами!

— Мне тоже...

— А вы чем займетесь здесь?

— Буду искать работу, черт возьми! Прежде всего попробую через агентство «Сент — Гилдрик» на Гоуэр Стрит.

— Что ж.., до свиданья, Виктория!

— До свиданья, Эдвард! Желаю удачи!

— Вы, конечно, больше никогда и не вспомните обо мне...

— Вот тут вы ошибаетесь!

— Вы так непохожи на всех девушек, которых мне приходилось встречать. Я хотел бы...

Часы на башне пробили половину.

— Черт! И впрямь надо бежать! — вскрикнул молодой человек.

Виктория проводила его взглядом, а затем, усевшись поудобнее, вновь задумалась. Думала она о Ромео и Джульетте. Прославленные влюбленные выражались, конечно, более изысканным языком, чем Эдвард и Виктория, но несчастны были ничуть не менее. В ее памяти всплыла незатейливая песенка, которую она слышала еще, кажется, от своей старушки — няни:

Джамбо говорит Алисе: «Я люблю тебя!»,
А Алиса отвечает: «Не поверю я!
Если б ты любил меня так, как говоришь,
То не стал бы ни за что уезжать в Париж».

Абсолютно та же ситуация. Надо только заменить Париж Багдадом.

Виктория поднялась со скамейки и, выйдя из парка, направилась в сторону Гоуэр Стрит. Только что она приняла два твердых решения.

Во — первых, она выйдет замуж за этого молодого человека, потому что полюбила его точно так же, как Джульетта полюбила Ромео. А во-вторых, ей необходимо попасть в Багдад, потому что Эдвард будет в Багдаде.

Как добраться до Багдада? Задача была нелегкой, но Викторию она не пугала. У прямая и оптимистичная по природе, она не сомневалась, что добьется своего.

— Как бы то ни было, — прошептала Виктория, — мне необходимо попасть туда!

Глава третья

В отеле «Савой» Анну Шееле приняли так тепло, как принимают только самых лучших постоянных клиентов. Осведомившись о здоровье мистера Моргенталья, администратор не преминул подчеркнуть, что, если мисс Шееле не понравится номер, ей достаточно будет только слово сказать... Удивляться тут было нечему — в конце концов, разве мисс Шееле не воплощала собой доллары?

Приняв ванну, мисс Шееле переоделась, позвонила по телефону в Кенсингтон, а затем спустилась вниз и вышла из отеля. Подозвав такси, она велела ехать на Бонд Стрит, к ювелирному магазину Картье.

Когда она садилась в машину, прохожий, давно уже разглядывавший витрину, взглянул на часы и подал знак водителю другого такси, который, не обратив внимания на настойчивые призывы нагруженной пакетами дамы, отправился вслед за первым. Когда обе машины остановились перед светофором при выезде на Трафальгарскую площадь, мужчина, сидевший во втором такси, выглянул в окно и сделал чуть заметный жест рукой. Легковой автомобиль, стоявший в поперечной улочке, тут же пристроился за вторым такси.

Такси мисс Шееле повернуло налево, второе, следовавшее за ним до сих пор, — направо. Теперь за машиной мисс Шееле следовала уже легковая, серый «Стандарт». В ней находились двое: небрежно сидевший за рулем светловолосый мужчина и рядом с ним молодая, элегантно одетая женщина. На Бонд Стрит «Стандарт» на мгновение остановился, чтобы дать пассажирке выйти. Коротко попрощавшись с водителем, она зашагала вперед и вскоре обогнала обе машины, застрявшие в уличной пробке.

Она уже несколько минут находилась в магазине, когда перед ним остановилось такси Анны Шееле. Расплатившись с таксистом, Анна зашла к знаменитому ювелиру. Выбирала покупку она довольно долго, остановившись наконец на сапфире и очень приличном бриллианте. Расплатилась Анна чеком, подпись на котором вызвала немедленную реакцию продавца.

— Рады вновь видеть вас, мисс Шееле. Мистер Моргенталь тоже в Лондоне?

— Нет.

— Я решился спросить об этом, потому что как раз сейчас у нас имеется несколько исключительно красивых сапфиров, которые, несомненно, заинтересовали бы его. Желаете, может быть, взглянуть на них?

— Разумеется.

Восторженно отозвавшись о сапфирах, мисс Шееле пообещала поговорить о них с мистером Моргенталем и покинула магазин. Женщина, долго примерявшая серьги, неожиданно заявила продавщице, что передумала, и тоже вышла. Даже не взглянув на стоявший неподалеку «Стандарт», она последовала за Анной Шееле и вслед за нею вошла в цветочный магазин. Анна заказала три дюжины алых роз, букет пармских фиалок и несколько веток мимозы, попросив доставить все это по указанному ею адресу.

— Все вместе — двенадцать фунтов и восемнадцать шиллингов, мэм.

Расплатившись, Анна вышла. Следовавшая за ней женщина, поинтересовавшись лишь, сколько стоит букетик примул, тоже вышла. Дальнейший путь Анны лежал на Сэвиль Роу, к одному из тех знаменитых модельеров, которые, занимаясь как правило лишь мужскими костюмами, временами снисходят до того, чтобы отдать свой талант на службу прекрасному полу.

Мистер Болфорд отнесся к мисс Шееле с тем уважением, которое вызывает солидный клиент, расплачивающийся, вдобавок, долларами.

— Я счастлив, — сказал он, — что у меня есть как раз то, что вам нужно! Когда вы возвращаетесь в Нью — Йорк, мисс Шееле?

— Двадцать третьего.

— Стало быть, время у нас есть. Полетите самолетом?

— Разумеется!

— Ну да, конечно. Как дела по ту сторону океана? У нас положение..., просто отчаянное.

Покачив головой с видом врача, рассказывающего о безнадежном больном, он продолжал:

— Люди потеряли вкус к работе, никто не хочет идти в ученики. Знаете, мисс Шееле, кто будет кроить ваш костюм? Мистер Лентвик... Ему восемьдесят два года, но, если я хочу, чтобы работа была сделана как следует, это единственный, к ко

му я обращаюсь! Остальные...

Окончание фразы мистер Болфорд заменил глубоким вздохом.

— Когда вам угодно будет приехать для первой примерки, мисс Шееле? Устроит вас, скажем, через неделю, в половине двенадцатого?.. Тогда, стало быть, так и договоримся!

Анна вновь села в такси, чтобы вернуться в «Савой». Машина, управляемая невысоким шатеном, который следил за мисс Шееле от самого отеля, была уже здесь. Некоторое время она следовала за такси, но затем свернула к служебному выходу из «Савоя». Там женщину ожидала, прогуливаясь по тротуару, пухленькая дама, напоминавшая нарядившуюся горничную.

— Ну как, Гортензия? Номер осмотрела?

— Осмотрела. Ничего интересного. Позавтракав в ресторане, Анна Шееле поднялась к себе. Номер, убранный в ее отсутствие, сиял чистотой. Анна подошла к двум лёгоньким чемоданам, составлявшим весь ее багаж. Быстро осмотрев первый чемодан, который она оставила открытым, Анна перешла ко второму, запертому. Все было на месте и выглядело нетронутым. Поверх аккуратно сложенного белья лежали кожаный бумажник, фотоаппарат и две катушки пленки в фабричной упаковке. Анна осторожно приоткрыла бумажник и улыбнулась: едва заметный светлый волосок, вложенный ею перед выходом, куда-то исчез. Слегка посыпав поверхность бумажника пудрой, Анна сдула ее. Бумажник остался блестящим и чистым — никаких следов отпечатков пальцев. Но ведь утром, закончив причесываться, Анна брала его еще чуть жирными от брильянтина пальцами. Отпечатки должны были быть — во всяком случае, ее собственные.

Анна вновь улыбнулась.

— Работа неплохая, — прошептала она, — но далеко не высший класс.

Быстро уложив нужные вещи в сумочку, Анна спустилась вниз. Вскоре такси уже доставило ее в Элмсли Гарденс. Расплатившись с водителем, Анна поднялась по ступенькам дома номер 17 и позвонила. Дверь отворила пожилая женщина, окинувшая гостью подозрительным взглядом. Тут же, однако, лицо ее прояснилось.

— Господи! Мисс Элси будет просто счастлива! Она так ждет вас!.. Проходите, пожалуйста!

Анна вошла в длинный полутемный коридор, который вел в салон, обставленный

й не слишком, может быть, элегантно, но зато очень уютно. В большом кресле сидела женщина, которая вскочила навстречу гостье.

— Анна!

— Элси!

Сестры расцеловались.

— Все улажено, — сказала Элси. — Я ложусь сегодня вечером. Очень надеюсь...

Анна перебила ее:

— Успокойся, Элси! Я уверена, что все будет в порядке.

Невысокий мужчина в дождевике вошел в телефонную будку и набрал номер.

— Фирма «Валгалла»?

— Да.

— Говорит Сандерс с реки.

— Сандерс с реки? Какой реки?

— Сандерс с Тигра. Отчет по А. Ш. Прибыла из Нью — Йорка сегодня утром. По бывала у Картье, где купила сапфир и кольцо с бриллиантом за сто двадцать фунтов. В цветочном магазине Джейн Кент купила за двенадцать фунтов и восемнадцать шиллингов цветы, поручив доставить их в клинику на Портленд Плейс. После этого заказала костюм у Болфорда. Ни одно из этих заведений не отмечено как подозрительное, но в дальнейшем будут взяты под наблюдение. Номер, занятый А.Ш., в «Савое», проверен. Ничего существенного. В бумажнике документы, относящиеся к сделке с фирмой Пэйпер Мерджер. Интересы не представляют. В чемодане фотоаппарат с двумя катушками пленки. На всякий случай мы заменили их, но при проверке пленка оказалась чистой. Взяв только сумочку, А. Ш., отправилась к сестре. Адрес: Элмсли Гарденс, 17. Сестра сегодня вечером ложится в клинику на Портленд Плейс для операции. Подтверждено дежурным клиники и регистрационной книгой. Судя по поведению А. Ш., она либо не заметила, что за ней установлена слежка, либо это не произвело на нее ни малейшего впечатления. Ночь она, вероятно, проведет в клинике, но номер в «Савое» оставила за собой. В Нью — Йорк возвращается двадцать третьего, самолетом. Билет уже заказан.

Человек, назвавший себя «Сандерсом с Тигра», сделал паузу, а потом добавил уже неофициально:

— Если хотите знать мое мнение, то мы только зря время теряем. Все это пустой номер! По-моему, она просто порастрясти лишние деньги приехала! Это ж надо — двенадцать фунтов восемнадцать шиллингов за какие-то цветы!

Глава четвертая

Виктория, надо отдать ей должное, ни на секунду не сомневалась, что добьется своего. Конечно, узнать, что молодой человек, в которого ты только успела влюбиться, уезжает за три тысячи миль от Лондона, иначе, чем злой шуткой судьбы, не назовешь. Но что это, в конце концов, меняет? Она сама тоже, чего бы это ни стоило, поедет в Багдад — вот и все! Только как это сделать?

Как раз об этом и размышляла Виктория, не спеша шагая по Тоттенхем Корт Роуд. Багдад! Чем бы она могла заняться в Багдаде? Эдвард говорил что-то насчет библиотек и интеллектуальных ценностей. Культура — это по части ЮНЕСКО, рассылающего во все концы света своих людей. На судьбу они, по большей части, не жалуются. Беда лишь в том, что все места в ЮНЕСКО расхватываются девицами с университетскими дипломами и связями. Надо искать что-то другое.

Решив, что надо делать все по порядку, Виктория прежде всего отправилась навести справки в туристском агентстве. Оказалось, что добраться до Багдада не составляет ни малейшего труда. Есть даже выбор: можно лететь самолетом, можно избрать морской путь через Басру, а можно доехать поездом до Марселя, затем попасть по морю в Бейрут и завершить поездку в автомобиле. При желании можно, конечно, заглянуть по дороге в Египет. Наиболее удобен воздушный путь, при котором проще всего решается вопрос с визами. Поскольку Багдад входит в стерлинговую зону, никаких проблем с обменом денег не возникает. Разумеется, только с обменом, потому что стоимость проезда составляет в зависимости от выбранного маршрута от шестидесяти до ста фунтов. Как раз последняя деталь и вызывала трудности, поскольку все состояние Виктории, полученное от мистера Грингольца, составляло три бумажки по одному фунту, да плюс еще двенадцать шиллингов, остававшихся у нее, когда она получила расчет, и пять фунтов на сберегательной книжке.

На всякий случай Виктория поинтересовалась — нельзя ли устроиться стюардесс

ой, но тут же прекратила расспросы, узнав, что желающих сотни и после подачи заявления приходится ждать месяцами, пока оно будет рассмотрено.

В конце концов она направилась в обычное, хорошо знакомое бюро по трудоустройству, где мисс Спенсер встретила ее с двусмысленной улыбкой, адресованной постоянным, так сказать, клиентам.

— Снова у нас, мисс Джонс! Я надеялась, что на этот раз место окажется...

— Оно оказалось совершенно невыносимым, — не допускающим возражений тоном проговорила Виктория. — Вы не представляете, что мне пришлось вынести!

— Да?... Ну, тогда не будем об этом!

— Вот именно! Не будем..., что вы можете предложить мне?

Мисс Спенсер открыла свою книгу.

— Мне хотелось бы, — продолжала Виктория, — получить место в Багдаде.

— В Багдаде? — с остолбеневшим видом посмотрела на нее мисс Спенсер.

— Да, мне хотелось бы поехать в Багдад.

— В качестве..., секретарши?

— Если получится!.. Могу на крайний случай поехать сиделкой, няней или кухаркой. Мне все равно — лишь бы в Багдад.

Мисс Спенсер покачала головой.

— Не стану вас слишком обнадеживать. Вчера одна дама искала женщину, согласную поехать с двумя ее девочками в Австралию...

— Это меня не интересует. Мне нужен Багдад. Если подвернется что-нибудь... Условия меня устроят любые — только бы дорога оплачивалась...

Опережая удивленный вопрос, появившийся во взгляде мисс Спенсер, Виктория добавила:

— Да, да... Там у меня..., есть друзья, которые подыщут мне отличную, хорошо оплачиваемую должность. Мне лишь бы только добраться туда!

— Конечно, конечно...

Выходя из бюро, Виктория купила вечернюю газету и быстро просмотрела ее. Там только о Багдаде и говорилось! Доктор Понсфут Джонс, знаменитый археолог, собирается предпринять раскопки на месте древнего города Мурик в ста двадцати милях от Багдада. Большое рекламное объявление напоминало, что самый дешевый путь в Багдад — морем до Басры, а затем одним из поездов, идущих на Багдад или Мосул. В кинотеатре шел фильм «Багдадский вор», а в литературной рубрике был помещен разбор выходящей в свет книги «Жизнь Гарун — аль — Рашида, халифа багдадского». У Виктории создалось впечатление, что весь мир занят Багдадом, а ее-то он начал интересовать только сегодня, примерно без четверти два.

Виктория понимала, что попасть в Багдад будет не так-то просто, но оптимизм не оставлял ее, и вечером, перед сном, она составила план действий на ближайшее будущее, выглядевший следующим образом.

Дать небольшое объявление.

Зайти в Министерство иностранных дел.

Зайти в посольство Ирака.

Заглянуть в фирмы, занимающиеся импортом фиников и мореходные агентства.

Навести справки в информационном бюро Селфриджа.

Все это вынуждена была признать Виктория, выглядело не слишком обещающе, а потому в последней строчке она поставила вопрос, к решению которого не видно было пока никаких подступов:

Где раздобыть сто фунтов?

Проснувшись Виктория в пять минут одиннадцатую. Не теряя времени, оделась, и когда заканчивала причесываться, зазвонил телефон. Она подняла трубку.

На другом конце провода была мисс Спенсер. Очень возбужденная, судя по голосу.

— Господи, как я рада что сумела дозвониться до вас! Такое необычайное совпадение!

— Совпадение?

— Еще бы! Некая миссис Клип, которая через три дня уезжает в Багдад, сломала руку. Ей нужна сопровождающая. Я сразу же позвонила вам. Естественно, я не знаю, обращалась ли она в другое бюро...

— Бегу к ней. Где ее можно найти?

— В отеле «Савой».

— Миссис Трип, сказали вы?

— Нет, Клип. Мистер и миссис Гамильтон Клип, отель «Савой». Звонил мне, кстати, как раз мистер Клип.

— Не знаю, как вас и благодарить! Бегу!

Быстро почистив свой, увы, не слишком новый костюм, Виктория причесалась заново, заставив улечься — сейчас надо выглядеть серьезной особой — несколько о непокорных локонов. Затем она бросила взгляд на полученную от мистера Грингольца рекомендацию и, нахмурившись, покачала головой.

Из автобуса Виктория вышла в Грин Парке, неподалеку от входа в отель «Ритц». По дороге она пару раз заглянула в газету, которую читала ее соседка, и не без пользы, поскольку таким образом ей удалось узнать, что леди Синтия Бредбери покинула накануне страну, отправившись в Западную Африку. Зайдя в почтовое отделение «Ритца», Виктория без долгих раздумий написала на бланке отеля рекомендацию, блестяще оценивающую ее собственные достоинства, и поставила под ней подпись аристократической путешественницы.

Несколькими минутами позже Виктория вошла в отель «Болдертон», облюбованный священнослужителями и богатыми провинциальными вдовами. Задержалась она там ровно на столько, чтобы успеть составить еще одну рекомендацию, подписанную на этот раз епископом Ллангоу.

Снарядившись подобным образом, Виктория автобусом отправилась в «Савой». Заявив, что ей нужно повидаться с миссис Клип «по поручению агентства Сент — Пилдрик», она направилась к внутреннему телефону, но в этот момент дежурный кивнул в сторону выхода из лифта:

— А вот как раз и мистер Гамильтон Клип... Мистер Клип оказался высоким мужчиной с очень американской, но в общем-то вполне симпатичной внешностью. Виктория подошла к нему и, представившись, вновь сослалась на «агентство Сент — Пилдрик».

— Что ж, мисс Джонс, — ответил он, — давайте сразу зайдем к миссис Клип. Она у себя. Когда я уходил, она беседовала с какой-то девушкой, но, мне кажется, разговор уже заканчивался.

Виктория побледнела. Неужели неудача постигнет ее у самой цели?

Лифт доставил их на четвертый этаж. Они шли по длинному коридору, когда Виктории вдруг почудилось, что она стала жертвой галлюцинации. Молодая женщина, шедшая им навстречу, на мгновение показалась ей хорошо знакомой! Наверное, потому, что на этой исключительно элегантной даме был тот самый костюм, купить который Виктория так давно мечтала.

Женщина миновала их. Шляпка, экстравагантно сдвинутая набок, несколько закрывала ее лицо. Тем не менее мистер Клип узнал ее и проводил взглядом.

— Анна Шееле! — пробормотал он, когда женщина скрылась за поворотом коридора. — Черт возьми, вот уже не ожидал увидеть ее здесь!

Обернувшись к Виктории, он добавил:

— Прошу извинить меня, мисс Джонс! Уж очень я удивился, встретив в Лондоне даму, которую не далее, как на прошлой неделе, видел в Нью — Йорке. Это секретарша крупного международного финансиста.

Они остановились перед одной из дверей. Мистер Клип постучал, затем, не дожидаясь ответа, отворил дверь и отступил в сторону, пропуская Викторию.

Миссис Клип, сидевшая в кресле у окна поднялась, чтобы встретить их. Это была женщина небольшого роста с круглыми, поразительно напоминавшими птичьи, глазами. На ее правую руку была наложена гипсовая повязка. Мистер Клип представил хозяйку и гостью друг другу.

— Согласитесь, мисс Джонс, — немедленно заявила миссис Клип, — что мне отчаянно не везет! Собираюсь наконец в Ирак, чтобы повидать дочь — она уже почти два года живет там с мужем, в Лондоне мы отправляемся погулять по городу, заходим в Вестминстерское аббатство, я спотыкаюсь, и, пожалуйста, рука сломана. Мне наложили гипс и жаловаться было бы не на что — боли я практически

и не чувствую, но как быть с поездкой? Я совершенно беспомощна, а менять что — либо уже поздно — билет куплен. Мужу дела позволят покинуть Лондон только через три недели. Первое, что пришло нам в голову, это нанять сиделку, которая потом сразу же вернулась бы в Англию — там, в Ираке, я ведь нужна в ней уже не буду. А потом я подумала, что можно попробовать найти женщину, которая, так или иначе, собирается ехать в Ирак и согласится сопровождать меня в обмен за оплату проезда.

Виктория сочла необходимым уточнить, что сиделкой ее, строго говоря, назвать нельзя. Тон, которым это было сказано, давал понять, что она явно скромничает — тем более, тут же Виктория упомянула о том, как ей в течение целого года пришлось ухаживать за леди Синтией Бредбери. Передав свои аттестаты миссис Клип, она продолжала:

— Что касается секретарской работы, то с ней я знакома неплохо. Мне не раз приходилось помогать моему дяде, епископу Ллангоу.

Слова эти были произнесены с очаровательной скромностью. Миссис Клип, на которую они явно произвели сильное впечатление, передавая бумаги мужу, воскликнула:

— Само Провидение посылает вас!

Виктория не стала разочаровывать ее, ограничившись легкой улыбкой.

— В Багдада вы едете к кому-то или вас ждет там работа? — поинтересовалась миссис Клип.

Вопрос застал Викторию врасплох. Позаботившись о рекомендациях, она не подумала, что отвечать на вопрос, почему ей так хочется попасть в Багдад. На ответ, столь же изобретательный, сколь и дерзкий, ее натолкнуло воспоминание о прочитанной накануне газетной заметке.

— Я еду к своему дяде, доктору Понсфут Джонсу.

— Археологу?

— Совершенно верно!

У Виктории мелькнула мысль о том, что с количеством выдающихся дядюшек она, пожалуй, перехватила, но отступать было уже поздно.

— Меня чрезвычайно интересуют его работы, — объяснила она, — но, поскольку

я не специалист, поехать с экспедицией, лишних денег у которой, разумеется, не было, я не могла. Другое дело, если я доберусь туда собственными силами...

— Месопотамия, — заметил мистер Клип, — несомненно, открывает перед археологами обширнейшее поле деятельности.

Виктория вновь обратилась к миссис Клип.

— Насколько я знаю, мой дядя епископ сейчас находится в Шотландии. Однако его секретарша в Лондоне, и вы можете связаться с ней, позвонив в Фулхемский дворец. Номер телефона: Пимлико 97 693. Полагаю, что около половины двенадцатого она будет на месте и сообщит вам обо мне все интересующие вас сведения.

— Я уверена...

Мистер Клип не дал жене закончить фразу.

— Время не терпит, — вмешался он. — Самолет вылетает послезавтра. У вас есть заграничный паспорт, мисс Джонс?

К счастью, несколько месяцев назад Виктории случилось провести выходные во Франции, и паспорт у нее был.

— Я на всякий случай захватила его с собой, — добавила она.

— Прекрасно, прекрасно! Люблю людей с деловой хваткой!

Виктория поняла, что выиграла. Другим конкуренткам, если они появятся, рассчитывать уже не на что. Рекомендации, заграничный паспорт...

— Понадобится пара виз, — заметил мистер Клип, — но у меня есть знакомый, который все это уладит. Тем не менее, хорошо, если бы во второй половине дня вы еще раз зашли к нам — на случай, если понадобится ваша подпись.

Виктория, пообещав непременно быть к четырем часам, поспешила к себе домой и, усевшись у телефона, приготовилась придать своему голосу оттенок чопорности, свойственный секретаршам духовных особ... На случай, если миссис Клип сочтет нужным навести все-таки справки. Миссис Клип, однако, так и не позвонила.

Вопрос с визами был улажен в тот же вечер. Последнюю в Лондоне ночь миссис Клип попросила Викторию провести в «Савое», чтобы утром отправиться вместе

е в аэропорт.

Глава пятая

Лодка, два дня назад отплывшая из небольшого поселка на границе с Ираном, с пускалась вниз по быстрому течению Шатт — Эль — Араба. Сидевшему за рулем Абдулу Солиману, старику, много лет водившему лодки в Басру, делать было почти нечего.

Сидя с полузакрытыми глазами, он негромко напевал бесконечную и печальную арабскую мелодию:

Ашри би лел я ямали Хаджи Алек я ин Али...

В лодке был еще один человек, одетый, как часто теперь случается в этих местах, частью на восточный, частью на европейский манер. Поверх длинной, похожей на платье, — полосатой галабеи был надет истрепанный и грязный, защитного цвета китель. На плечи был накинут вязаный красный платок, а непременная белая — черная накидка — кефия удерживалась на голове черной шелковой лентой. Глядя невидящим взглядом на реку, человек этот, сам того не сознавая, тихонько подпевал старику — арабу. Он ничем не отличался от тысяч других обитателей Месопотамии, и ничто не выдавало в нем англичанина, обладателя тайны, которая могла стоять ему жизни.

В его памяти оживали картины недавнего прошлого: засада в горах, верблюжий караван, те четыре дня, которые он шел по пустыне вместе с двумя спутниками.

Нагруженными своей «кинокамерой», ночи, проведенные в шатрах старых друзей из племени Анейзех, западни, которых нужно было избежать, чтобы проскользнуть сквозь невидимую сеть, сотканную врагами. Все знали о нем главное...

«Генри Кармайкл. Британский агент. Возраст около тридцати лет. Шатен, глаза темные — карие, рост 1,78. Говорит на арабском, курдском, персидском, армянском и турецком языках, а также на хинди и различных диалектах горцев. Имеет друзей среди различных племен. Опасен».

Кармайкл родился в Кашгаре, туркестанском городе, где служил его отец. Дружья в самых глухих уголках Ближнего Востока остались у него еще с детства. С большими городами, правда, дело обстояло хуже, и он не скрывал от самого себя, ч

то в Басре ему придется трудно. Все равно это благоразумнее, чем пытаться направиться прямо в Багдад. Руководство предоставило ему свободу действий, и он сам выбрал маршрут, для большей безо — пасности даже не сообщив о нем за ранее. Судя по тому, что самолет, который должен был подобрать его в условленном месте, так и не появился, можно было заподозрить утечку информации или даже прямое предательство.

Кармайкл чувствовал, что грозящая ему опасность нарастает, но мысль о возможности потерпеть неудачу у самой цели вызывала в нем внутреннее сопротивление.

Ритмично работая веслами, старик — араб, не оборачиваясь, проговорил:

— Время близится, сын мой. Да будет с тобою Аллах!

— Сразу же возвращайся домой, отец. Не задерживайся здесь, я не хочу, чтобы с тобой случилось несчастье.

— Разве можно уйти от судьбы, сын мой. Все в руках Аллаха!

— Инша Аллах!

Лодка вошла в канал, шедший под прямым углом к руслу реки. Ловко маневрируя между множеством сновавших в нем суденышек, араб причалил к берегу.

— Мы прибыли! — проговорил он. — Да будет легким твой путь и да продлит Аллах дни твоей жизни!

Кармайкл поднялся по скользким сходням на набережную. Перед ним была привычная картина: мальчишки — продавцы, крикливо расхваливающие свой товар, неспешно прохаживающиеся мужчины в восточной одежде. Чуть подальше, на другой стороне улицы, там, где виднелись витрины магазинов и вывески банков, прохожие были как правило одеты по-европейски. В основном, это были юные эффенди, сыновья местных богачей, или иностранцы, главным образом англичане. Факт, что только что в Басре стало одним арабом больше, судя по всему, не привлекал ничего внимания.

Кармайкл зашагал вперед. Шел он медленно, безразлично поглядывая по сторонам. Чтобы не выйти из роли, временами он откашливался и сплевывал наземь, а пару раз вытер нос пальцами.

Миновав мост через канал, он оказался в лабиринте улочек арабских кварталов. Движение и шум здесь не утихали ни на минуту. Каждый локтями прокладывал

себе дорогу среди пешеходов и груженных мулов, мальчишки ссорились, прекращая перебранку только для того, чтобы броситься вслед за группкой европейцев, выпрашивая бакшиш...

Здесь можно было купить любой товар — европейского или местного производства. Алюминиевые сковородки и чайники, медная чеканка и серебряные украшения из Амары, часы и эмалированные горшки, персидские ковры и подержанная одежда, покрывала и глиняные кувшины — словом, все, что производят в стране или привозят из Европы.

Хотя в переулках царила обычная суета и никто как будто не обращал на него внимания, Кармайкл все отчетливее ощущал приближение опасности. Он и сам не смог бы объяснить, откуда взялось это ощущение. Он был почти уверен, что за ним никто не следит, и, тем не менее, чувствовал опасность. Инстинкт человека, за которым не раз уже охотились, не обманывал его — в этом у Кармайкла не было сомнений.

Миновав несколько полутемных переулков, он свернул направо, потом налево, прошел под аркой и оказался на рыночной площади, окруженной рядами лавочек. Кармайкл остановился перед одной из них. У входа были развешаны фервахи — куртки из дубленой овчины, привезенные из Курдистана. Хозяин лавочки, завершив, видимо, сделку, угощал кофе покупателя, высокого, почтенного вида бородача, феска которого была украшена зеленой лентой, свидетельствовавшей о том, что ее владелец побывал в Мекке и его следует именовать «хаджи».

Пощупав фервах, Кармайкл спросил:

— Беш хада?

— Семь динаров.

— Слишком дорого!

Допив кофе, хаджи поднялся с места.

— Ковры будут доставлены мне сегодня же?

— Обязательно. Вы ведь завтра уезжаете?

— На рассвете. В Кербелу.

— Кербелу? — заметил Кармайкл. — Я родом из тех мест, но вот уже пятнадцать лет, как не преклонял колени перед гробницей Хусейна.

— Да, это святой город, — важно проговорил хаджи.

— Внутри у меня есть фервахы и подешевле, — даже не повернувшись к новому покупателю, сказал лавочник.

— Что мне нужно, — заметил Кармайкл, — так это белый фервах.

— Есть и такие...

Торговец показал пальцем на открытую дверь лавочки.

Пока все шло нормально. Обычный разговор — за день таких можно услышать десятки, но упомянутые в нужном порядке ключевые слова — Кербела, белый фервах — имели для собеседников особый смысл.

Лишь войдя в лавочку, Кармайкл, присмотревшись к торговцу внимательней, понял, что это не тот человек, с которым он ожидал встретиться. Он был уверен, что не ошибается, хотя видел того лишь однажды. Торговец был на него похож, очень похож, но все же это был не тот.

Остановившись, Кармайкл чуть удивленно спросил:

— А где Салах Хасан?

— Мой бедный брат умер три дня назад. Эта лавка перешла ко мне по наследству...

Объяснение выглядело достаточно правдоподобным.

Сходство было несомненным, а на Интеллидженс Сервис могли работать оба брата. Тем не менее, в маленькую, полутемную комнатку за стойкой Кармайкл вошел, соблюдая осторожность больше, чем когда бы то ни было. На полках были разложены разнообразные товары, а на низеньком столике у двери лежал аккуратно сложенный белый фервах.

Кармайкл приподнял куртку. Под ней было то, что он ожидал: европейская одежда. Хороший, хотя слегка поношенный костюм. В лавку вошел безымянный араб, выйдет же из нее мистер Уолтер Вильяме, служащий фирмы «Кросс энд Компани», о деловой встрече с которым торговец давно уже договаривался. Разумеется, в природе существовал самый что ни на есть доподлинный мистер Уолтер Вильяме, достойный и всеми уважаемый коммерсант. Все правильно. Кармайкл перевел дыхание и начал расстегивать свой рваный китель.

Если бы в качестве оружия был избран револьвер, эта минута оказалась бы последней в жизни Кармайкла. Однако его враги, чтобы не было шума, предпочли воспользоваться кинжалом.

Человек, державший длинный изогнутый клинок, прятался за кипой одежды. Кармайкл увидел не сам кинжал, а его отражение на полированной поверхности большой медной вазы, стоявшей на полке. Еще секунда — и лезвие вонзилось бы ему в спину...

Резко повернувшись, Кармайкл схватил нападавшего за руку и одним рывком бросил его на пол. Кинжал отлетел в сторону. Выскочив из лавочки, Кармайкл на глазах у хаджи, явно удивленного странным поведением второго покупателя, перебежал площадь и скрылся в уличной толпе. Через минуту он уже шел спокойным шагом человека, которому некуда спешить.

Иногда он останавливался, разглядывая выставленные товары, но и в эти мгновения мозг его продолжал напряженно работать. Хорошо продуманный и подготовленный план закончился провалом. Он вновь был один, во враждебном окружении. Урок, который следовало извлечь из только что пережитых минут, был ясен.

Опасаться следовало не только тех, кто шел по его следу, но и других, быть может, более опасных врагов, сумевших узнать слова пароля и устроить западню, которая, по всем законам логики, должна была оказаться для него роковой. На него ведь напали в тот самый момент, когда он должен был чувствовать себя в полной безопасности. Работа ли это иностранных агентов, проникших в английскую разведку, или какого-то несчастного, продавшегося за деньги или поддавшегося шантажу? В конце концов, это не так уж существенно. Важен результат: сейчас он остался один, без денег, без прикрытия, без возможности раздобыть новые документы. И, очень может быть, его уже выследили.

Он не оборачивался. Зачем? Если за ним следят, то делают это не новички.

Продолжая размышлять, Кармайкл бесцельно шагая вперед. Покинув арабские кварталы, он прошел по мосту и оказался у входа в британское консульство. Пока никто как будто не обращал на него внимания. Что проще, чем зайти в консульство? Кармайкл, однако, колебался. Легко войти в мышеловку, но мышам, соблазненным кусочком ароматного сыра, приходится вскоре узнать, чего стоит эта легкость.

Риск, конечно, существует, но другого выхода Кармайкл сейчас не видел.

Он вошел в ворота консульства.

Глава шестая

Сидя в приемной консульства, Ричард Бейкер ожидал своей очереди.

Утром он сошел с борта «Королевы Индии». Судно, вопреки обыкновению, пришло точно по расписанию, таможню он прошел быстро — в его багаже не было ничего, кроме книг да сунутых в последнюю минуту нескольких пар белья, так что теперь, перед тем, как отправиться через Багдад к цели своего путешествия, селению Телль — Асуад, расположенному на месте древнего Мурика, у него было два свободных дня.

Он уже знал, как распорядится этими днями. Неподалеку от границы с Кувейтом есть курган, хранящий, быть может, следы одной из исчезнувших цивилизаций. Отличный случай побывать там и провести хотя бы поверхностную разведку.

Наведя справки, Бейкер выяснил, что может попасть в Кувейт самолетом, вылетающим завтра в десять утра, и им же послезавтра вернуться в Басру. Нужно только разумеется, получить соответствующую визу в британском консульстве. Ричард вспомнил, что когда-то встречался в Персии с мистером Клейтоном, теперешним генеральным консулом в Басре. Будет даже приятно вновь повидаться с ним.

В консульстве секретарь, сообщив Ричарду, что мистер Клейтон в данный момент занят, но примет его, как только освободится, проводил посетителя в приемную, расположенную по левую сторону коридора, выходившего в сад.

В приемной уже было несколько человек, которых Ричард окинул беглым взглядом. Людьми он не слишком интересовался: крохотный осколок древней посуды волновал его чувства больше, чем любое живое существо рожденное в XX веке.

Он был погружен в приятное раздумье о причинах переселения племени бенджамитов в 1750 году до рождества Христова, когда, сам не зная почему, понял, что он не может больше игнорировать присутствие других Людей рядом с собой. Ничего определенного, ничего конкретного, но что-то было не так, он чувствовал это. Ощущение не было совершенно новым для Ричарда. Он испытывал его уже, это было во время войны, когда однажды на рассвете он прыгал с парашютом на вражескую территорию...

Теперь он вспомнил. То, что он почуял, было запахом человека, вспотевшего от страха...

Кому-то в этой комнате было страшно. Очень страшно...

Ричард оглядел соседей. Араб в истрепанном военном кителе, перебивавший в пальцах янтарные четки англичанин с багровой физиономией и густыми седыми усами, что-то подсчитывавший в своем блокнотике, надо полагать, коммерсант; очень смуглый молодой человек, судя по всему, сильно уставший и очень довольный представившейся возможностью посидеть часок в удобном кресле; какой-то иракский писарь и, наконец, пожилой перс в белоснежном костюме. На Ричарда никто из них не обращал ни малейшего внимания.

Араб продолжал перебивать четки. Шарики постукивали, ударяясь друг о друга, и внезапно Ричард понял, что эти звуки напоминают ему что-то знакомое. Тире..., тире..., точка... Ну, конечно же! Азбука Морзе. Во время войны Ричарду пришлось немало попрактиковаться в ней, так что читать на слух он и сейчас мог без труда. ФИЛИН. Ф—Л—О—Р—Е—А—Т—Э—Т—О—Н—А. Девиз Итона! Floreat Etona! Да процветает Итон! Что это может значить? Девиз Итона, выстукиваемый оборванным арабом! И он продолжает! ФИЛИН. ИТОН. ФИЛИН.

Он присмотрелся к арабу внимательнее. Такой же, как сотни других на улочках и портовой набережной. Араб неподвижно смотрел прямо перед собой. Ничто не говорило о том, что он знает Бейкера. Четки, однако, продолжали стучать.

Говорит Факир. Рассчитываю на тебя. Будет драка!

Факир? Какой еще факир? Ну, конечно же, факир Кармайкл, которого прозвали так, потому что он родился и вырос где-то на краю земли — не то в Туркестане, не то в Афганистане.

Вынув из кармана трубку, Ричард продул ее, внимательно осмотрел, а потом, словно выбивая остатки пепла, начал постукивать ею по пепельнице.

Принято.

Последующие события разыгрались настолько быстро, что впоследствии Ричард лишь с трудом мог вспомнить подробности. Араб встал и направился к выходу. Проходя мимо Ричарда, он споткнулся и, чтобы не упасть, схватился за археолога. Коротко извинившись, араб двинулся дальше, но в это мгновение толстый коммерсант оставил свой блокнот и сунул руку во внутренний карман пиджака. По

лнота не способствует быстроте движений, и Ричард успел вмешаться. Увидев в ыхваченный толстяком револьвер, Ричард резко ударил ребром ладони по его запястью. Револьвер упал на паркет, а пуля от прогремевшего выстрела ушла в дерево панели.

Араб тем временем исчез. Выбежав в коридор, он бросился сначала в сторону кабинета консула, расположенного рядом с открытой дверью в сад, но тут же, круто повернувшись, кинулся к двери, выходившей на улицу. Через мгновение он уже растворился в толпе.

Когда через несколько секунд в приемную вбежал хаваш — нечто среднее между дворником и домоправителем, — Ричард все еще держал коммерсанта за руку. Писарь что-то возбужденно выкрикивал, зато ни перс, ни смуглый молодой человек даже не двинулись с места.

Ричард достаточно резко потребовал объяснений.

— Что все это означает? С чего вы вздумали начать стрельбу?

Коммерсант, голос которого выдавал типичного кокни, уроженца Лондона, с удрученным видом запротестовал:

— Да нет же, нет!.. Это просто случайность!.. Неловкость...

— Кому-нибудь другому рассказывайте! Вы явно собирались застрелить того араба, который только что убежал отсюда!

— Ну что вы, я вовсе не собирался стрелять в него. Просто хотел попугать. Я просто узнал его. Жулик, подсунувший мне за хорошие деньги «древности», которым и трех лет-то не будет. Что ж мне и позабавиться над ним в отместку нельзя было?

Ричард Бейкер терпеть не мог скандалов. Объяснение немного стоило, но он решил удовлетвориться им. Доказать он ничего не мог да к тому же и не был уверен, что излишний шум вокруг этого инцидента был бы желателен Кармайклу. Скорее уж наоборот, если предположить, что он замешан в каком-то рискованном предприятии.

Ричард отпустил руку толстяка. Хаваш, тем не менее, разразился потоком слов, из которых следовало, что очень нехорошо стрелять в консульстве, что это запрещено и что консул будет крайне недоволен.

— Это же была просто случайность, — повторил виновник. — Приношу свои изв

инения и ухожу! С консулом я повидаюсь в другой раз...

Внезапно он подал Ричарду свою визитную карточку.

— Вот, пожалуйста. Я остановился в гостинице аэропорта, и там можно будет меня найти, если вокруг этой истории поднимется галдеж! Но еще раз повторяю — это была простая случайность. Неудачная шутка, вот и все!

Ричард проводил толстяка взглядом. Может, и не следовало бы вот так отпускать его, но, с другой стороны, что еще тут можно поделывать?

Через несколько минут Ричарда пригласили в кабинет консула. Мистер Клейтон был немолодым мужчиной с тронутыми сединой волосами и задумчивым взглядом.

— Не знаю, помните ли вы меня? — обратился к нему Ричард. — Мы встречались в Тегеране два года тому назад.

— Помню, конечно. Вы были там с доктором Понсфут Джонсом. Верно ведь? В этом году вы тоже участвуете в его экспедиции?

— Да, но у меня оказалось несколько свободных дней, и я решил заглянуть в Кувейт. Полагаю, это не вызовет каких — либо трудностей?

— Абсолютно никаких. Завтра утром сядете в самолет и через полтора часа будете на месте. Я телеграфирую Арчи Гонту... Это наш резидент там... Он устроит вас, а на эту ночь вы будете моим гостем.

Ричард запротестовал — не слишком, правда, горячо.

— Не хотелось бы мешать вам. Я преспокойно устроюсь в гостинице...

— Приличные гостиницы забиты сейчас битком, а мы с женой будем только рады вам. У нас, кстати, есть сейчас и другие гости: Кросби из нефтяной компании и один молодой сотрудник доктора Ратбона, приехавший, чтобы вывезти из тамни присланные им ящики с книгами. Пойдемте же! Роза будет очень рада видеть вас...

Квартира консула находилась на втором этаже. Миссис Клейтон, как и ее муж, помнила Ричарда Бейкера.

— Я не забыла, — сказала она, пожимая ему руку, — как мы с вами ходили по тегеранским базарам и как вам удалось купить совершенно великолепный ковер!

— Одна из лучших покупок в моей жизни! — ответил Ричард. — Сделанная, кстат и, благодаря вам!

— Бейкер собирается завтра лететь в Кувейт, — сказал консул. — Я уговариваю его переночевать у нас.

— Ну, конечно же! — воскликнула миссис Клейтон. — Места у нас сколько угодно, и мы отлично устроим вас.

Извинившись, консул сказал, что ему пора вернуться в приемную.

— Похоже, — добавил он, — что в приемной произошел небольшой скандал. Насколько я понял, кто-то выстрелил из револьвера...

— Какой-нибудь шейх, надо полагать, — заметила миссис Клейтон. — Они так вспыльчивы и ужасно любят хвататься за оружие...

Ричард решил, что следует поставить все на свои места.

— На сей раз это был англичанин, решивший, похоже, что араб будет для него как раз подходящей мишенью. Я обезоружил его ударом по руке.

— Стало быть, вы присутствовали там! — воскликнул Клейтон. — Я как-то даже не подумал об этом! — Консул вынул из кармана визитную карточку. — Роберт Холл, фирма «Акиллес Ворк», Энфилд... Так зовут этого типа. Понятия не имею, почему он хотел повидаться со мной. Он, случайно, не был пьян?

— Нет. Он утверждает, что хотел только пошутить, а выстрел произошел чисто случайно.

Клейтон нахмурился.

— Торговые представители как правило не разгуливают с заряженными револьверами в карманах!

— Может быть, мне следовало задержать его... — заметил Ричард.

— В подобных обстоятельствах зачастую трудно бывает найти правильное решение. Араб не был ранен?

— Нет.

— В таком случае вы поступили совершенно правильно.

— И все же хотелось бы мне знать, что кроется за всем этим!

— Да... Мне тоже, — озабоченно сказал консул.

Миссис Клейтон проводила Ричарда в салон, просторную, со вкусом обставленную комнату, и спросила, что он будет пить. Пиво или кофе? Ричард выбрал пиво, оказавшееся в меру охлажденным.

Выяснив, зачем Ричард направляется в Кувейт, миссис Клейтон поинтересовалась, почему он до сих пор не женат. Ричард ответил, что, видимо, он не создан для супружеской жизни.

— Бросьте — возразила миссис Клейтон. — Археологи обычно бывают великолепными мужьями. Кстати, в этом году женщины будут у вас на раскопках?

— Одна или две, по-моему... Ну и, естественно, миссис Понсфут Джонс...

В этот момент в комнату вошел невысокий, довольно плотный мужчина, которого миссис Клейтон представила как капитана Кросби. Она объяснила ему, что мистер Бейкер — археолог, сумевший извлечь на свет божий немало любопытнейших вещей, изготовленных в древности, тысячи лет тому назад. Капитан ответил, что никогда не мог понять, каким это образом археологи определяют возраст своих находок, и подозревает, что все они — отъявленные обманщики. Ричард с состраданием посмотрел на него и промолчал, после чего Кросби поспешил добавить, что он пошутил, но и впрямь никогда не мог понять, как это археологам удается уверенно говорить, сколько именно веков тому или иному предмету. Ричард согласился, что объяснить это не так-то просто.

— Мы вернемся еще к этому, — вмешалась миссис Клейтон, — а сейчас давайте я покажу вам вашу комнату.

Ричард обрадованно последовал за хозяйкой дома.

— Кросби очень мил и симпатичен, — заметила она, когда они вышли из салона, — но культурным его никак не назовешь!

Ричард кивнул.

Комната оказалась очень уютной. Ричард прошел по ней, сунув руки в карманы, и вдруг его пальцы нащупали на дне одного из них сложенный вчетверо листок, которого утром там вроде бы не было. Быть может, его сунул туда араб, когда, с поткнувшись, ухватился за Ричарда?

Ричард внимательно осмотрел грязную бумажку, которую не раз, видно, разворачивали и складывали вновь. Это был так называемый «шит» — род удостоверения, распространенный на Востоке. Судя по дате, выдан он был полтора года назад. Майор Уилберфорс характеризовал некоего Ахмеда Мохаммеда как умелого, трудолюбивого работника, умелого водителя и механика, притом человека безупречно честного.

Нахмутив брови, Ричард начал методично продумывать все, связанное с утренними событиями.

Очевидно, Кармайкл опасался за свою жизнь. Преследуемый, он попытался найти и убежище в консульстве. Он рассчитывал оказаться здесь в безопасности, но попал из огня в полымя. Враг поджидал его в приемной. Был ли этот человек и впрямь коммерсантом? Как бы то ни было, получив приказ, он готов был выполнять его не отступая ни перед чем. Он попытался убить Кармайкла прямо в консульстве, на глазах у свидетелей. На такой рискованный шаг его могла толкнуть только крайняя необходимость. Кармайкл, однако, узнав своего бывшего соученика, обратился к нему с просьбой о помощи и сумел передать документ, тривиальный на вид, но, надо полагать, важный. Если враги доберутся все-таки до Кармайкла и обнаружат, что этого документа у него больше нет, они, видимо, постараются отыскать всех, кому он мог его передать.

Что же все-таки сделать с этим документом?

Можно передать эту бумажку Клейтону, представителю ее величества королевы Англии. Можно сохранить, пока Кармайкл не потребует ее...

По зрелом размышлении Ричард выбрал вторую возможность.

Он сохранит документ, но примет все необходимые предосторожности.

Для начала Ричард, вырвав чистую страницу из старого отчета, сочинил аттестат — почти такой же, как тот, но с другими именами и чуть измененным содержанием. Конечно, Кармайкл мог воспользоваться Симпатическими чернилами, но истинное содержание могло быть и закодировано в тексте. Закончив, Ричард пару раз провел ладонями по подошвам своих ботинок, а затем грязными руками начал складывать и вновь разворачивать изготовленный им документ, придавая ему вид бумаги, которую месяцами носили в кармане.

Покончив с этим, он занялся оригиналом. Задуматься пришлось надолго, но наконец он с легкой улыбкой сложил документ в узкую продолговатую полоску и за

вернул ее в кусочек прорезиненной ткани, отрезанной от пакета с мылом и губкой. После этого он закатал все в пластилин и, аккуратно разгладив его поверхность, прижал к ней древнюю вавилонскую печать, изучением которой занимался последнее время. Результат вполне удовлетворил Ричарда: на пластилине остался великолепный оттиск изображения Шамаша, бога Солнца, с Мечом Правосудия в руке.

— Надеюсь, это окажется счастливым предзнаменованием! — пробормотал он.

Сфабрикованный аттестат Ричард сунул в карман. Затем он переоделся в другой костюм. Вечером, перед сном, заглянув в карманы висевшего в шкафу костюма, он обнаружил, что листочек исчез.

Глава седьмая

Сидя рядом с миссис Клип в просторном зале ожидания, огромные окна которого выходили на взлетную дорожку, Виктория наслаждалась жизнью.

Совсем недавно, приглашая занять места в автобусе, диктор произнес слова «пассажиры, вылетающие в Каир, Багдад и Тегеран». Эти магические слова доставил и Виктории невыразимое удовольствие, хотя, вероятно, ничего не говорили воображению миссис Клип. Эта дама слишком большую часть своей жизни провела в поездах, пароходах и самолетах, чтобы ощущать сказочное очарование слов, с которыми звуками своими напоминавших о таинственном Востоке. Иное дело Виктория. Даже непрерывная болтовня миссис Клип, имевшей прискорбную привычку выражать все свои мысли вслух, не мешала ей наслаждаться каждой из столь волнующих минут.

В данный момент миссис Клип обсуждала их будущих спутников по полету.

— Малыши — просто прелесть, но в самолете за детьми глаз да глаз нужен! Англичане, надо полагать. Мать одета достаточно элегантно, но выглядит довольно усталой... Этот разодетый господин — француз, конечно. Скорее всего, коммерсант... Вот тот — голландец. Он стоял как раз перед нами, когда проверяли паспорта... Те, в сторонке, либо турки, либо персы. Американцев я что-то не вижу... К стати, мы сидим тут уже полчаса, и я не понимаю, чего мы, собственно, ждем!

Ответ на вопрос миссис Клип получила почти тот час же. В зал вошел высокий мужчина в сопровождении стайки служащих авиакомпании и носильщика с двум

я роскошного вида чемоданами в руках.

— Важная, видимо, персона, — пробормотала миссис Клип.

— Которая, к тому же, хорошо отдает себе в этом отчет, — добавила Виктория.

Стремление не выделяться из окружения у вошедшего мужчины явно отсутствовало. Одет он был в просторный темно — серый дорожный плащ с капюшоном и светло — серую фетровую шляпу, широкими полями напоминавшую сомбреро. Тронутые серебристой сединой волосы были чуть длиннее, чем принято, а кончики усов кокетливо закручены. В целом он напоминал какого-нибудь театрального героя и совсем не понравился Виктории. Персонал аэропорта бегал, однако, в округ него на цыпочках.

— Да, сэра Руперта.

— Само собой, сэра Руперта.

— Все готово к отлету, сэра Руперта.

Дверь распахнулась, пропуская мужчину.

— Сэр Руперт? — вполголоса проговорила миссис Клип. — Любопытно, кто бы это мог быть.

Виктория созналась, что понятия не имеет.

— Один из ваших министров, может быть? — предположила миссис Клип.

— Не думаю.

Как бы то ни было, именно сэр Руперт был тем человеком, из-за которого задерживался отлет. Через несколько минут пассажиров пригласили пройти в самолет.

Виктория помогла миссис Клип устроиться, заняла место рядом с ней и, только застегивая ремень, обратила внимание на то, что сидит как раз позади сэра Руперта. Дверца закрылась, и огромная машина вырулила на взлетную дорожку.

Самолет оторвался от земли. Пассажиры расстегивали ремни, закуривали, открывали журналы или книги. Виктория глядела в окошко. Внизу была сплошная белая пелена облаков. Миссис Клип погрузилась в чтение романа. Сэр Руперт, накинув на голову капюшон, судя по всему, дремал. Виктория подумала, что путешествовать по воздуху не так уж занимательно.

Когда самолет приземлился на аэродроме Кастель Бенито, дождь лил как из ведра. Разукрашенные золотыми шевронами представители авиакомпании тотчас же увезли сэра Руперта в предназначенную для особо важных персон резиденцию, остальных же пассажиров разместили в похожей на барак гостинице. Виктория помогла миссис Клип привести себя в порядок, а затем они немного отдохнули в отведенной им комнатке. После обеда миссис Клип присоединилась к кружку занимавшихся ленивой болтовней дам, в то время как Виктория выслушала от проникшегося к ней явной симпатией француза целую лекцию о различных способах изготовления карандашей. Стюардесса объявила, что самолет вылетит в половине шестого утра.

— Нельзя сказать, — заметила Виктория, — что мы много повидали в Триполитании! Это всегда так, когда летишь самолетом?

— Почти всегда, — ответила миссис Клип. — Понять не могу, почему вылет всегда назначают, на какое-то совершенно невозможное время дня! Впрочем, у самолетов есть и одна положительная черта — все-таки времени в пути проводишь меньше.

Виктория тихонько вздохнула. Лично она ничего не имела против длительной поездки.

— Между прочим, — продолжала миссис Клип, — я узнала, кто эта важная персона, с которой все так носятся. Сэр Руперт Крофтон Ли, знаменитый путешественник. Вы, конечно, слыхали о нем?

Виктория кивнула. Она, действительно, не раз видела в газетах фотографии сэра Руперта. Внутренние районы Китая он знал лучше, чем кто бы то ни было, он был одним из немногих европейцев, сумевших проникнуть в Тибет и посетить Лхассу, побывал в почти не исследованных до сих пор уголках Курдистана, а отчеты о его путешествиях, написанные несколько небрежно, но очень остроумно, выходили приличными тиражами. Талант у него, безусловно, был, и, по мнению Виктории, в данном случае книги стоили большего, чем их автор. Она не стала говорить об этом миссис Клип, но для себя решила, что сэр Руперт просто «задавака».

Когда на следующее утро самолет летел над облаками, направляясь к Каиру, у Виктории оказалось вдоволь времени, чтобы как следует рассмотреть сэра Руперта. Он дремал в кресле, опустив голову на грудь. Виктория заметила на его затылке небольшой чирей — факт, доставивший ей некоторое удовольствие. Какой бы там важной особой ни считал себя сэр Руперт, он, как и любой из нас, подве

ржен мелким невзгодам, присущим человеческой природе.

В Каире Виктория позавтракала вместе с миссис Клип, заявившей, что собирается лечь немного отдохнуть, а Виктории советует съездить на экскурсию к пирамидам.

— За мой счет, разумеется, — добавила она. — Ваша валюта так обесценена!.. Поедете в машине с миссис Китчин... Это та дама с двумя малышами...

Юные Китчины оказались порядочными шалунами и непоседами, но, тем не менее, Виктория получила большое удовольствие от поездки. Вернулись они из-за малышей несколько раньше, чем собирались, но Виктория основательно устала, и решила до обеда немного полежать у себя в комнате.

Она лежала с закрытыми глазами, когда стук в дверь — так ей, во всяком случае, показалось — вывел ее из дремоты. Виктория крикнула: «Войдите!» и, не получив никакого отклика, подошла к двери и приотворила ее. Тут же она поняла, что стучали не к ней, а в соседнюю дверь, к сэру Руперту. До нее донеслись обрывки его разговора со стюардессой, потревожившей сэра Руперта, чтобы сообщить, что его просят зайти в контрольное бюро.

— Надо уладить какие-то формальности в связи с завтрашним полетом, — объяснила стюардесса. — Это здесь же в коридоре, через три двери от вашей...

— Хорошо, — ответил сэр Руперт. — Сейчас приду. Виктория закрыла дверь. Спать больше не хотелось, а, взглянув на часы, она убедилась, что еще только половина пятого. Миссис Клип она понадобится не раньше шести. Виктория решила немного прогуляться.

Припудрив нос и надев туфли — не без труда, поскольку экскурсия к пирамидам оказалась нелегким испытанием для ее ног, — Виктория вышла в коридор и прошла мимо двери с табличкой «Контрольное бюро», когда оттуда вышел сэр Руперт. Он крупными шагами миновал Викторию, которой показалось, что знаменитый путешественник чем-то сильно недоволен.

Когда Виктория вернулась, было уже почти шесть. Миссис Клип выглядела раздосадованной.

— Похоже, мисс Джонс, что мне придется доплачивать за багаж! Я уверена была, что все оплачено до самого Багдада, но, кажется, ошиблась. Завтра мы полетим на самолете «Иракских авиалиний». Билет действителен, но за провоз багажа, говорят, нужно доплачивать. Не могли бы вы зайти в бюро и выяснить, как все о

бстоит на самом деле?

Вопреки ожиданиям Виктории бюро удалось найти не без труда. Тем, из которого выходил сэр Руперт, пользовались, видимо, только в жаркое время дня, поскольку Виктория обнаружила, что комната пуста. Нужную информацию ей удалось получить совсем в другом помещении, расположенном в противоположном крыле здания. Опасения миссис Клип были вполне обоснованны: провоз багажа был оплачен лишь до Каира и за его доставку в Багдад нужна была порядочная доплата.

Миссис Клип заплатила без споров, хотя и без особого удовольствия.

Глава восьмая

Контора компании «Валгалла» находилась на шестом этаже одного из зданий лондонского Сити. Когда зазвонил телефон, человек, сидевший за рабочим столом, был погружен в чтение книги по политической экономии. Сняв трубку, он проговорил:

— Компания «Валгалла».

— Говорит Сандерс.

— Сандерс с реки? Какой реки?

— Сандерс с Тигра. Отчет по А.Ш. Мы потеряли ее след.

Наступила долгая пауза. Затем человек из «Валгаллы» ставшим внезапно крайне резким голосом произнес:

— Я правильно вас понял?

— Мы потеряли след Анны Шееле.

— Никаких имен! Хорошо отличились, ничего не скажешь! Как это произошло?

— Мы навели справки в больнице, о которой я вам говорил. Той, где должны были оперировать ее сестру.

— Ну?

— Операция прошла успешно. Мы полагали, что А.Ш. вернется в «Савой», но она там не появилась. Больница, естественно, все время оставалась под наблюдением. А.Ш. оттуда не выходила, и мы были убеждены, что она все еще там, рядом с сестрой.

— И ее там нет?

— Мы только что обнаружили это. Она уехала в санитарной машине на следующий день после операции.

— Обвела вас вокруг пальца, иначе говоря!

— Пожалуй, что так. Я готов был поклясться, что она не знает о слежке. Мы приняли все предосторожности. Нас было трое и...

— Объяснения можете оставить при себе! Куда эта машина отвезла А.Ш.?

— В университетскую клинику.

— Что вам сказали в клинике?

— Что к ним доставили больную в сопровождении санитарки. Санитаркой, несомненно, была А.Ш. Больную приняли, а санитарка словно в воздухе растворилась.

— Больная ничего не знает?

— Ничего. Она была под действием наркоза.

— Следовательно, вывод: А.Ш. может сейчас находиться где угодно?

— Да. Если она вернется в «Савой»...

— Не говорите глупостей! В «Савой» она не вернется...

— Проверить, нет ли ее в других отелях?

— Конечно! Хотя вряд ли это что-то даст! Она отлично понимает, что это первое, чем вы займетесь.

— Какие, в таком случае, инструкции?

— Следите за портами: Дувром, Фолкстоуном и так далее. Возьмите под наблюдение авиакомпания — особенно те, чьи самолеты летают в Багдад. Наведите справки обо всех пассажирах, зарезервававших места на будущие две недели, не

упуская из внимания, что лететь она будет, разумеется, под чужим именем.

— Ее багаж все еще в «Савое». Если она пришлет за ним...

— Никаких шансов! Такую глупость могли бы сделать вы, но никак не она! Ее сестре известно что-нибудь?

— Мы связались с сиделкой, которая ухаживает за ней в больнице. По словам сиделки, сестра уверена, что А. Ш, в Париже, улаживает какие-то дела Моргентал, что она остановилась в «Ритце» и двадцать третьего вылетает в Штаты.

— Иными словами, А. Ш, ничего ей не сказала. Ничего удивительного, впрочем. Основательно займитесь авиалиниями! Она стремится в Багдад, и, чтобы попасть туда вовремя, ей нужно лететь самолетом. И еще одно, Сандерс...

— Да?

— Не делайте больше ошибок! Вам дается еще один, но последний шанс!

Глава девятая

Мистер Шривенхем, молодой атташе британского посольства, беспокоился следил за самолетом, кружившим над аэродромом Багдада. Похоже было, что вот-вот начнется песчаная буря, которую ничто не предвещало еще несколько часов назад. Тучи рыжевато-песчаного цвета уже начинали подниматься в воздух, скрывая за собой облака, здания и людей.

— Десять против одного, что он не пойдет на посадку, — мрачно проговорил Лайонел Шривенхем.

— И что же тогда? — спросил его друг Гарольд.

— Наверное, полетит в Басру. Там погода, насколько я знаю, идеальная.

— Встречаешь какую-то крупную шишку?

— Нечем гордиться! — вздохнул Шривенхем. — Новый посол еще не прибыл. Ленсдаун, которому положено заменять его, в Англии. Раис лежит с желудочным гриппом и температурой под сорок, а Бест в Тегеране. Вот и получается, что отдохнуть надо мне одному! Встречаю типа, о котором почти ничего не знаю, и сп

росить, главное, не у кого! Насколько я понимаю, путешественник, который чуть ли не всю жизнь провел, разъезжая на верблюде по каким-то богом забытым местам! Почему он такая уж важная персона, понятия не имею! А тем не менее, важная, раз мне приказано выполнять малейшие его прихоти. Если его затащат в Басру, он, надо полагать, будет вне себя..., и понятия не имею, что же мне делать! Самое лучшее было бы послать за ним завтра утром военный самолет, но вечером идет поезд, и, может быть, он предпочтет...

Не dokonчив фразу, Шривенхем снова вздохнул. Все три месяца в Багдаде ему отчаянно не везло, и он чувствовал, что еще одной ошибки будет достаточно, чтобы испортить так хорошо начинавшуюся карьеру.

Он вздохнул свободнее, увидев, что самолет все-таки пошел на посадку. Еще через минуту машина остановилась на дорожке. Шривенхем с первого взгляда определил нужного ему пассажира и, отметив про себя, что одет он, пожалуй, чересчур уж броско, подошел к нему.

— Сэр Руперт Крофтон Ли? Шривенхем, атташе посольства.

Ответ сэра Руперта показался ему не слишком-то сердечным, но, тем не менее, он продолжал произносить банально вежливые фразы, провожая гостя к автомобилю.

— Я уж думал было, — заметил он, садясь позади гостя, — что ваш самолет не сможет сесть и вам придется лететь в Басру — Песчаная буря...

— Для меня, — ответил сэр Руперт, — это было бы настоящим несчастьем. Я нисколько не преувеличиваю. Потеря времени, молодой человек, могла бы иметь такие серьезные последствия, что вы вряд ли способны себе их представить.

Шривенхем подумал, что гость, кажется, склонен считать себя пупом земли, но в слух ответил крайне почтительно:

— Нисколько не сомневаюсь, сэр.

— Когда посол прибудет в Багдад?

— Дата окончательно не установлена.

— Жаль, что я не смогу его повидать. Последний раз мы встречались в Индии в..., да, правильно в 1938 году. Чуть помолчав, сэр Руперт проговорил:

— Раис по-прежнему здесь?

— Да, сэр. Советник посольства.

— Ценный сотрудник! Рад буду снова встретиться с ним.

Шривенхем откашлялся, прежде чем ответить:

— К сожалению, сэр, Раис сейчас в больнице. Гастроэнтерит, если верить врачам, и кажется, в тяжелой форме.

Сэр Руперт резко обернулся к Шривенхему.

— Гастроэнтерит?... Давно он заболел?

— Позавчера.

Сэр Руперт нахмурился, все его высокомерие вдруг исчезло.

— Любопытно, пробормотал он, — не лихорадка ли это Шееле...

Шривенхем, никогда не слыжавшей в такой болезни, благоразумно промолчал.

Машина пересекла мост Фейсала и свернула налево, к посольству. Неожиданно сэр Руперт наклонился к водителю и проговорил:

— Минуточку... Не могли бы вы остановиться здесь? Перед этим магазином...

Водитель послушно затормозил у небольшой лавочки, витрина которой была уставлена разнообразной посудой. Как раз в этот момент из нее вышел и направился в сторону моста европеец, в котором Шривенхем узнал своего знакомого Кросби.

Выйдя из машины, сэр Руперт вошел в лавочку. Взяв в руки кувшин, он заговорил с торговцем. Говорили они по-арабски и так быстро, что Шривенхем с его пока еще скудными знаниями языка мало что мог понять. Сэр Руперт, беря в руки и горшки, задавал какие-то вопросы, на каждый из которых торговец отвечал целым потоком слов. Наконец сэр Руперт выбрал небольшой кувшин с узким горлышком, сунул торговцу в руку несколько монет и вернулся в машину.

Повернувшись к Шривенхему, он прокомментировал свою покупку.

— Уже тысячи и тысячи лет эти кувшины изготавливают одним и тем же способом. Такие же можно встретить в горных районах Армении...

Сунув пальцы в горлышко кувшина, сэр Руперт поворачивал его то одной, то другой стороной.

— Работа, по-моему, грубовата, — без особого энтузиазма заметил Шривенхем.

— Да, художественной ценности кувшин не представляет, но с исторической точки зрения он очень интересен. Взгляните на его ручки! Самые простые вещи могут о многом рассказать, если уметь заставить их говорить... У меня целая коллекция подобных предметов.

В посольстве сэр Руперт сразу же попросил проводить его в отведенную для него комнату. Забавно, подумал Шривенхем, что, закончив свою лекцию, сэр Руперт начисто забыл о купленном только что кувшине и просто оставил его в машине. Шривенхем считал своим долгом отнести его гостю. Сэр Руперт рассеянно поблагодарил молодого атташе, и тот удалился, размышляя про себя о довольно странном поведении важных персон.

После того как Шривенхем вышел, сэр Руперт подошел к окну и развернул свернутый в трубочку листочек, который он вынул из горлышка кувшина. В записке было всего две строчки. Прочтя их, сэр Руперт сжег записку и позвонил, вызывая слугу.

— Что угодно, сэр? Может быть, распаковать багаж?

— Пока не надо! Передайте мистеру Шривенхему, что я просил бы его зайти ко мне.

Шривенхем не заставил себя ждать. Хотя упрекнуть себя ему было не в чем, на душе у него было беспокойно.

— Мистер Шривенхем, — обратился к нему сэр Руперт. — Мои планы изменились! Могу я рассчитывать на ваше умение молчать?

— Разумеется, сэр!

— Так вот..., я уже давно не бывал в Багдаде — ни разу после войны, собственно говоря. Отели по-прежнему на той стороне реки?

— Да, сэр. На Рашид Стрит.

— Вдоль Тигра?

— Да, сэр. Самый большой — «Вавилония», официальные лица как правило оста

навливаются именно там.

— Отель «Тио» вам знаком?

— Конечно, сэр. Пользуется хорошей славой. Очень приличная кухня, а его директор, Марк Тио, на редкость своеобразная фигура. Одна из багдадских диковинок, можно сказать...

— Прекрасно. Я хотел бы, чтобы вы организовали мне номер в «Тио».

Шривенхем не мог поверить своим ушам.

— Вы хотите сказать, что..., не остановитесь в посольстве? Но уже сделаны все распоряжения...

Сэр Руперт перебил атташе.

— Знаю. Сделаем другие, только и всего!

— Разумеется, сэр. Я не имел в виду... Шривенхем умолк, не зная, что еще добавить. Он ясно предчувствовал, что наступит день, когда начальство шкуру с него спустит за всю эту историю.

— Мне необходимо провести крайне деликатные переговоры, — проговорил сэр Руперт, — и я только что выяснил, что не смогу сделать это в посольстве. Поэтому я хочу, чтобы вы сняли для меня номер в «Тио», а посольство я намерен покинуть незамеченным. Иначе говоря, в «Тио» я поеду не на служебной машине. Кроме того, я хочу, чтобы вы заказали мне место в самолете, вылетающем послезавтра в Каир.

Шривенхем чувствовал, что его охватывает все большая растерянность.

— Но я полагал, что вы пробудете в Багдаде пять дней...

— Мои планы изменились! Мне необходимо быть в Каире немедленно после того, как я закончу свои дела здесь. Задерживаться в Багдаде было бы для меня опасно.

— Опасно?

Сэр Руперт улыбнулся на редкость симпатичной улыбкой, удивившей Шривенхема. Перед ним был словно совсем другой человек. Совсем не та высокомерная особа с манерами прусского фельдфебеля.

— Обычно, — сказал сэр Руперт, — я не так уж беспокоюсь о собственной безопасности. Сейчас, однако, речь идет не только обо мне, но и о многих других. Поэтому я прошу вас сделать все, о чем я говорил. Если с билетом на самолет будут трудности, воспользуйтесь правами посольства. Отсюда я выйду только вечером, а до тех пор шагу не сделаю из этой комнаты. — Тут же он добавил, приведя Шривенхема в состояние полного изумления:

— Официально, я болен. Приступ малярии. К обеду я, следовательно, не выйду.

— Но мы могли бы подать вам сюда...

— Не нужно. Небольшой пост мне не повредит. Делайте то, что я сказал вам, и ни о чем не беспокойтесь!

Шривенхем вышел, не зная, что обо всем этом и думать.

Глава десятая

Желтый, горячий песок, носящийся в обжигающем легком воздухе, шумные, забытые людьми улицы — первое, что встретило Викторину в Багдаде. Входя в отель «Тио», она чувствовала себя разочарованной и немного ошарашенной.

На пороге отеля миссис Клип встретил его хозяин. Марк Тио — сравнительно молодой, но уже с солидным брюшком. Он разразился потоком сердечных слов.

— Добрый день, миссис Клип! Я так рад снова видеть вас!.. Что это у вас с рукой?.. Неважной погодой мы вас встречаем. Я уж боялся, что самолет так и не сможет сесть.., и еще раз зарекся путешествовать по воздуху. К чему спешить? Немножко раньше, немножко позже... Однако, я вижу, вас сопровождает очаровательная девушка... Прелестным незнакомкам мы в Багдаде всегда рады!.. Что же это мистер Гаррисон не приехал встретить вас?.. Я еще вчера ждал его... Разрешите предложить вам что-нибудь освежающее?

Поддавшись уговорам Марка, Виктория выпила двойное виски и не помнила, как очутилась в своей комнате с высоким потолком и свежепобеленными стенами. Обставлен номер был довольно своеобразно; металлическая кровать, стол в стиле модерн, почтенного вида шкаф и два обтянутых плюшем кресла.

Пока слуга, поставив посреди комнаты ее скромный багаж, готовил ванну, честн

о предупредив, что вода будет не раньше чем через полчаса, Виктория взглянула на себя в зеркало. Багдадская пыль сделала ее шевелюру совсем рыжей. Вздыхнув, она вышла на балкон. Внизу угадывался скрытый желтоватой мглой Тигр.

— Мерзкая страна! — пробормотала Виктория и, охваченная хандрой, бросилась на кровать.

Во второй половине дня, подкрепив силы душем, плотным ленчем и несколькими часами сна, Виктория вновь вышла на балкон. Песчаная буря улеглась, и доли на Тигра была залита ярким солнечным светом. За рекой виднелись утопающие в зелени пальмы дома.

Услышав голоса, доносившиеся из сада, Виктория прислушалась. Она узнала голос миссис Клип и, взглянув вниз, убедилась, что эта неисправимая болтушка нашла уже себе собеседницу — одну из тех неопределенного возраста англичанок, к которым можно встретить в любом месте земного шара.

— Право, не знаю, что бы я делала без нее! — говорила миссис Клип. — На редкость милая девушка. И к тому же из прекрасной семьи. Ее дядя — епископ Ллангоу.

— Простите?

— Ллангоу, если не ошибаюсь.

— Такого епископства не существует.

Виктория нахмурилась. Дама, похоже, была не из тех, кого можно ввести в заблуждение призрачным епископом.

— Ну, — ответила миссис Клип, — значит я плохо расслышала. Как бы то ни было, это очаровательная девушка, умеющая, к тому же, быть полезной.

— Да?

Особой убежденности в голосе не чувствовалось. Виктория решила, что втереть очки подобной женщине далеко не просто и лучше держаться от нее подальше. Затем, присев на кровать, она задумалась над своим положением.

«Тио» относится, несомненно, к числу очень дорогих отелей, а денег у нее равным счетом четыре фунта семнадцать шиллингов. Она прекрасно поела, но никто не сказал, что миссис Клип, обязавшаяся оплатить проезд своей сиделки, станет раскошеляться и дальше. Каждая из сторон получила то, что хотела: миссис К

лип — добросовестную и внимательную помощь, а Виктория — бесплатный проезд в Багдад, но теперь миссис Клип, уезжавшая вечерним поездом в Киркук, больше в ней не нуждалась. Отблагодарит ли она как-нибудь Викторию на прощанье? Возможно, но не очень правдоподобно, учитывая, что миссис Клип понятия не имеет о финансовых трудностях девушки. Существовал единственный человек, на помощь которого Виктория могла бы рассчитывать: Эдвард.

Эдвард найдет ей работу...

Только как найти его самого?

И как, собственно, зовут его полностью? Только сейчас Виктория ошеломленно сообразила, что не знает фамилии молодого человека!

По счастью, ей известно, что он прибыл в Багдад как секретарь доктора Ратбона, человека, надо полагать, достаточно известного...

Пригладив волосы и чуть напудрившись, Виктория спустилась в холл. Марк Тио встретил ее широкой улыбкой.

— Мисс Джонс! — воскликнул он, едва завидев девушку. — Счастлив вас видеть и надеюсь, что вы не откажетесь выпить со мной. Обожаю англичан. Все англичане в Багдаде — мои друзья. Пойдемте в бар!

Виктория не заставила долго просить себя. Усевшись на высокой табурет и взяв в руки бокал, она сразу же приступила к расспросам.

— Знакомы вы с доктором Ратбоном? Он, если не ошибаюсь, недавно приехал в Багдад...

— В Багдаде, — с сияющим видом ответил Тио, — я знаю всех, и все знают меня! Это чистая правда. У меня здесь повсюду одни лишь друзья!

— Нисколько в этом не сомневаюсь. Так вы знакомы с доктором Ратбоном?

— На прошлой неделе у меня останавливался генерал, командующий всеми авиасоединениями на Ближнем Востоке. Мы не встречались с сорок шестого года. Бо же, как он растолстел... Очень милый человек, и я просто без ума от него!

— А Доктор Ратбон? Это тоже очень милый человек?

— Понимаете, я люблю видеть вокруг улыбающиеся лица! Люблю молодых, веселых, милых людей... Таких, как вы, например... Еще один джин с апельсиновым

соком, ну пожалуйста...

— Но ведь...

— Ничего, ничего... Это совсем легкий напиток!

— Доктор Ратбон...

— Миссис Клип — американка, не правда ли? Я ничего не имею против американцев, но все же предпочитаю англичан. Хотя, конечно, среди американцев тоже много прекрасных людей. Мистер Саммерс..., вы, разумеется, знаете его... Приезжая в Багдад, он первый день беспробудно пьет, а потом отсыпается три дня... По-моему, это уже перехват!

— Будьте добры! Я хочу попросить вас о небольшой услуге!

Марк удивленно посмотрел на Викторию.

— Я только мечтаю об этом! Вам достаточно выразить желание, и оно будет исполнено! О чем идет речь?

— Я хотела бы разыскать доктора Ратбона. Он недавно приехал в Багдад вместе со своим..., секретарем.

— Ратбон? — переспросил Марк. — Его я не знаю. Он не останавливается в «Тио».

По тону было совершенно ясно, что для Марка существуют лишь те, кто останавливается в «Тио».

— Но есть ведь и другие отели? — спросила Виктория.

— Конечно! «Вавилония», «Сеннахериб», «Зобейда»... Хорошие отели, спорить не стану, но до «Тио» им далеко.

— Нисколько не сомневаюсь в этом! Может быть, тем не менее, доктор Ратбон остановился в одном из них? Он занимается пропагандой культурных ценностей...

— Прекрасное занятие! — воскликнул Марк. — Культура это то, в чем мы больше всего нуждаемся! Музыка, хотя бы! Я, например, обожаю сонаты... Если не слишком длинные, конечно.

Виктория поняла, что только зря теряет время. Высказывания Марка были красо

чны и зачастую неожиданны, но все они вращались вокруг одной — единственной темы, — интересовавшей его по-настоящему — вокруг самого Марка.

Отказавшись от третьего бокала, Виктория поднялась и нетвердыми шагами вышла из холла. Что бы там ни утверждал Марк, коктейль был основательно крепким. Виктория вышла на террасу и подошла к балюстраде.

— Прошу прощения, — произнес голос за ее спиной — но вам следовало бы надеть жакет. Мы не в Англии. — Хотя сейчас лето, как только заходит солнце, становится очень прохладно.

Обернувшись Виктория узнала ту самую даму, с которой болтала миссис Клип. Сидя в кресле, дама маленькими глотками попивала виски с содовой. На плечах у нее была меховая накидка.

— Большое спасибо, — ответила Виктория.

Она хотела было вернуться в здание, но позволить ей ускользнуть не входило в намерения дамы.

— Я не представилась вам. Миссис Кардью Тренч. Тон, которым это было произнесено, ясно показывал, что Кардью Тренч занимают в мире избранное и, безусловно, принадлежащее им по праву место.

— Полагаю, — продолжала миссис Кардью Тренч, — что вы — та девушка, которая приехала вместе с миссис Клип?

— Она самая.

— Миссис Клип сказала мне, что вы — племянница епископа Ллангоу...

— Ах, вот как?

Виктория уже овладела собой и сумела придать своему голосу весело удивленный оттенок.

— Какая-то ошибка, наверное?

Виктория улыбнулась.

— Американцам такие ошибки простительны. Лангао звучит почти так же, как Ллангоу. Мой дядя — епископ Лангао.

— Лангао?

— Это небольшой остров в Тихом океане. Колониальный епископ, разумеется.

— Ах, колониальный!

Миссис Кардью Тренч явно никогда не слыхала о колониальных епископатах.

— Тогда все понятно! — добавила она.

Виктория даже почувствовала некоторую гордость за собственную импровизацию.

— А что вы собираетесь делать в Багдаде? — спросила миссис Кардью Тренч, скрывая естественное любопытство ласковой озабоченностью тона.

Ответить, что она приехала с единственной целью — разыскать молодого человека, с которым обменялась парой слов на скамейке в лондонском парке, Виктория, конечно, не могла. К счастью, память ее никогда не подводила.

— Я приехала к своему дяде, доктору Понсфут Джонсу.

— О, прекрасно!

В восторге от того, что может наконец определить место Виктории в обществе, миссис Кардью Тренч продолжала:

— Очень приятный человек, хотя и несколько рассеянный. Впрочем, в этом нет ничего удивительного... В прошлом году я слушала в Лондоне его лекцию... Прекрасная лекция, из которой я, правда, ничего не поняла... Несколько дней назад он провел пару дней в Багдаде и, действительно, упоминал о девушке, которая должна приехать к нему на раскопки...

Утвердив свой статус, Виктория перешла к интересовавшему ее вопросу.

— Не знаете ли вы, — спросила она, — в городе ли сейчас доктор Ратбон?

— Я совсем недавно видела его, — ответила миссис Кардью Тренч. — По-моему, его пригласили в будущий четверг прочесть лекцию о «дружбе и братстве в международных отношениях», если только я ничего не напутала... Сущий вздор, если хотите знать мое мнение... Чем больше вы стараетесь сблизить людей, тем меньше они вам доверяют!.. И вообще, я совершенно не понимаю, какой смысл переводить Шекспира и Уордсворта на арабский, китайский или какой-то еще язык...

— Вы знаете, где он остановился?

— В «Вавилонии», по-моему. Однако, его штаб — квартира находится возле музея... В двух шагах от базара... «Оливковая ветвь»... Забавное название и не менее забавное учреждение... Там полным — полно девиц, которые носят очки, как попало одеваются и не моют шеи!

— Я немного знакома с его секретарем.

— Ах, да! Молодой..., как же его зовут? Сдержанный Эдвард, да... Милый молодой человек, который совсем не на месте среди всех этих интеллектуалов с засаленными воротничками... Очень хорошо проявил себя во время войны, как мне говорили. Вероятно, приходится зарабатывать на жизнь... Да, очень милый молодой человек..., и, между прочим, все эти девицы отлично отдают себе в этом отчет... Все вертятся вокруг него, хоть и делают вид, что ужасно заняты!.. Кстати, как поживает миссис Понсфут Джонс? Мне говорили, что она была серьезно больна?

Выяснив все, что ей было нужно, Виктория сочла излишним рисковать. Бросив взгляд на часы, она вскрикнула:

— Боже мой! Половина седьмого! Миссис Клип ждет, что я помогу ей переодеться! Надо бежать!

Это была не совсем правда, но и не совсем ложь, потому что миссис Клип действительно ждала ее, но к семи часам. Быстро попрощавшись, Виктория, заметно повеселев, поднялась к себе. Завтра она увидит Эдварда. Девиц с немытыми шеями, окружающими его своим обожанием, Виктория не страшилась. Как только она найдет Эдварда, все образуется само собой.

Вечер пролетел быстро. Пообедав с миссис Клип, Виктория проводила ее на вокзал, помогла устроиться в купе и познакомилась с ее подругой, которая тоже ехала в Киркук и обещала позаботиться о миссис Клип в дороге.

В последний момент, когда уже прозвучал гудок, миссис Клип сунула в руку Виктории толстый конверт.

— Небольшой сувенир, мисс Джонс. Примите его вместе с моей глубокой благодарностью!

— О, миссис Клип, это лишнее... Вы так добры! Вернувшись на такси в отель, Виктория побежала к себе и дрожащей рукой открыла конверт. В нем была пара

нейлоновых чулок!

В другое время Виктория была бы в восторге. Она была кокетлива, а нейлоновые чулки были ей не по средствам. Однако сейчас она ожидала чего-то совсем иного. Немного наличных пригодились бы ей гораздо больше, и Виктория могла только пожалеть, что деликатность миссис Клип не позволила ей вложить в конверт бумажку в пять динаров, а то и покрупнее...

Слава богу, с помощью Эдварда завтра все устроится. Утешившись этой мыслью, Виктория легла и через пять минут спала глубоким сном.

Глава одиннадцатая

Когда Виктория проснулась, солнце стояло уже высоко. Одевшись, она вышла на балкон. К своему немалому удивлению она увидела сидевшего спиной к ней на террасе седого мужчину, в котором узнала сэра Руперта Крофтон Ли. Ей в голову не приходило, что такая важная персона может остановиться где-нибудь, помимо посольства. Тем не менее, он находился здесь и глядел куда-то вдаль. На спинке его кресла висел бинокль. Виктория пришла к выводу, что он, может быть, любит наблюдать за полетом птиц. Так же, как один молодой человек, которого она знавала в Англии и которому однажды удалось уговорить ее отправиться вместе с ним на экскурсию. Виктория вернулась с нее еле живая от усталости и весьма разочарованная. Абсолютно невозможно понять, как можно получать удовольствие, наблюдая за жизнью каких-то пернатых...

Спустившись вниз, Виктория встретила Марка Тио.

— Сэр Крофтон Ли остановился у вас? — спросила она. — Мне показалось, что я видела его...

— Ну да, он здесь. Очаровательный человек.

— Вы хорошо знакомы с ним?

— Да нет, первый раз встретились. Его вчера привез к нам мистер Шривенхем из британского посольства. Тоже очаровательный человек. Вот его я хорошо знаю.

Существует ли на земле человек, которого Марк не считает очаровательным? Ви

ктория начала сомневаться в этом.

После завтрака она решила, не теряя времени, отправиться в «Оливковую ветвь». Музей, о котором упомянула миссис Кардью Тренч, найти будет, наверное, не так уж трудно. Бедняжка, ни разу еще не ходившая по Багдаду, даже не подозревала о том, что ее ждет!

Марк, которого она вновь встретила, выходя из отеля, с энтузиазмом пустился в объяснения.

— Музей? Он просто великолепен! Масса очень древних и очень интересных вещей. Я никогда там не был, но у меня есть приятели — археологи, которые, приезжая в Багдад, проводят там целые дни: доктор Бейкер, профессор Кальцман, доктор Понсфут Джонс, миссис и мистер Макинтайр... Все они останавливаются в «Тио», все они — мои друзья. И все они в один голос утверждают, что музей чрезвычайно интересен.

— Где он, однако, находится?

— Надо идти по Рашид Стрит до самого моста Фейсала, перейти его, свернуть на улицу, которая ведет к еще одному мосту поменьше, и там, по правую руку, вы увидите музей... Спросите мистера Эванса. Это британский советник... Очаровательный человек, женатый на очень милой женщине, с которой познакомился во время войны.

— Строго говоря, меня интересует не сам музей. Я ищу резиденцию одного общества, что-то вроде клуба под названием «Оливковая ветвь». Знаете вы такой?

— Нет, но, как бы то ни было, музей далеко отсюда. Лучше взять такси.

— И оно отвезет меня прямо в «Оливковую ветвь»?

— Ну, что вы! Водители здесь абсолютно ничего не могут найти сами. Если хочешь куда-то попасть, надо показывать им дорогу.

— Ну, тогда я лучше пойду пешком!

Виктория вышла из ворот. Багдад был вовсе не похож на созданный ее воображением город. Оживленное движение, непрерывно гудящие клаксоны автомашин, магазины с витринами, забитыми товарами европейского производства, прохожие, которые, громко откашлявшись, плюют прямо на тротуар — всего этого она никак не предвидела. Зато женщины с лицами, закрытыми чадрой, ей почти не попадались. Где же тот таинственный Восток, о котором она столько читала?

Виктория прошла по мосту Фейсала и зашагала дальше, помимо воли с любопытством оглядываясь по сторонам. Как-то неожиданно для нее самой она оказалась перед музеем. Где же, однако, «Оливковая ветвь»? Ее попытки расспросить кого-нибудь из торговцев, предпринятые поневоле по-английски, не принесли успеха. Полицейские были заняты регулированием движения, непрерывно размахивая при этом руками и безумолчно свистя. Виктория решила, что обращаться к ним бесполезно, и, доверившись своей счастливой звезде, двинулась наугад. Случай помог ей, выведя на улочку, из глубины которой доносился отчаянный шум и гам. Очевидно, это был тот самый базар, о котором говорила миссис Кардью Тренч...

Колдовское очарование базара заставило Викторию уже через полчаса начисто забыть об «Оливковой ветви». Она остановилась перед мастерскими ремесленников, в искусных руках которых листы металла превращались в чеканку изумительной красоты. В узких улочках ее то и дело толкали, а торговцы бросались к ней, пытаясь сбыть свой товар, к ней приставали нищие — и все же она была в восторге. Наконец-то она ощущала себя на Востоке!

Выйдя из крытой галереи, так приятно укрывавшей от жгучих лучей солнца, Виктория неожиданно увидела в глубине небольшого квадратного двора дверь с табличкой «Оливковая ветвь». Над табличкой было помещено стилизованное изображение, в котором при наличии фантазии можно было распознать голубя.

Охваченная радостью, Виктория пересекла дворик, вошла в дверь и, пройдя по коридору, оказалась в большом, но довольно темном помещении. Сначала она не могла разглядеть ничего, кроме нескольких стульев и пары столов, заваленных брошюрами и журналами. Потом различила книжные полки, тянувшиеся вдоль стен, и сидевшую в углу молодую женщину. Женщина эта, впрочем, тут же подошла к Виктории и поинтересовалась, чем может служить ей.

Виктория оглядела девушку. На ней были велюровые брюки и фланелевая блузка очень приятного оранжевого цвета. Крупный нос и очень темные волосы выдавали в ней левантинку.

— Доктор Ратбон..., работает здесь?

Викторию отчаянно злило то, что она не может прямо спросить об Эдварде. Но ведь она не знает даже его полного имени! И миссис Кардью Тренч упомянула о нем только, как о Сдержанном Эдварде!

— Совершенно верно. Это «Оливковая ветвь»... Вы желаете вступить в нашу асс

оциацию?

— Гм... Может быть... Я хотела бы повидать доктора Ратбона.

Женщина многозначительно улыбнулась.

— Ему нельзя мешать. Я сообщу вам все необходимые сведения и вручу бланк заявления, который вы заполните и подпишете. Два динара...

Последние слова встревожили Викторию, поспешившую уточнить, что она не приняла еще окончательного решения.

— Сначала, — добавила она, — я хотела бы поговорить с доктором Ратбоном..., или его секретарем...

— Но я сама расскажу вам обо всем! Мы все здесь друзья... Мы читаем возвышающие наш дух книги, декламируем стихи...

Виктория возвысила голос.

— Я настаиваю на том, чтобы повидать секретаря доктора Ратбона. Мне советовали переговорить с ним лично.

Молодая левантинка продолжала упрямо стоять на своем.

— Сегодня это невозможно. Я только что сказала вам...

— Почему невозможно? Его нет здесь? И доктора Ратбона тоже?

— Доктор Ратбон здесь. Он наверху, но нам велено не мешать ему.

Виктория почувствовала, что начинает злиться.

— Я приехала из Англии, чтобы передать доктору Ратбону чрезвычайно важное послание. Я должна вручить его лично в руки ему и немедленно! Сожалею, что приходится беспокоить вас, но дело обстоит именно так!

Мне необходимо видеть доктора Ратбона. И немедленно, понимаете, немедленно!

Когда англичанка знает, чего она хочет, и твердо решила добиться своего, трудно долго сопротивляться ей. Левантинка сдалась.

— Хорошо! Пойдемте...

Она проводила Викторию на второй этаж, и вскоре упрямая молодая особа стояла уже перед доктором Ратбоном. Это был мужчина лет шестидесяти с высоким лбом и седой шевелюрой. Он встал навстречу гостье, протянул руку и с приветливой улыбкой проговорил:

— Стало быть, вы приехали из Англии? На Востоке вы, должно быть, впервые?

— Совершенно верно.

— Любопытно узнать, каковы ваши первые впечатления. Непременно расскажете мне о них... Послушайте, мы с вами уже встречались когда-нибудь? Я очень близок, а вы кажется, не назвали себя...

— Вы не знаете меня, — ответила Виктория, — но я подруга Эдварда.

— Подруга Эдварда? Чудесно! Он знает, что вы в Багдаде?

— Еще нет.

— Когда он вернется, это будет для него приятным сюрпризом...

— Когда он вернется, сказали вы? — чуть слышно проговорила Виктория.

— Ну, да. Сейчас он в Басре. Поехал туда выручать несколько ящиков с книгами, прибывшими из Англии и почему-то задержанными на таможне. Эдвард умеет ладить с людьми, он инициативен — не так уж, кстати, часто встречающееся качество — и я уверен, что он сумеет убедить этих глупых чиновников.

С улыбкой во взгляде доктор Ратбон добавил:

— Думаю, впрочем, что как раз перед вами расхваливать Эдварда нет необходимости...

Виктория заставила себя улыбнуться.

— А когда же, — с трудом выдавила она из себя, — он вернется?

— Вот этого я не знаю! Наверняка, не прежде, чем успешно завершит свою миссию.., а мы в такой стране, где пытаться ускорить ход вещей просто бесполезно. Скажите мне, где вы остановились, и я немедленно дам вам знать о его возвращении.

Виктория вспомнила об отчаянном состоянии своих финансов и неуверенно про

говорила:

— Не могла бы я.., поработать здесь?

— Разумеется! — воскликнул доктор Ратбон. — Мы рады видеть в своих рядах всех людей доброй воли и, тем более, молодых англичан. Мы делаем великолепно е дело, но рук у нас всегда не хватает. Наши добровольцы оказывают нам бесценные услуги. У нас их уже тридцать, и я убежден, что вы сумеете принести не малую пользу...

— Честно говоря, я имела в виду оплачиваемую работу.

Восторга на лице доктора заметно поубавилось.

— Ну, это несколько иное дело! Наш оплачиваемый персонал очень невелик и с помощью добровольцев вполне удовлетворяет наши потребности.

— К сожалению, — объяснила Виктория, в данный момент я не могу себе позволить работать из любви к искусству.

Чуть покраснев, она добавила:

— Я отличная машинистка и стенографистка...

— Нисколько не сомневаюсь, дитя мое, нисколько не сомневаюсь! Однако все упирается в наши финансовые возможности. Надеюсь, что, когда вам удастся найти подходящую работу, вы посвятите нам часть своего досуга. Мы занимаемся благородным делом, в которое, я уверен, и вы постараетесь внести свой вклад. Необходимо покончить со взаимным непониманием, ненавистью, войнами, раздирающими мир. Люди должны сблизиться, и помочь в этом могут только искусство, поэзия...

Оседлав своего любимого конька, доктор продолжал со все большим жаром:

— Я добился того, чтобы «Сон в летнюю ночь» был переведен на сорок языков. Теперь в сорока разных странах молодежь получила доступ к этому шедевру мировой литературы. Главный секрет успеха нашей деятельности в том, что она нацелена исключительно на молодежь! Переделывать старшие поколения слишком поздно. Лучше знать, лучше понимать друг друга должна именно молодежь! Та девушка, которая привела вас ко мне, сирийка родом из Дамаска. Ее зовут Катрин, она примерно одного с вами возраста. В обычных условиях вы никогда бы не встретились, ведь, по сути дела, между вами нет ничего общего. Каждой из вас, однако, доступно чувство прекрасного — вот почему в «Оливковой ветви» пр

едставлен весь мир: Россия, Израиль, Ирак, Турция, Египет, Персия. Читая одни и те же книги, сопоставляя различные точки зрения, молодежь открывает для себя мир..., и трудится для блага человечества и цивилизации!

Виктория могла бы кое-что добавить к сказанному. Она заранее не чувствовала особой симпатии к девушкам из «Оливковой ветви», подозревая, что каждая из них готова броситься в объятия Эдварда, а что касается конкретно Катрин, никакого желания поближе познакомиться с нею у Виктории не возникло. Тем временем доктор Ратбон неумоимо продолжал:

— Эдвард — прекрасный сотрудник. Он отлично ладит со всеми — и с молодым и людьми, а это далеко не просто, и с девушками, которые все как одна без ума от него. Особенно Катрин!

Виктория почувствовала, что дружеские чувства к левантийке упали у нее до нулевой отметки.

Одним словом, — с улыбкой заключил доктор, — мы будем искренне рады видеть вас в наших рядах!

Это был явный намек на то, что разговор пора кончать. Пожав протянутую ей доктором руку, Виктория вышла. Спустившись с лестницы, она прошла мимо Катрин, разговаривавшей с какой-то молодой женщиной, Виктории показалось, что она встречала уже где-то эту красивую шатенку, стоявшую сейчас с чемоданчиком в руке. Женщина, однако, лишь окинула Викторию совершенно безразличным взглядом. Перед этим она о чем-то оживленно беседовала с Катрин на каком-то незнакомом языке, но, увидев Викторию, обе умолкли. Виктория прошла мимо них, заставив себя почти вежливо проговорить «до свидания», и вышла на улицу.

Решив довериться инстинкту, который не даст ей заблудиться, она зашагала в сторону отеля, стараясь забыть о положении, в котором она оказалась: в Багдаде и практически без гроша в кармане. Лучше уж думать о докторе Ратбоне и «Оливковой ветви». Тогда в Лондоне Эдвард сказал, что в этом деле не все так уж чисто. Имел ли он в виду самого доктора Ратбона или «Оливковую ветвь»?

Пожалуй, ответа на этот вопрос не знал и сам Эдвард, решила Виктория. Конечно, доктор Ратбон — старый дурак, витающий в облаках, но на афериста или обманщика он вроде не похож. Разумеется, его отношение к Виктории сразу же изменилось, когда она заявила, что ищет оплачиваемую работу. Доктору явно больше нравились люди, работающие бесплатно.

Это, однако, в глазах Виктории было, скорее, доказательством наличия здорового

смысла.

Людей, которые терпеть не могли платить своим служащим, Виктория уже встречала. Начать хотя бы с мистера Грингольца.

Глава двенадцатая

Виктория вернулась в отель. Ноги ныли от усталости. Марк, удобно устроившись в одном из кресел на террасе, дружески окликнул ее и представил своего себе седника, довольно небрежно одетого мужчину средних лет.

— Мистер Дейкин... Мисс Джонс, только что приехавшая из Англии... Что вам предложить, мисс Джонс? Мартини? Сайдкар?

Виктория выбрала сайдкар, добавив, что с удовольствием закусила бы этот коктейль фисташками. Если уж есть возможность закусить, грех ею не воспользоваться...

Дейкин уныло проговорил, что ограничится лимонадом. Марк заметил, что это к райне неразумный выбор, но настаивать не стал, поскольку увидел проходившую мимо миссис Кардью Тренч и немедленно обратился к ней.

— Вы ведь знакомы с мистером Дейкиным, не так ли? Что вам будет угодно заказать?

— Чуть — чуть джина с лимонным соком. Непринужденно поздоровавшись с Дейкиным, миссис

Кардью Тренч, обратилась к Виктории.

— Вам, по-моему, очень жарко?

— Долго прогуливалась по улицам, — объяснила Виктория. — Там столько любопытного!

Тем временем принесли напитки. После коктейля Виктория закусила и впрямь основательно: целой тарелочкой фисташек и изрядной толикой чипсов. К группе присоединился новый собеседник, которого Марк представил Виктории как капитана Кросби.

— Давно вы приехали? — поинтересовался капитан.

— Только вчера.

— То-то я никогда вас не встречал.

— Очаровательна, не правда ли? — с улыбкой вмешался Марк. — Я в восторге от того, что она здесь и что я смогу дать в ее честь великолепный обед!

— Обед? — не веря своим ушам, спросила Виктория.

— Именно так!.. Чудо, а не обед! Будет паштет из гусиной печени..., настоящий с трасбургский паштет..., икра, речная рыба в грибном соусе, индюк, фаршированный рисом, виноградом и специями..., и все это приготовит мой шеф — повар, настоящий волшебник... Уж он-то умеет угодить любому гурману!.. Я говорю не о себе, я очень воздержан в еде. Зато люблю выпить!

Виктория, у которой от одного описания яств начались спазмы в желудке, убежденно заявила, что это было бы просто чудесно. Ее волновал один вопрос — действительно ли Марк собирается дать такой роскошный обед и, если да, то когда это будет.

Миссис Кардью Тренч обратилась к Кросби:

— Я думала, что вы все еще в Басре.

— Вчера вернулся.

Взгляд Кросби скользнул по фасаду отеля.

— А кто этот элегантный кабальеро на балконе? Тот, что в широкополой шляпе?

— Это же сэр Руперт Крофтон Ли! — ответил Марк. Его вчера привез к нам мистер Шривенхем. Очаровательный человек и знаменитый путешественник, поднимавшийся в горы и на верблюде пересекавший Сахару.

Кросби кивнул.

— Слышал о нем. Даже книжку его читал.

— Мы летели в одном самолете, — с показным равнодушием заметила Виктория.

Ей польстило, что Дейкин и Кросби взглянули на нее с явно возросшим интересом.

— Держится он довольно отчужденно, — добавила она, — и, по-моему, занят прежде всего самим собой.

Миссис Кардью Тренч улыбнулась.

— В Симле я знавала одну из его теток. У них в семье все такие! На редкость умные, но очень самодовольные люди.

— Он с самого утра даже с места не двинулся, — неодобрительно заметила Виктория.

— Желудок, — объяснил Марк. — Он за весь день в рот ничего не взял. Жаль, очень жаль! — Видимо, чтобы отогнать грустные мысли, он обратился к бармену:

— Еще по стаканчику!

— Только не мне! — воскликнула Виктория. — Все, больше не могу!

Допив свой лимонад, Дейкин попрощался и вышел. Тут же за ним последовал и Кросби.

Миссис Кардью Тренч легонько щелкнула по стакану Дейкина.

— Лимонад и только лимонад! Дурной признак!

— Почему? — простодушно поинтересовалась Виктория.

— Потому что плохо, когда человек начинает пить в одиночку.

— Что ж поделаешь, бывает, бывает! — добродушно заметил Марк.

— Он и впрямь сильно пьет? — удивленно спросила Виктория.

— Потому и не продвигается по службе, — ответила миссис Кардью Тренч. — Его не увольняют, но и не более того!

— И все же это прекрасный человек! — вмешался Марк.

Миссис Кардью Тренч скривилась.

— Тряпка да и только! Бедняга — совсем размяк на Востоке, как и многие другие до него!

Чуть позже Виктория поднялась к себе. Сняв туфли, она прилегла и задумалась.

У нее осталось еще чуть больше трех фунтов, но этого не хватит даже на то, чтобы расплатиться по счету в «Тио». Учитывая, с какой готовностью Марк угощает выпивкой, о питании, если удовлетвориться рационом из спиртного, фисташек и чипсов, в ближайшие два — три дня можно не беспокоиться. За номер, однако, рано или поздно придется платить. Конечно, следовало бы, давно следовало бы подыскать более дешевый отель. Только как его найти в городе, где мало кто понимает язык, на котором она говорит? Одна, без денег, в незнакомом, чужом городе, она не знала ни к кому обратиться в поисках работы, ни даже какую работу тут можно найти. Эдвард вернется из Басры... Но когда? Да и помнит ли он еще ее? Надо было быть последней идиоткой, чтобы вот так улететь в Багдад! Кто такой, в конце концов, Эдвард? Молодой человек, каких тысячи, пусть даже очень симпатичный и милый. Она же почти ничего не знает о нем! И посоветоваться не с кем. Марк — человек неплохой, но занят исключительно самим собой. Миссис Кардью Тренч немедленно заподозрит что-нибудь, миссис Клип уехала из Багдада, доктору Ратбону судьба Виктории глубоко безразлична.

Как бы то ни было, ей нужны деньги! Нужна работа безразлично, какая! Можно наклеивать марки, смотреть за детьми, подавать в ресторане... Если ничего не найдется, останется только отправиться в консульство и попросить вернуть ее на родину... Но тогда Эдвард навсегда уйдет из ее жизни.

Виктория все думала и думала, пока наконец не уснула.

Проснувшись она через несколько часов. Решив, что за семь бед ответ все равно будет один, она спустилась в ресторан и плотно пообедала. К концу обеда она отяжелела, но зато настроение заметно поднялось.

Не стоит ломать себе голову! Поживем — увидим. Кто знает, что принесет завтрашний день? Может быть, удастся что-то придумать или неожиданно вернется Эдвард...

Перед сном Виктория решила погулять по выходившей к реке террасе. По местным понятиям ночь была исключительно холодной, так что на террасе не было никого, кроме какого-то официанта из ресторана, облокотившегося на перила, и, судя по всему, глазевшего на воду. Заметив Викторию, он поспешил вернуться в здание через служебный ход.

Виктория, для которой ночь была обычной, чуть прохладной летней ночью, нем

ного задержалась на террасе. В лунном свете Тигр приобрел какую-то особую, новую красоту. Взгляд девушки надолго задержался на другом берегу реки, скрытом завесой из пальм, темном и таинственном.

Когда Виктория ушла, официант вновь выскользнул и вернулся к прерванному появлением девушки занятию: прикрепил к перилам веревку с завязанными на ней узлами, спускавшуюся к самому берегу.

К нему приблизился еле видный в темноте силуэт.

— Все в порядке? — спросил официант.

— Да, сэр. Ничего нового.

Покончив с делом, мистер Дейкин сменил белый китель официанта на свой обычный синий пиджак и не спеша прошел в конец террасы. У лестницы он остановился. Вскоре к нему присоединился вышедшей из бара Кросби.

— Что-то прохладновато сегодня, — заметил капитан. — Вы-то больше в Тегеране работали, вам это не так заметно.

Дейкин не ответил, и несколько мгновений оба стояли молча. Затем Кросби спросил:

— Кто эта малютка?

— Насколько я знаю, племянница Понсфут Джонса, археолога.

— Да?.. вполне возможно... Меня смущает только, что тем же самолетом, что и Крофтон Ли...

— Проверить в любом случае не мешает.

Последовала новая пауза, и вновь первым заговорил Кросби.

— Вы и впрямь считаете, что он поступил разумно, перебравшись из посольства в отель?

— Думаю, что да.

— Несмотря на то, что там все уже было приготовлено и выверено до малейших деталей?

— В Басре все было тоже выверено до малейших деталей... И тем не менее, де

ло обернулось плохо.

— Да, Салах Хасан был отравлен.

— Чего-нибудь в этом роде следовало ожидать! Есть у вас основания предполагать, что подобная попытка была предпринята и в консульстве?

— Вполне вероятно. Был там один странный «инцидент. Какой-то тип выхватил револьвер... Ричард Бейкер ударом по руке обезоружил его...

— Ричард Бейкер... — протянул Дейкин.

— Вы знаете его?

— Знал когда-то.

После новой паузы заговорил уже Дейкин.

— Импровизация!.. Я делаю ставку именно на нее. Если, пользуясь вашим выражением, мы выверим все до малейших деталей, задача противника может сильно упроститься — достаточно ему проникнуть в наши планы. По-моему, Кармайклу не удалось бы добраться до посольства, а если бы он и добрался...

Дейкин не закончил фразу, но смысл ее и так был ясен.

— Здесь, в отеле, — продолжал Дейкин, — в курсе всего происходящего лишь двое: вы и я.

— Но ведь они узнают о том, что Крофтон Ли пере — брался сюда из посольства.

— Узнают, это неизбежно. Однако, вы, видимо, не учитываете, Кросби, что, поскольку импровизируем мы, импровизировать придется и им. «Тио» — новый элемент в этом деле. Никто не мог заранее устроиться здесь и подготовить какую-то ловушку. О том, чтобы встретиться именно в «Тио», никогда не было и речи.

Взглянув на часы, Дейкин добавил:

— Пойду посмотреть, как поживает Крофтон Ли.

Дверь сэра Руперта отворилась прежде, чем Дейкин успел в нее постучать. Комната была освещена лишь небольшой лампой, висящей возле кресла, из которого Крофтон Ли встал, чтобы встретить гостя. Прежде, чем снова сесть, сэр Руперт положил на стол маленький пистолет, появившийся было в его руке.

— Итак, Дейкин? — проговорил он. — Полагаете, он прибудет?

— Думаю, что да. Вы никогда не встречались с ним, сэр Руперт?

Крофтон Ли покачал головой.

— Нет, хотя рад был бы познакомиться. Как ни как, Дейкин, этот молодой человек обладает мужеством.

— Обладает, — ответил Дейкин. — И притом немалым. Сделанный сэром Рупертом комплимент мужеству

Кармайкла чуточку удивил его и, скорее, неприятно.

— Я говорю не о личной смелости, — проговорил Крофтон Ли. — Я знаю, что он отлично проявил себя во время войны. Я имею в виду иную смелость, смелость...

Он умолк, подыскивая нужное слово.

— Смелость воображения? — подсказал Дейкин.

— Если хотите! У него достаточно смелости, чтобы поверить во что-то, кажущееся совершенно невероятным, и достаточно мужества, чтобы рискнуть жизнью в попытке доказать, что смешная сказка вовсе не так уж смешна... Для этого необходимы качества, которые не часто встречаются у современных молодых людей. Я надеюсь, что он придет.

— Думаю, что придет.

— Все ли меры предосторожности приняты вами?

— Да, Кросби будет на балконе, а я в коридоре, наблюдая за лестницей. Когда Кармайкл придет, постучите в стенку, и я присоединюсь к вам.

— Хорошо.

Дейкин бесшумно вышел и через несколько секунд был уже в своей, расположенной рядом комнате. Отсюда он, оставив дверь чуть приоткрытой, мог наблюдать за лестницей. Дежурство началось.

Лишь через четыре часа гуфа, примитивное суденышко, множество которых ходит по Тигру, причалила к низкому берегу реки недалеко от «Тио». Еще через нес

колько минут на веревке, свисавшей с перил террасы, появился поднимавшийся по ней силуэт.

Другая веревка, закрепленная на балконе «Тио», свисала к самой земле, скрываясь в густой тени эвкалиптов.

Глава тринадцатая

Виктория намеревалась хорошенько выспаться, оставив все заботы до следующего утра. Однако поскольку она вздремнула днем, сон все не приходил.

В конце концов она сдалась, включила свет и начала искать себе занятие. Дочитав начатый в самолете роман, она примерила новые чулки, составила пару объявлений с предложением услуг стенографистки и машинистки, а затем написала и тут же порвала три письма миссис Клип. Придуманные Викторией истории, объясняющие, почему она оказалась «на мели», даже ей самой показались не слишком убедительными. Потом она попробовала причесаться на новый манер и почувствовав наконец, что зевает, снова легла.

Почти тотчас же дверь распахнулась. Появившийся в ней мужчина остановился и запер ее за собой.

— Ради бога, — прошептал он, — спрячьте меня! Скорее!

Быстро реагировать Виктория умела всегда. Секунды хватило ей, чтобы заметить главное: тяжелое дыхание мужчины, его едва слышный голос, руку, прижатую к старому красному платку, прикрывавшему грудь. Никаких укромных мест в комнате не было. Вспомнив детские игры, Виктория нашла все же одно убежище — свою очень широкую кровать.

— Поторопитесь! — бросила она.

Вскочив на ноги, Виктория откинула одеяло и впустила мужчину в постель. Прикрыв его и бросив поверх две подушки, она присела на край кровати. В ту же минуту раздался стук в дверь.

— Кто там?

Мужской голос ответил:

— Откройте! Полиция!

Надев халат, Виктория направилась к двери. Заметив на полу красный платок своего таинственного гостя, она подобрала его и поспешно сунула в ящик комода. После этого она отворила дверь. На пороге стоял смуглый молодой человек в светлом — сером костюме, за спиной которого виднелся полицейский в форме.

— Что случилось? — спросила Виктория, позаботившись, чтобы дрожь в ее голосе была достаточно заметна.

Молодой человек, ответил на вполне приличном английском языке:

— Прошу прощения за то, что беспокоим вас в такое позднее время, но мы разыскиваем бежавшего преступника. Он проник в отель, и нам отдан приказ проверить все комнаты. Это чрезвычайно опасный тип...

— Боже мой!

Виктория распахнула дверь и впустила полицейских. Осмотр длился лишь мгновение.

— Его здесь нет.

— Вы уверены? Конечно, прежде чем лечь, я заперла дверь на ключ, но...

— Не надо так волноваться, прошу вас! Можете спокойно продолжать отдыхать.

— Все равно я запру дверь. Так будет надежнее!

— Пожалуй. Еще раз спасибо и спокойной ночи! Полицейские вышли. Виктория услышала, как они постучали в дверь напротив. Через несколько секунд послышался возмущенный голос миссис Кардью Тренч, протестующей против незаконного обыска. Затем дверь отворилась и чуть позже хлопнула снова. Вновь стук, но уже в дверь, расположенную дальше по коридору.

Виктория подошла к кровати, решив, что, кажется, вновь совершила невероятную глупость. Прийти на помощь человеку только потому, что его преследуют, а он не говорит на твоём родном языке, конечно, очень романтично, но если этот человек бандит, это может завести чересчур далеко! Сейчас Виктории это было совершенно ясно. С небольшим опозданием.

Остановившись у кровати, она бросила:

— Ну, вставайте же!

Никакого ответа. Не повышая голоса, она добавила:

— Они ушли. Можете спокойно встать.

Снова молчание. Виктория резким движением отбросила одеяло. Мужчина не шевельнулся. Глаза его были закрыты, лицо стало пепельно — серым. Тут же Виктория увидела коричневатое — красное пятно на одеяле. Она испуганно прошептала:

— Нет... нет, только не это!

В это мгновение раненый открыл глаза, и его взгляд встретился со взглядом девушки. Губы зашевелились, но голос был так слаб, что Виктория ничего не расслышала. Она наклонилась к раненому.

— Что вы сказали?

На этот раз ей удалось разобрать несколько слов. Она не была уверена, что правильно поняла, потому что слова эти не имели, казалось, никакого смысла.

— Люцифер... Басра...

Веки мужчины задрожали, взгляд стал странно неподвижным. Ценой неимоверного усилия он пробормотал еще одно слово, какое-то имя, а затем голова его запрокинулась. Он перестал шевелиться.

Виктория продолжала стоять. Сердце ее колотилось так, что, казалось, вот-вот разорвется. Ей было от души жаль умершего у нее на глазах человека. Что, однако, делать теперь ей самой? Позвать кого-нибудь? Но кого? И что она скажет, когда полиция — а это неизбежно — потребует у нее объяснений?

Легкий звук заставил ее обернуться. Ключ, вставленный в замочную скважину, выпал на пол. Дверь отворилась, и в комнату спокойно вошел мистер Дейкин.

— Неплохо, дорогая моя! — проговорил он вполголоса. — Вы быстро соображаете и действуете тоже быстро. Что с ним?

Виктория почти беззвучно ответила.

— По-моему, он ...мертв.

Ей показалось, что на мгновение в зрачках Дейкина вспыхнул бешеный огонек.

Тут же он исчез, но что-то в Дейкине, тем не менее, изменилось. Теперь это был человек энергичный и решительный, совсем непохожий на того Дейкина, которого Виктория видела раньше.

Наклонившись над кроватью, Дейкин расстегнул китель убитого.

— Удар кинжалом почти прямо в сердце, — проговорил он, подняв голову. — Это был смелый человек, настоящий человек.

К Виктории вернулся дар речи.

— Только что здесь была полиция. Они сказали, что это преступник. Он и впрямь был преступником?

— Нет. Конечно, нет.

— А они? Они были настоящими полицейскими?

— Не знаю. Вполне возможно, только это ничего не меняет.

Чуть помолчав, Дейкин спросил:

— Перед тем, как умереть, он сказал что-нибудь?

— Да.

— Что именно?

— «Люцифер», а потом «Басра»... Потом имя — французское, мне кажется... Но, может быть, я плохо расслышала...

— Что за имя?

— Лефарж, по-моему...

— Лефарж...

Теперь в свою очередь вопрос задала Виктория.

— Что все это означает и что же мне делать?

— Постараемся сделать все возможное, чтобы вы не оказались замешанной в эту историю, — сказал Дейкин. — Ну, а насчет того, что все это означает, я еще вернусь к вам, и тогда мы поговорим обо всем. Прежде всего необходимо связат

ься с Марком. Он здесь хозяин и, хотя по виду этого не скажешь, человек умный. Пойду и поищу его. Еще только половина второго, так что вряд ли он уже спит. Подождите меня, я скоро вернусь.

Пока Дейкина не было, Виктория, двигаясь, словно во сне, поправила прическу и напудрилась. Затем она опустилась в кресло и дождалась прихода Дейкина и Марка. На этот раз привычной улыбки на лице хозяина отеля не было.

— Нам необходима ваша помощь, Марк, — проговорил Дейкин. — Каким-то ветром сюда занесло человека. Он был совершенно обессилен, и мисс Джонс, сжалившись, спрятала его. Этого человека преследовала полиция, но сейчас он мертв. Разумеется, мисс Джонс поступила не правильно, но можно ли ставить в упрек девушке то, что она уступила благородному порыву.

— Вы хотите, чтобы я договорился с полицией? — спросил Марк. — Я недолюблю ее, но в моем ремесле приходится жить в ладу с нею и я могу...

— Все, что мы хотим, — перебил Дейкин, — это убрать отсюда труп, не привлекая ничьего внимания.

— Это было бы лучше всего! Труп, найденный в номере, неважная реклама для отеля. Только, как это сделать?

— Думаю, что устроить это можно. Нет ли среди ваших родственников врача?

— Есть Поль, мой зять. Отличный парень, и мне не хотелось бы, чтобы, у него были неприятности...

— Не будет. Для начала мы перенесем труп в мою комнату, чтобы мисс Джонс не имела вообще никакого отношения к этой истории. Затем я воспользуюсь вашим телефоном, и через десять минут к вам в отель ввалится, еле держась на ногах, пьяный мужчина. Он спросит меня, поднимется, цепляясь за перила, по лестнице и, войдя ко мне, потеряет сознание, я потребую врача, и вы пришлете своего зятя. Он вызовет скорую и увезет в ней пьяницу, который скончается по дороге в госпиталь. Причина смерти: удар ножом в сердце. С вашей точки зрения, все в порядке. На него напали на улице еще перед тем, как он вошел в отель.

— Мой зять оставит труп в госпитале, а мнимый пьяница спокойно исчезнет завтра утром. Правильно?

— Совершенно верно.

— Результат: никакого кровопролития в отеле и никаких забот у мисс Джонс. Помоему, прекрасная идея.

— Отлично. В таком случае, придумайте что-нибудь, чтобы занять свой персонал на то время, пока я перенесу труп к себе в номер. Ваши парни всю ночь слоняются по коридорам...

— Будет сделано! Я соберу всех, чтобы дать срочные указания.

Когда Марк вышел, Дейкин повернулся к Виктории.

— Сможете помочь мне перенести его?

Виктория молча кивнула. Через несколько минут труп лежал уже на постели Дейкина.

— У вас есть ножницы? — спросил Дейкин. — Хорошо. Когда вернетесь к себе, в ырежьте из пододеяльника испачканный кровью кусок. Через час я зайду к вам.

Виктория направилась к двери, но Дейкин остановил ее.

— Подождите! Выпейте сначала глоток!

Он протянул ей плоскую бутылочку коньяка. Виктория отпила глоток из горлышка.

— Отлично! — сказал Дейкин. — Теперь возвращайтесь к себе и, как только будете в состоянии, погасите свет. Через час я буду у вас...

— И объясните, что все значит?

Дейкин окинул девушку долгим взглядом, но ничего не ответил.

Глава четырнадцатая

Сидя в темноте, Виктория прислушивалась. До нее доносились отголоски перебранки, в которой участвовал какой-то пьяный, явно плевать хотевший на чей бы то ни было покой, шушуканье и шаги в коридоре, а затем долгая тишина, нарушавшаяся только звуками арабской музыки, доносившимися из игравшего где-то граммофона. Виктории казалось, что прошло много часов, когда дверь комнаты

почти бесшумно отворилась. Она включила ночник. Дейкин присел рядом с кроватью и долго молча смотрел на девушку взглядом врача, изучающего больного, прежде чем вынести диагноз.

Первой заговорила Виктория.

— Итак, скажете вы мне, что все это значит?

— А что, если сначала мы поговорим о вас? — ответил Дейкин. — Может быть, вы расскажете, что вы делаете здесь и что привело вас в Багдад?

Вероятно, подчиняясь влиянию более сильной личности, Виктория на этот раз даже не пыталась лгать. Простыми словами, ничего не скрывая, она рассказала обо всем: о своей встрече с Эдвардом, о принятом решении любой ценою попасть в Багдад, о чудом появившемся предложении миссис Клип и даже о своих те перешних финансовых трудностях.

— Понятно! — проговорил Дейкин. Немного помолчав, он заговорил вновь:

— Не скажу, чтобы мне по душе было втягивать вас во всю эту историю. Лучше было бы обойтись без этого, но, увы, это совершенно невозможно. Нравится мне это или нет, но вы уже по уши увязли в ней! В этих условиях, почему бы вам не поработать на меня?

Виктория даже покраснела от радости.

— У вас найдется работа для меня?

— Возможно. Совсем иная, однако, чем вы думаете. Это.., опасная работа.

— Что подделаешь? — почти весело ответила Виктория. — Ничего бесчестного в ней ведь не будет, правда? Мне случалось, конечно, приврать, но тем не менее...

На лице Дейкина появилась какая-то странная легкая улыбка.

— Как это ни парадоксально, — проговорил он, — я подумал о работе для вас именно потому, что вы великолепная лгунья. Не беспокойтесь, ни о чем бесчестном нет и речи. Вы будете на стороне порядка и закона. Мои разъяснения будут носить очень общий характер, но этого достаточно, чтобы вы поняли, чем вам придется заниматься и в чем состоят опасности, о которых я упоминал. У вас, насколько я могу судить, достаточно здравого смысла, но, полагаю, вы вряд ли много задумывались над основными проблемами мировой политики.

Виктория кивнула.

— Я знаю только, что мир, по общему мнению, стоит на грани новой войны.

— Верно. А, как вы думаете, почему это так?

Виктория нахмурилась.

— Ну, из-за России..., коммунистов... Соединенных Штатов...

— Вижу, что газеты вы все же читаете и радио по временам слушаете. В общем-то, вы правы. Нельзя отрицать, что две идеологии противостоят друг другу и что в глазах общественного мнения они представлены коммунистической Россией с одной стороны и Соединенными Штатами с другой. Наша единственная надежда сохранить мир состоит в том, Виктория, что представители этих идеологий при всех различиях между ними начнут с пониманием или, по меньшей мере, терпимо относиться друг к другу. К несчастью, все обстоит как раз наоборот и пропасть между ними с каждым днем расширяется. Люди начинают задавать себе вопрос — не результат ли это действий некой третьей силы, таинственной и пока что остающейся в тени? Каждый раз, когда намечается сближение, когда соглашение становится возможным, какой-нибудь инцидент портит все. Боязнь, подозрения, страхи возвращаются вновь. Это не случайность, Виктория. Это рассчитано, это кому-то нужно.

— Нужно? Но кому и зачем?

— Зачем? По ряду причин, одной и не самой маловажной из которых являются, я думаю, деньги. Ими объясняется, все в нашем мире. Без них ничего нельзя добиться, а в интересующем нас случае их происхождение очень неясно. Откуда берутся они? Где-то в Европе вспыхивает забастовка, ставящая под вопрос существование борющегося за возрождение страны правительства. В ней участвуют рабочие, искренне верящие в то, что защищают свои интересы. Откуда, однако, берутся деньги, без которых забастовку нельзя было бы ни организовать, ни затягивать? Ищите! Их источник отнюдь не коммунисты. Волна антикоммунистической истерии обрушивается на Соединенные Штаты? Опять — таки, источник средств, идущих на нее, остается неизвестным. Разумеется, эти деньги проходят через руки капиталистов, но «сделаны» эти деньги не ими. Далее, очень значительные суммы денег исчезают из обращения, причем никто не знает, куда они деваются. В различных местах закупаются огромные количества алмазов. Десять сделок — и ни одну не удалось проследить до конца.

— Но...

— Конечно, Виктория, это крайне упрощенная картина. Для нас существенно то, что существует группа, по не совсем еще ясным причинам заинтересованная в том, чтобы поддерживать атмосферу взаимных подозрений. У нас есть все основания предполагать, что у этой группы имеются во всех странах хорошо законспирированные агенты. Одни из них занимают крупные посты, другие играют несравненно более скромную роль в обществе, но все они образуют что-то вроде пятой колонны только во всемирном, а не национальном масштабе.

— Но кто же они эти люди!

— Поверьте мне, их объединяет не национальность, а страх, — страх перед тем, что мир может стать лучше. Они воображают, будто способны подчинить своей воле идущее к упадку человечество, совершая тем самым чудовищную ошибку и впадая в грех гордыни.

Дейкин умолк, на мгновение, кашлянул и заговорил снова.

— Не хочу, впрочем, читать вам проповедь. Вернемся к фактам. Эта группа, точнее характеризовать которую я, к сожалению, не могу, действует через свои центры. Один из них находится в Аргентине, другой в Канаде, еще один, — а может быть, и несколько в Соединенных Штатах. Есть, вероятно, их центр и в России. За последние два года двадцать восемь ученых различных национальностей исчезли, словно растворившись в воздухе. Никто не знает, что с ними случилось. Та же история с несколькими летчиками, инженерами и техниками. Все они, замечу, были молоды, честолюбивы и как правило одиноки. Где они сейчас? Мы не знаем этого, но начинаем догадываться, чем они могут заниматься.

Виктория слушала, затаив дыхание Дейкин продолжал:

— Часто говорят, что в наше время невозможно построить завод и наладить серьезное производство, сохраняя все это в полной тайне. Тем не менее, существуют еще уголки, удаленные от больших дорог, защищенные высокими горами и пустынями, уголки, где чужеземец сталкивается с враждебным ему населением и куда проникали до сих пор лишь редкие путешественники. В таких местах могут происходить вещи, о которых даже не догадывается внешний мир. В один из подобных уголков можно проникнуть лишь через Китай или через хребты Гималаев. Путь долгий и трудный. И все же именно туда из всех точек земного шара попадают грузы и люди, направлявшиеся, по видимости, совсем в другие места. Один человек заподозрил неладное..., исключительный человек. Он родился в Кашгаре, он говорил на всех языках и наречиях Востока, у него повсюду были друзья и связи. Он отыскал путь в то место и прошел по нему до конца. Когда он вер

нулся в цивилизованный мир, его отчет показался настолько не правдоподобным, что ему просто не поверили. Пришли к выводу, что все это привиделось ему в лихорадочном бреде. Тем не менее, двое поверили. Одним из них был я. Невозможное случается так часто, что я давно перестал быть скептиком. Другим был...

Дейкин умолк, видимо, не зная, следует ли продолжать

— Другим был...

— Другим был сэр Руперт Крофтон Ли, знаменитый путешественник, хорошо знавший, какие сюрпризы могут таить в себе эти забытые богом места. Получив на эту поддержку, Кармайкл — так звали того человека — решил повторить попытку и получить необходимые доказательства. Предприятие было рискованным, но справиться с ним он мог лучше, чем кто бы то ни был. Все это было девять месяцев назад, и только в прошлом месяце мы получили сообщение от него. Сомнений больше не было, он возвращался назад с доказательствами своей правоты. Однако и противник напал на его след, противник, для которого жизненно важно было не дать ему вернуться. Границы были взяты под наблюдение его врагами, невинные люди гибли лишь потому, что их принимали за Кармайкла. Что в таких случаях значит человеческая жизнь? Тем не менее, Кармайкл прошел. Прошел целый и невредимый..., до сегодняшнего дня...

— Тот человек, которого убили..., это был он?

— Да, это был он. Настоящий человек...

— А доказательства, которые он добыл? Они захватили их?

По лицу Дейкина промелькнула тень улыбки.

— Зная Кармайкла, сильно сомневаюсь. Захватить доказательства им, скорее всего, не удалось. Однако, Кармайкл умер, не сумев сообщить, где и в чьих руках они находятся. Он пытался... Люцифер, Басра, Лефарж..., ключ, несомненно, содержится в этих словах. Он пытался, находясь в Басре, связаться со мной через консульство, но едва не был убит прямо в приемной... Думаю, что он оставил доказательства где-то в Басре, и я хотел бы, Виктория, чтобы вы отправились на их поиски.

— Я?

— Да, вы! Вам не хватает опыта, вы не знаете толком, что, собственно, искать,

но зато именно вы слышали последние слова Кармайкла и, быть может, на месте они что-то подскажут вам... Кто знает? Не зря же говорят, что новичкам везет!

— В Басру я поеду с удовольствием!

Виктория произнесла эти слова с такой убежденностью, что Дейкин невольно улыбнулся.

— Потому что там сейчас находится ваша симпатия? Браво! Предлог великолепный. Лучше и не придумать! Вы поедете в Басру, будете держать уши на макушке и внимательно поглядывать вокруг. Никаких инструкций я дать вам не могу..., да это, пожалуй, и к лучшему. Воображения и инициативы у вас, по-моему, достаточно. Что означают слова «Люцифер» и «Лефарж», если, конечно, вы правильно их расслышали, я не знаю. Склонен согласиться с вами, что «Лефарж» — фамилия. Попробуйте отыскать какого-нибудь Лефаржа!

— Но как и за какие деньги я попаду в Басру? — спросила Виктория.

Дейкин вынул бумажник и протянул девушке пачку банковских билетов.

— Что касается денег, то вот они! Что же касается поездки, то завтра утром вы затеете разговор с этой старой сорокой Кардью Тренч и скажете ей, что собираетесь съездить в Басру, прежде чем присоединиться к той экспедиции, где вас будто бы ждут. Попросите ее порекомендовать вам подходящий отель. Она наверняка ответит, что вас с удовольствием приютят в консульстве и пошлет телеграмму миссис Клейтон. У Клейтонов вы, скорее всего, встретите и Эдварда. Там бывают все англичане, попадающие в Басру. И напоследок, еще один совет. Если с вами случится какая-нибудь... неприятность, если у вас начнут выпытывать, что вам известно и на кого вы работаете, не пытайтесь строить из себя героиню! Выкладывайте все и делу конец!

Виктория, не тая облегчения, проговорила:

— Вот это я, честно говоря, рада слышать! Я боюсь боли и, если бы меня начал и пытать, все равно не выдержала бы!

— Пытать вас не будут, — сказал Дейкин. — Давно устарело! Небольшая инъекция, и вы, сами не отдавая себе отчета, искренне ответите на все вопросы, какие вам зададут. Не думайте, что вы обязаны любой ценой хранить то, что услышал и от меня. В любом случае они узнают от вас только то, что им и так известно. После сегодняшних событий они не могут питать никаких иллюзий относительно

моей роли.., да и относительно сэра Руперта.

— А Эдвард? Ему рассказать можно?

— Ну, это уж вам решать! В принципе о том, чем вы занимаетесь в Басре, не следует говорить никому. На практике же...

Дейкин встал, так и не закончив фразу.

— Рассказать ему обо всем, — вновь заговорил он через мгновение, — значит подвергнуть и его риску. Это одна сторона вопроса. Однако он был летчиком, по бывал в боях, и опасность вряд ли его пугает. С другой стороны, две головы как к правилу лучше одной... Вы говорили, что, по его мнению, в этой «Оливковой ветви», где он работает, есть что-то не совсем чистое? Любопытно.., очень любопытно...

— Почему?

— Потому что у нас сложилось такое же впечатление.

После небольшой паузы Дейкин добавил:

— Еще два слова, и я ухожу! Во-первых, вы уж меня извините, но не нужно очень сложных выдумок! Слишком легко в них запутаться. Я знаю, что в этом деле вы виртуоз, но, тем не менее... Чем проще, тем надежнее!

— Буду помнить об этом, — с должным смирением ответила Виктория. А еще что?

— Внимательно прислушивайтесь к разговорам и, если услышите имя Анны Шееле, удвойте внимание!

— Анна Шееле? Кто это?

— Мы очень мало знаем о ней, а хотелось бы знать гораздо больше...

Глава пятнадцатая

— Гостиница в аэропорту? — воскликнула миссис Кардью Тренч. — Даже думать об этом не смейте! Клейтоны с радостью примут вас! Я много лет знаю их. Мы

телеграфируем им, а поедете вы вечерним поездом. Это старые друзья доктора Понсфут Джонса...

На лице Виктории выступил легкий румянец. Епископ Ллангоу, превратившийся в Лангао, оказался безусловно более практичным, чем этот доктор Понсфут Джонс, встреча с которым то и дело грозит.

В поездке Виктория испытала всю прелесть новизны. Поезд, разумеется, был скорым лишь по названию, но Виктория уже начала понимать, что нетерпеливость — один из главных грехов Запада.

На вокзале ее ожидала машина с дипломатическим номером. Консульство занимало большую виллу, окруженную великолепным садом. Вдоль всего здания на высоте второго этажа тянулся широкий балкон. Миссис Клейтон спустилась со ступенек крыльца навстречу девушке.

— Мы очень рады вам, — проговорила она с очаровательной улыбкой. — В это время года Басра — чудесное место и было бы непростительно, побывав в Ираке, не провести здесь хоть несколько дней. Все знают это, так что нам, случается, просто некуда разместить гостей. К счастью, сейчас места у нас сколько угодно — гостит только один молоденький сотрудник доктора Ратбона. Очень, кстати, милый молодой человек! Зато очень жаль, что вы разминулись с Ричардом Бейкером. Телеграмму от миссис Кардью Тренч я получила уже после его отъезда...

Кто такой Ричард Бейкер? Виктория не имела о нем ни малейшего понятия, и ей было глубоко безразлично, уехал он или нет. Ее интересовал только Эдвард.

— Он уехал на двое суток в Кувейт, — продолжала миссис Клейтон. — Кувейт! Еще один город, который стоит посмотреть... Прежде, чем его исковеркают на европейский лад, а ждать этого недолго... Впрочем, поживем — увидим!.. С чего вы предпочитаете начать? Немного подкрепитесь или сначала примете ванну?

Виктория выбрала ванну.

— Отлично! Я провожу вас...

Обе женщины направились к лестнице.

— Как поживает миссис Кардью Тренч? — спросила миссис Клейтон, ставя ногу на первую ступеньку. — Вы, наверное, давно знакомы с ней?

Виктория решила, что в данном случае правда никак повредить не может.

— Нет, — ответила она. — Я познакомилась с ней уже в Багдаде.

— И она, разумеется, в первые же четверть часа выпытала у вас всю подноготную? Она прекрасно играет в бридж и очень неглупа, но ужасная говорунья! Да вы и сами это, конечно, заметили... А вот и ваша комната... Ванная справа... Пока я оставляю вас и — до скорого свидания!

С этими словами миссис Клейтон, напоминая трудолюбивую пчелку, удалилась. Виктория приняла ванну, а затем причесалась и подкрасилась со всем тем старанием, которое вкладывает в эти тонкие операции молодая женщина, готовящаяся встретиться с «мужчиной ее жизни».

Для Виктории, прежде всего, было жизненно необходимо встретиться с ним, хотя бы на минутку, наедине. Она не сомневалась в том, что он достаточно воспитан, чтобы не вытаращить от изумления глаза, когда его представят «мисс Понсфут Джонс», известной ему до сих пор просто как «мисс Джонс», но желательно, чтобы он не выразил удивления и по поводу ее присутствия на Востоке. Надев легкое летнее платье, она вышла на балкон и, облокотившись о перила, стала ожидать появления Эдварда.

Через несколько минут Виктория увидела, что к дому направляется высокий, худощавый мужчина, и юркнула в комнату, чтобы не быть замеченной. Когда мужчина вошел в дом, она вновь заняла свой наблюдательный пункт. Почти тотчас же через калитку, ведущую прямо к берегу реки, в сад вошел Эдвард. Сохраняя верность шекспировским традициям, Виктория — Джульетта перегнулась через перила и, несколько отходя от этих традиций, прошептала:

— Тс-с!

Эдвард поднял голову. Выглядел он еще более обворожительно, чем прежде. Виктория негромко проговорила:

— Подойдите ближе!

Эдвард смотрел на нее ошеломленно.

— Быть не может! — вырвалось у него. — Я что — снова в Англии?

Виктория приложила палец к губам.

— Оставайтесь на месте! Я сейчас спущусь.

Она прошла вдоль балкона к маленькой лесенке и через несколько секунд была

уже рядом с Эдвардом. Он стоял, застыв на месте и словно окаменев.

— Не мог же я так напиться с самого утра! — проговорил он наконец. — Это и впрямь вы?

— И впрямь!

— Но что вы здесь делаете и как вы сюда попали? Вот уж не думал, что снова встречу с вами!

— Я тоже!

— И все-таки, как вы попали сюда?

— Самолетом.

— Ясно, что самолетом! Но какой счастливый случай занес вас в Басру?.. Здесь-то вы как очутились?

— Поездом!

— Дразнитесь, маленькая чертовка!.. Господи, как я рад видеть вас! Ну, а теперь рассказывайте, умоляю вас!

— Привезла меня с собой одна дама, ухитрившаяся очень вовремя сломать себе руку. Американка, некая миссис Клип... Я с ней столкнулась на следующий день после нашей встречи. Вы тогда говорили о Багдаде, Лондон мне действовал на нервы, вот я и решила, что неплохо будет поменять обстановку.

— Вы просто чудо, Виктория! Эта миссис Клип тоже здесь?

— Нет, поехала к своей дочери в Киркук. Меня она наняла только на время поездки.

— Чем же тогда вы тут занимаетесь?

— Продолжаю наслаждаться переменой обстановки. Пришлось, естественно, немного схитрить ради этого. Потому-то я и постаралась перехватить вас прежде, чем мы встретимся на людях. Вовсе ни к чему рассказывать, что, когда мы весело болтали последний раз, я была простой стенографисткой — безработной, к тому же!

— Можете не беспокоиться! Скажите только, за кого вы себя выдаете, и я подтвержу каждое ваше слово.

— Тогда слушайте! Меня зовут мисс Понсфут Джонс. Мой дядя, известный археолог, проводит где-то в здешней глуши раскопки, и я собираюсь вскоре присоединиться к нему.

— Во всем этом, разумеется, ни слова правды?

— А как вы думаете? Звучит, тем не менее, вполне правдоподобно...

— Правдоподобно, не спорю! Ну, а если вы встретитесь с самим Понсфут Джонсом?

— Никакого риска! Насколько я знаю, археолог, начав раскопки, больше уже ни о чем не думает. Его не остановишь!

— Это и я слышал, а у Понсфут Джонса и впрямь есть племянница?

— Откуда я знаю?

— Стало быть, о сознательном присвоении чьей-то личности речь не идет? Ну, это уже не так серьезно...

— Верно ведь? К тому же, если понадобится, можно сказать, что я не племянница, а просто дальняя родственница, с детства привыкшая называть его «дядей».

— Вы, я вижу, обо всем подумали, Виктория. Настоящее чудо, а не девушка! Я думал, что увижу вас разве что через много лет — да и то вы, скорее всего, меня не узнаете... А вы тут как тут!

Будь Виктория кошкой, она бы сейчас замурлыкала.

— Но вам ведь, наверное, нужна работа? — заметил Эдвард. — Вы ведь не разбогатели?

— Скорее, наоборот! Работу найти мне нужно непременно. Я побывала уже в вашей распрекрасной «Оливковой ветви», виделась с доктором Ратбоном и поинтересовалась, как там у вас насчет работы... Ничего не вышло. Работа — то есть, только платить за нее ему не хочется.

— Старый жмот, — кивнул Эдвард. — Вечно старается, чтобы люди работали на него из одной любви к искусству!

— Жулик?

Эдвард ответил не сразу.

— Да нет... Правду говоря, я и сам не знаю, что думать. Особых доходов «Оливковая ветвь» ему не приносит, так что, похоже, он искренне трудится только ради своих идеалов. И тем не менее, что-то неладное во всем этом есть, я это просто сердцем чувствую!

— Пойдемте в дом! — сказала Виктория. — Потом мы еще обсудим все это.

— Вот уж не думала, что вы знакомы с Эдвардом! — воскликнула миссис Клейтон.

Виктория засмеялась.

— О, мы старые друзья! Потом, правда, потеряли друг друга из виду, так что я никак не ожидала встретить его именно здесь.

Мистер Клейтон, тот самый высокий, худощавый мужчина, появление которого испугнуло Викторию, когда она стояла на балконе, обратился к Эдварду:

— Удалось хоть немного сдвинуться с места?

— Самую малость, — ответил Эдвард. — Ящики с книгами здесь, но, чтобы их получить, нужно пройти бесконечные формальности.

Клейтон улыбнулся.

— На Востоке спешить не принято.

— Как назло, того самого чиновника, который вам сейчас нужен, никогда не оказывается на месте. Все полны доброй воли, все только и хотят помочь вам..., но дело не движется! — закончил он со смехом.

— В конце концов вы своего добьетесь, — добродушно заметила миссис Клейтон. — Доктор Ратбон поступил, однако, совершенно правильно, прислав вас сюда. Иначе эти ящики еще не один месяц пролежали бы в Басре!

— После палестинских событий здесь все страшатся бомб и..., подрывной литературы. Все кажется подозрительным!

Миссис Клейтон обернулась к мужу.

— Будем надеяться, что в ящиках доктора Ратбона книги, а не бомбы!

— Дорогая, — возразил Клейтон, — доктор Ратбон — выдающийся ученый, член нескольких академий, человек, известный и уважаемый во всей Европе!

В его тоне прозвучал оттенок упрека, но миссис Клейтон сделала вид, что ничего не заметила.

— Тем легче ему было бы заняться контрабандой! Клейтон ничего не ответил, но, судя по раздраженному выражению лица, замечанием жены остался недоволен. Поскольку в жаркое время дня заниматься делами здесь никому не приходило в голову, Виктория и Эдвард покинули после завтрака своих гостеприимных хозяев и отправились на прогулку вдоль берега Шатт — эль — Араба. Виктория любила любоваться рекой, зеленеющими пальмами, фелюгами, медленно двигавшимися на буксире по судоходному каналу. Погуляв по улочкам арабских кварталов, они не спеша возвращались к консульству, и Виктория задала своему спутнику давно уже мучивший ее вопрос:

— Как вас, собственно, зовут, Эдвард?

Он ошарашено посмотрел на нее.

— В каком смысле?

— В смысле полного имени. Фамилию вашу я ведь и до сих пор не знаю...

— А ведь верно!.. Горинг, Эдвард Горинг.

— Эдвард Горинг. Отлично, а то, знаете, в «Оливковой ветви» я чувствовала себя круглой идиоткой... Разыскивать человека, о котором только и знаешь, что зовут его

Эдвард.

— Там, случайно, не было девушки, такой жгучей брюнетки?

— Была.

— Это Катрин. Очень славная девушка. Если бы вы спросили Эдварда, она сразу сообразила бы, о ком речь...

— Не сомневаюсь, — чуть чопорно проговорила Виктория.

— Катрин очень мила. Вы согласны?

— Да, да...

— Красавицей ее не назовешь, но очень симпатична... Вот как?

Сказано это было ледяным тоном, но Эдвард продолжал, не обращая внимания:

— Не знаю, что бы я делал без нее. Она ввела меня в курс всех дел и уберегла от массы ошибок. Я уверен, что вы с ней подружитесь...

— Не думаю, чтобы у нас был случай для этого.

— Бросьте! Я устрою вас к нам на работу...

— Каким образом?

— Сам еще не знаю, но устрою. Скажу Ратбону, что вы первоклассная стенографистка и все такое прочее...

— Он же скоро сообразит, что это далеко не так.

— Не беда! Главное, что за место вы уже зацепитесь. Не придется бегать в поисках работы! А то ведь вы бы ее не нашли и, глядишь, отправились бы в Бирму или еще куда-нибудь на край света. Нет уж, девочка, ничего не выйдет! Раз повезло встретиться, снова исчезнуть я вам не дам!

Говорить о том, что ее и саму теперь никакими силами не удалось бы вырвать из Багдада, Виктория сочла лишним. Она просто заметила:

— В общем-то, поработать в «Оливковой ветви» было бы даже забавно!

— Ну, забавно, пожалуй, не совсем то слово. Времени работа там отнимает мало, а особо увлекательной ее не назовешь...

— Не говоря о том, что все это заведение производит сомнительное впечатление! Вы по-прежнему так считаете?

— О, я сказал это, знаете ли...

— Сказали то, что думали! И, по-моему, были правы.

Эдвард резко повернулся к девушке.

— Что вас натолкнуло на эту мысль?

— Кое-что, сказанное одним из моих друзей.

— Что это еще за друзья?

— Один из друзей...

Эдвард поморщился.

— У таких девушек, как вы, слишком много друзей. Злюка вы, Виктория! Я от вас без ума, а вам это совершенно безразлично!

— Не правда! — запротестовала Виктория. — Совсем не безразлично... — Скрывая радость, она добавила:

— Послушайте, Эдвард, среди людей, как-то связанных с «Оливковой ветвью», есть кто-нибудь по имени Лефарж?

— Лефарж? Эдвард задумался.

— Нет, — проговорил он наконец. — Насколько я знаю, нет. Кто это?

— А Анна Шееле? Это имя говорит вам что-нибудь?

На этот раз Эдвард отреагировал совсем иначе. Схватив Викторию за руку, он с просил:

— Что вам известно об Анне Шееле?

— Да отпустите мою руку, Эдвард! Ничего мне о ней не известно. Просто спросила, приходилось ли вам слышать это имя!

— Кто вам говорил о ней? Миссис Клип?

— Нет. Не думаю, во всяком случае... Когда женщина выпаливает столько слов в минуту, уверенным быть трудно, но думаю, что я все-таки запомнила бы...

— Почему вы решили, что Анна Шееле как-то связана с «Оливковой ветвью»?

— А это не так?

— Не знаю... Все настолько... настолько неопределенно...

Они шли уже вдоль садовой решетки консульства.

Эдвард бросил взгляд на часы.

— Мне пора поспешить к таможенникам. Чертовски неудобно, что я не умею го

ворить по-арабски!.. Покидаю вас, но ненадолго! Я хочу расспросить вас о многом.

— А мне, — ответила Виктория, — так много нужно рассказать вам!

Сказано это было без колебаний. Сама смелая до дерзости, она признавала только мужчин, созданных для опасностей, так же, как звезды созданы для того, что бы сиять — на ночном небосводе. Если бы она попыталась уберечь Эдварда от того риска, на который идет сама, разве ему бы это понравилось?

К тому же, поразмыслив, Виктория пришла к выводу, что и Дейкин рассчитывал на то, что она привлечет Эдварда к выполнению задания.

Вечером молодые люди вновь вышли на прогулку — на этот раз по саду консульства. По настоянию миссис Клейтон, Виктория накинула поверх легкого платья шерстяной жакет. Ночь была чудесной, но увлеченные разговором молодые люди даже — не замечали этого.

— Все началось проще некуда, — сказала Виктория. — В мой номер — это было в «Тио» — вошел мужчина и умер там. Он был заколот кинжалом.

Эдварду это событие, видимо, не показалось столь банальным, потому что он с явным изумлением переспросил:

— Простите?

— Заколот кинжалом. Если бы его застрелили, я бы слышала выстрел. Во всяком случае, он был убит...

— Был убит и вошел к вам в номер?

— Не прикидывайтесь идиотом, Эдвард. Виктория рассказала приключившуюся с ней историю, не слишком, к сожалению, вразумительно, потому что правда всегда давалась ей с трудом. Вполне реальные события выглядели в ее рассказе чистой выдумкой.

— Вы себя хорошо чувствуете? — поинтересовался Эдвард, когда она закончила. — Не перегрелись на солнце?

— Конечно, нет!

— А то, знаете, все это кажется не слишком правдоподобным...

— И тем не менее, — чуть обиженно сказала Виктория, — именно так все и было!

— Но ведь все это не может быть правдой! Вся эта всемирная организация, тайные приготовления где-то в Тибете или Белуджистане — это же взято из какого-нибудь романа! Такого не бывает!

— Вы так думаете?

— Вы просто потешаетесь надо мной, Виктория! Вы же все это выдумали!

— Нет! — яростно выкрикнула девушка.

— И вы хотите меня убедить, что приехали сюда, чтобы отыскать каких-то Лефара и Анну Шееле...

— О которой вам и самому приходилось слышать. Ведь ее имя упоминалось при вас! Так это или нет?

— Упоминалось, это верно.

— Где и кем? В «Оливковой ветви»?

Эдвард на мгновение задумался, а затем проговорил:

— Не думаю, чтобы это могло что-то дать... Все это так странно...

— Все равно, рассказывайте!

— Восхищаюсь вами, Виктория. У меня нет вашей сообразительности, вашего умения схватывать все на лету... Я чувствую, что что-то не так, но объяснить, откуда взялось это ощущение, мне...

— Не переживайте! Мне это знакомо. Такое же ощущение бывало и у меня... Ну, например, когда я увидела сэра Руперта на террасе «Тио»...

— Сэра Руперта?

— Да, сэра Руперта Крофтона Ли. Он летел тем же самолетом, что и я. Очень холодный и сдержанный, знающий себе цену человек. Вы, конечно, знаете о нем, хотя бы понаслышке... Короче говоря, когда я увидела его сидящим на солнышке в «Тио», у меня возникло ощущение, что в этой картине что-то не так. Почему? Понятия не имею.

— Ратбон, насколько мне известно, приглашал его прочесть лекцию в «Оливковой ветви», но ничего, в конце концов, не вышло, и вчера утром Крофтон Ли улетел. В Каир, по-моему, или в Дамаск.

— Вернемся, однако, к Анне Шееле!

— Вы стоите — таки на своем!.. Ладно, насколько я помню, это имя я слышал от одной из наших девушек.

— Катрин?

— Дайте подумать! Может быть, и от Катрин...

— Уверена, что от нее! Поэтому вы так и мямлите!

— Да не сходите же с ума, Виктория!

— И что же она сказала об Анне Шееле?

— Она разговаривала с другой нашей девушкой и сказала ей: «Когда придет Анна Шееле, дело пойдет вперед. Распоряжения мы будем получать от нее.., и только от нее».

— Но это ведь очень важно, Эдвард!

— Спокойствие! Я ведь даже не уверен, что правильно расслышал названное ею имя.

— Вам их разговор не показался сразу же несколько странным?

— Да нет, не показался. Я просто решил, что они ждут приезда какой-то дамы, которая начнет сама заправлять нашим богоугодным заведением, вот и все!.. Вы все-таки уверены, Виктория, что вся та история вам попросту не приснилась?

Взгляд брошенный девушкой, заставил Эдварда мгновенно пойти на попятную.

— Ладно, ладно, считайте, что я ничего не сказал!.. Только согласитесь, что все это здорово напоминает приключенческий роман! Человек, появившийся у вас в комнате как раз вовремя, чтобы произнести два слова и умереть! Сознаться, что о уж этого-то на самом деле не было!

— Вам бы самому увидеть всю эту кровь...

— Я вижу, этот случай основательно потряс вас...

— Еще бы! А вы теперь начинаете доказывать, что все это выдумка!

— Извините, Виктория. Это все потому, что я ведь знаю, как вы сильны в выдумках: епископ Ллангоу и все такое прочее...

Виктория пожала плечами.

— Ну, то было просто озорство, а сейчас речь идет о серьезном деле...

— Вы полагаете, этот..., как его... Дейкин знает, о чем говорит?

— Наверняка. Но скажите, Эдвард, откуда вы узнали...

Голос с балкона прервал их беседу:

— Ну как, молодые люди, нагулялись уже? Ужин ждет вас!

Повернув голову, Виктория увидела стоящую на балконе миссис Клейтон.

— Идем уже!

Молодые люди вошли в дом.

В этот вечер сон не шел к Виктории.

Она приехала в Багдад, чтобы найти Эдварда. Ценой немалых усилий ей удалось добиться своего. Однако теперь, когда цель была достигнута, энтузиазм несколько спал.

Отчасти виноват в этом был сам Эдвард, похоже, так до конца и не поверивший в реальность ее приключений. А ведь все было правдой! Она, Виктория Джонс, неприметная лондонская стенографисточка, оказалась на Востоке, почти на ее глазах был убит человек, она стала чем-то вроде секретного агента и в довершение всего отыскала своего любимого в райском саду, расположенном, кстати, совсем неподалеку от того места, где в первые дни после сотворения мира находились сады Эдема.

В памяти всплыли слова детской песенки:

Дай скорее мне ответ —

Вавилон далек иль нет?
Доскачу ли я туда до ночи, брат мой?
Пусть уж вовсе недалек,
А такой лихой ездок
И туда сумеет обернуться и обратно.

И вот теперь она была почти что в Вавилоне — да еще и с Эдвардом! Кстати, о чем это она хотела спросить его в саду, когда их позвала миссис Клейтон? На чисто вылетело из головы, но надо будет обязательно постараться вспомнить..., э то было что-то важное... Эдвард... Анна Шееле... Руперт Крофтон Ли..., тут тоже что-то не так...

Только что именно? И в этом надо разобраться..., а еще Лефарж... Катрин... Катрин и Эдвард..., ну, это уже чушь. Виктория уснула беспокойным сном.

Миссис Клейтон повернулась к Виктории.

— Еще чуточку кофе?

— С удовольствием.

— У вас усталый вид. Не заболели?

— Нет, нет. Просто не выспалась. Столько новых впечатлений, что невольно одолевает бессонница.

В этот момент Джеральд Клейтон включил радиоприемник. Заканчивалась передача последних известий.

«Вчера вечером премьер — министр доложил палате общин подробности нового плана ограничения импорта.

Согласно сообщению из Каира, труп сэра Руперта Крофтона Ли был обнаружен в водах Нила...».

Виктория поставила чашку на стол, а миссис Клейтон негромко вскрикнула. Голос диктора продолжал:

«Сэр Руперт, прилетев два дня назад из Багдада, остановился в одном из лучших каирских отелей. В первый же вечер он вышел на прогулку и не вернулся. Ка

к показал осмотр тела, сэр Руперт не утонул, а был убит ударом кинжала в сердце. Исследования Китая и Белуджистана принесли сэру Руперту мировую известность, он был автором многих книг...»

— Убит — воскликнула миссис Клейтон — Ты знал об этом, Джеральд?

— Знал, что он исчез, — ответил Клейтон. — Насколько мне известно, посыльный принес сэру Руперту записку, и он тотчас же вышел из отеля, никому не сказав, куда направляется...

Несколькими минутами позже Виктория и Эдвард остались наедине

— Ну? — проговорила Виктория. — Вы по-прежнему полагаете, что я попросту перегрелась на солнце? Сначала Кармайкл, а теперь сэр Руперт. Сейчас я сожалею, что не слишком-то уважительно отзывалась о нем. Все, кто хоть как-то связаны с этой историей, помечены роком. Уж не мой ли будет черед на следующий раз...

— Ради бога, Виктория, не надо говорить так, словно вам все это доставляет удовольствие! И не стоит драматизировать. Не вижу, чем вы кому-то можете мешать. Вы ведь, строго говоря, абсолютно ничего не знаете... И все же, умоляю вас, не делайте никаких глупостей!

— Это и к вам относится! Вы ведь теперь тоже оказались втянутыми во все это! По моей вине...

Эдвард пожал плечами.

— Что ж, все-таки какое-то развлечение...

Глава шестнадцатая

— Ну, — спросил Дейкин, — нашли вы своего возлюбленного?

Виктория кивнула в ответ.

— А по нашему делу обнаружить что-нибудь удалось?

— Нет.

Сказано это было с таким огорчением, что Дейкин улыбнулся.

— Не стоит так переживать! Не забывайте, что в нашей игре выигрыши выпадают очень и очень нечасто. Вам, чем черт не шутит, могло повезти, но я на это не рассчитывал.

— Продолжать мне начатое?

— А вы хотите этого?

— Конечно. Эдвард считает, что сможет устроить меня на работу в «Оливковую ветвь». Прислушиваясь и присматриваясь ко всему, что там происходит, я, может быть, смогу узнать что-нибудь. Об Анне Шееле, например... Дело в том, что там знают о ней...

— Вот это уже интересно! Как вы это обнаружили?

Виктория рассказала о случайно услышанном Эдуардом разговоре.

— Чрезвычайно любопытно! — заметил Дейкин.

— Но кто же эта Анна Шееле? Знаете вы о ней что-нибудь или для вас это только имя?

— Анна Шееле, — секретарша и правая рука американского финансиста, стоящего во главе крупного международного банка. Десять дней назад она прилетела из Нью — Йорка в Лондон.., и исчезла.

— Исчезла? Значит ли это, что ее нет в живых? — Если даже и так, то труп ее обнаружен не был.

— Но ее нет в живых?

— Вполне возможно.

— Она должна была прибыть в Багдад?

— Не знаю. Судя по тому обрывку разговора, о котором вы мне рассказали, собиралась, видимо... Впрочем, прошедшее время я поставил, пожалуй, зря. Пока что никаких оснований считать ее мертвой у нас нет...

— Может быть, в «Оливковой ветви» мне удастся что-то выяснить.

— Может быть... Только прошу вас, Виктория, будьте осторожны, предельно осто

рожны! Мы имеем дело с людьми, которые не отступятся ни перед чем..., а мне вовсе не хотелось бы, чтобы однажды из Тигра выловили ваш труп!

— Как труп сэра Руперта... — Отогнав неприятное видение, заставившее ее вздрогнуть, Виктория добавила:

— Между прочим, в то утро, когда я увидела сэра Руперта в отеле, что-то в нем меня поразило... Хотела бы я знать, что именно!

— Поразило..., чем же?

— Как раз этот вопрос и я себе задаю!.. Может быть, вспомню когда-нибудь. Скорее всего, какая-нибудь мелочь, не имеющая никакого значения!

— Любая мелочь может иметь значение.

— Эдвард считает, что, если он сумеет устроить меня в «Оливковую ветвь», мне лучше будет перебраться из «Тио» в какой-нибудь пансионат из тех, в которых живут все работающие там девушки.

— Разумная мысль. У вашего Эдварда есть, я вижу, голова на плечах.

— Вы хотели бы встретиться с ним? Дейкин покачал головой.

— Ни в коем случае! Скажите ему, чтобы он, напротив, избегал меня! Вы, уже в силу самих обстоятельств смерти Кармайкла, находитесь на подозрении, Эдвард же, по счастью, в эти события замешан не был. Это существенное преимущество. Сохраним же его!

— Я хочу спросить... Кто убил Кармайкла? Кто-то, выследивший его и шедший за ним по пятам?

— Нет, это невозможно.

— Невозможно?

— Он прибыл по реке и слежки за ним не было. Мы уверены в этом, потому что наши люди все время держали Тигра под наблюдением.

— Стало быть, он был убит кем-то, кто уже ждал его в отеле?

— Несомненно, я бы уточнил даже, кем-то, кто ждал его в вашем крыле отеля. Я следил за лестницей и пройти незамеченным по ней не мог никто.

После нескольких секунд раздумья Дейкин добавил:

— Это резко ограничивает число подозреваемых. В том крыле были только я, вы, миссис Кардью Тренч, Марк Тио и его сестры, несколько старых слуг, уже много лет работающих в отеле, некий Гаррисон из Киркука — личность, судя по всему, вполне почтенная, и сиделка из еврейского госпиталя... В принципе, каждый из этих людей мог бы оказаться убийцей..., но мне это представляется мало вероятным.

— Почему?

— Потому что Кармайл был начеку. Он знал, что самое трудное еще впереди, а опасность он всегда чувствовал издалека. Какой-то особый инстинкт предупреждал его. Только не на этот раз.

— Может быть, полицейские?

— Они появились уже после... Вошли с улицы и, конечно, кто-то должен был вызвать их... Убийцей, однако, никто из них быть не может... Кармайл был убит кем-то, кого он хорошо знал, кому доверял... или кого считал не заслуживающим никакого внимания. Если бы я только знал, какую из этих гипотез выбрать!

Добраться до Багдада, разыскать Эдварда, проникнуть в секреты «Оливковой ветви» — великолепная, наполняющая энтузиазмом программа. Однако теперь, когда две наиболее интересные, с точки зрения Виктории, цели были достигнуты, энтузиазм несколько спал и, когда ей изредка случалось задуматься, в голову приходила мысль: какого дьявола ей, собственно, нужно на этом Востоке? Эдвард? Увидев его наконец-то вновь, Виктория готова была прыгать от радости, теперь, однако, ощущение счастья приобрело более спокойный характер. Она любила Эдварда, Эдвард любил ее, они работали под одной крышей..., но, если вдуматься, что им тут нужно и чего они хотят добиться?

Трудно сказать каким образом, но Эдварду удалось пристроить ее в «Оливковую ветвь», правда, не на слишком щедро оплачиваемую должность. Большую часть времени Виктория проводила в комнатке, где даже днем приходилось включать электрическое освещение, с равным безразличием отстукивая на разболтанной пишущей машинке письма, манифесты и коммюнике, посвященные разнообразной деятельности «Оливковой ветви» Эдвард полагал, что с этой организацией не все чисто, и Дейкин, похоже, разделял это мнение, задачей же Виктории было устоять — есть ли для этого какие — либо основания. Она с радостью обнаружила бы что-нибудь, но ничего не находилось и, насколько она могла судить, потому, что находить было нечего. «Оливковая ветвь» занималась только тем, что

устанавливала мир между народами. Если не считать болтовни, деятельность сводилась к устройству вечеров, на которых пили один лишь апельсиновый сок, закусывая бутербродами с овощами, дешевыми и чертовски невкусными. Ни интриг, ни заговоров. Все это выглядело отчаянно скучно и абсолютно невинно. Молодые люди разного цвета кожи либо пытались ухаживать за вежливо отваживавшей их Викторией, либо давали читать ей книги, от которых девушку начинало сразу клонить ко сну. Из «Тию» Виктория переехала в небольшой пансионат на левом берегу Тигра, где жили многие из работавших вместе с ней девушек и, между прочим, Катрин. У Виктории сложилось впечатление, что Катрин косо поглядывает на нее — то ли потому, что подозревает в ней шпионку, то ли потому, что ревнует. Вторая гипотеза выглядела гораздо более правдоподобной. То, что устроиться Виктории помог именно Эдвард, ни для кого не составляло тайны и было не по душе не одной лишь Катрин.

Вообще Виктория вынуждена была с огорчением признать, что ее дорогой Эдвард чересчур красив. В «Оливковой ветви» все девушки были без ума от него, тем более, что и сам он был очень мил со всеми. Договорившись с Викторией не афишировать на людях свои чувства, Эдвард держался с ней так же, как и с любой из своих сотрудниц, даже, пожалуй, чуть более сдержанно.

Если деятельность «Оливковой ветви» казалась Виктории совершенно невинной, то сам основатель движения вызывал у нее, напротив, чувство смутного страха. Несколько раз она замечала, как доктор Ратбон задумчиво приглядывался к ней, и от этого невеселого взгляда ей становилось не по себе. Хотелось бы знать, подозревает ли старик, что привело ее в «Оливковую ветвь».

Инструкции, полученные Викторией от Дейкина, выглядели четко и определенно. Одна из них касалась способа, которым Виктория в случае необходимости могла дать знать, что хочет сообщить о чем-то. Дейкин дал ей выцветший розовый носовой платок и если бы возникла необходимость встретиться с ним, Виктории следовало, выйдя на обычную вечернюю прогулку по берегу Тигра, дойти до ведущей к пристани лестницы и нацепить обрывок розового платка на торчащий из стены проржавевший гвоздь. До сих пор, с горечью могла констатировать Виктория, ей не удалось открыть ничего, о чем стоило бы доложить Дейкину. Она просто выполняла работу низкооплачиваемой машинистки, не имея в виде компенсации даже возможности почаще видаться с Эдвардом, то и дело уезжавшим куда-нибудь. Вот и сейчас он только что вернулся из Персии. Во время его отсутствия Виктория столкнулась однажды с Дейкиным, велевшим ей зайти в «Тию» и с просить — не оставила ли она, случайно, жакет в своем прежнем номере. Жакет а, разумеется, не оказался, но подошедший к Виктории Марк пригласил ее пройтись вдоль набережной и «пропустить по стаканчику». По дороге им встретился

Дейкин. Марк пригласил и его присоединиться, а когда выпивка была уже подана, под каким-то предлогом исчез, оставив Викторию и Дейкина наедине. Девушка чуть смущенно призналась, что пока не обнаружила ничего интересного. Дейкин успокоил ее.

— Дитя мое, вы ведь даже не знаете, что, собственно, ищите и можно ли там в ообщее что-нибудь обнаружить. Расскажите мне только, какое впечатление производит на вас «Оливковая ветвь» теперь, когда вы познакомились с ней чуть поближе.

— Скучнее конторы мне видеть не приходилось!

— Скучная, но добропорядочная?

Виктория чуть задумалась, прежде чем ответить:

— Не знаю, — проговорила она наконец. — Все они там какие-то одержимые. Им важно только, чтобы речь шла о «распространении культуры». Вы понимаете, к чему я клоню?

— Если не ошибаюсь, вы хотите сказать, что они даже не задаются вопросом, какими побуждениями руководствуются те, кто стоит во главе их движения? Я уверен, что в большинстве своем это вполне искренние люди. Что кроется, однако, за этим «распространением культуры»?

Виктория честно призналась, что понятия не имеет.

— Думаю только, что за всем этим кроются коммунистические происки. Эдвард того же мнения. Он дал мне почитать Карла Маркса, и я уже пару раз «забывала» книгу на столе, чтобы посмотреть, какой будет реакция...

— И что же?

— Пока никакой.

— А Ратбон? Честный это человек?

И на этот вопрос Виктория не смогла ответить.

— Правду говоря, — продолжал Дейкин, — он единственный, кто меня там интересует! Потому что он нечто представляет собой. Предположим, что коммунистический заговор и впрямь существует. У студентов и всех этих юных революционеров шансы оказаться поблизости от президента практически отсутствуют. При то

й охране, которой он будет окружен, бросить бомбу или выстрелить в него на улице будет невозможно. С Ратбоном дело обстоит, однако, иначе. Это известный ученый, который при желании сможет присутствовать на всех приемах, устраиваемых в честь высоких гостей Багдада. У него будут возможности..., а потому хотелось бы побольше знать о нем.

Виктория, как и Дейкин, была убеждена, что в «Оливковой ветви» интерес для них может представлять только Ратбон. В тот день, когда она познакомилась в Лондоне с Эдвардом, молодой человек заметил, что в делах шефа «не все так уж чисто». Виктория впервые задала себе вопрос: на чем основывалось это мнение? Надо будет выяснить. Нужно узнать, какое событие или случайно оброненное слово пробудило подозрения у Эдварда. Да и самой Виктории надо было поразмыслить, что же так удивило ее, когда она увидела сэра Руперта, сидевшего на солнышке в «Тио». Конечно, она была уверена, что он должен находиться в посольстве, а никак не в «Тио», но причина все-таки была не в этом. У нее тогда возникло очень четкое ощущение того, что какая-то деталь «не клеится». Вот только какая? Следует непременно порыться в памяти. Что касается Эдварда, придется попросить его во всех мелочах припомнить каждую встречу с Ратбоном, чтобы понять, почему же все-таки «Оливковая ветвь» начала казаться ему подозрительной. Правда, когда еще ей удастся поговорить с ним наедине? Эдвард все время в разъездах, так что в последнее время они почти и не видятся... С равным успехом можно было бы и не уезжать из Англии, с грустью подумала Виктория.

Жизнь, однако, очень скоро доказала, что она ошибается.

Однажды утром Эдвард принес ей несколько страничек рукописного текста для перепечатки.

— Доктор Ратбон просит заняться этим немедленно. Обратите особое внимание на вторую страницу... Там масса сложных арабских имен...

Виктория, вздохнув, вставила в машинку бумагу и принялась за работу. Почерк доктора ей удавалось разбирать с превеликим трудом. Закончив первую страницу, Виктория перевернула ее и поняла, что имел в виду Эдвард. К листу была приколота маленькая записка, написанная рукой Эдварда: «Завтра, в одиннадцать утра будьте на берегу Тигра чуть подальше Бейт Малек Али». На следующий день была пятница, выходной. Вновь почувствовав себя вполне счастливой, Виктория решила, что наденет свою лучшую зеленую блузку. И, конечно, надо будет помыть голову.

— Непременно надо, — проговорила она вслух. Катрин, работавшая за соседним

столом, подняла голову?

— О чем это вы?

Виктория, которая успела уже скатать записку Эдварда в крохотный шарик, повернула голову.

— Подумала, что надо бы помыть волосы. Но в здешних парикмахерских так грязно, что я прямо не знаю...

— И грязно и дорого. По счастью, я знаю одно место, где волосы моют отлично и салфетки меняют вовремя. Я свожу вас...

— Большое спасибо, Катрин. Буду очень благодарна.

— Завтра же и ходим.

— Ох, только не завтра!

— Почему?

— Потому что завтра я собираюсь выбраться на прогулку. Обожаю бывать на свежем воздухе... В этих комнатках просто задыхаешься!

— На прогулку? Хотела бы я знать, куда? Разве в Багдаде есть места для прогулок?

— Найду что-нибудь...

— Лучше бы сходили в кино.., или послушали лекцию.

— Нет, мне хочется пройтись. Мы, англичане, любим пешие прогулки.

— Англичане!.. Воображаете себя какой-то высшей расой! А что вы, собственно, представляете собой? Да ничего... Мы здесь плюем на вас!

— Ну-ну! Смотрите, чтобы это не кончилось для вас неприятным сюрпризом!

— А что вы сделаете?

— Попробуйте и тогда увидите!

— И она еще читает Карла Маркса!.. Да вы же неспособны понять его, слишком глупы для этого! Воображаете, будто коммунистическая партия нуждается в вас?

Ни за что на свете! При вашем-то политическом образовании...

— В любом случае, не вижу, почему бы мне не читать Маркса. Он писал как раз для таких, как я, для трудящихся...

— Умру от смеха! Мелкобуржуазный элемент вы, а не, трудящаяся! Вы и на машинке-то печатать как следует не умеете! Посмотрите, сколько вы ошибок наделали!

Виктория гордо выпрямилась.

— Как раз трудящимся можно быть и не зная орфографии, — отрезала она. — А потом, как я могу нормально работать, если вы непрерывно жужжите у меня под ухом?

Виктория вновь накинута на клавиши. Через несколько минут она понесла Ратбону законченную работу. Доктор бросил взгляд на листки, а потом, когда девушка уже собиралась выйти, обратился к ней.

— Вам нравится здесь, Виктория?

— О! Конечно, доктор.

Он пристально посмотрел на нее. Виктория опустила глаза, смущенная этим испытующим взглядом.

— Боюсь, что мы не слишком щедро оплачиваем ваш труд.

— Это не играет роли! Мне по душе моя работа.

— Вот как?

— Да. Здесь я чувствую, что занимаюсь чем-то стоящим...

Виктория уже взяла себя в руки и ясным взглядом смотрела прямо в глаза старику.

— А на жизнь вам... хватает?

— Конечно же! Я совсем недорого снимаю комнату у одной армянской семьи... Вполне хватает.

— Сейчас в Багдаде большой спрос на машинисток, — заметил Ратбон. — Мне кажется, вы легко могли бы найти гораздо более подходящее место.

— Но я не собираюсь менять работу.

— А быть может, разумно было бы это сделать.

— Разумно?

— Вот именно... Само собой, это просто совет... Дружеский совет...

Тем не менее, в тоне доктора был какой-то угрожающий оттенок. Виктория не стала скрывать своего удивления.

— Право же, доктор, я не понимаю...

— Разумно не вмешиваться в то, чего не понимаешь. На этот раз угроза была не двусмысленной.

— Почему вы решили работать здесь? — продолжал Ратбон. — Из-за Эдварда?

Виктория покраснела.

— Нет, конечно!

Старик покачал головой.

— Эдварду еще надо завоевать место в жизни и пройдут годы, прежде чем он сможет что-то сделать для вас. На вашем месте я перестал бы думать о нем. Как я уже сказал, в Багдаде вы без труда найдете хорошо оплачиваемую работу, где у вас будет перспектива..., и где вы будете с людьми своего круга. Подумайте об этом!

Доктор по-прежнему не отрывал взгляда от Виктории.

— Но «Оливковая ветвь» безумно нравится мне! — решительно воскликнула девушка.

Ратбон пожал плечами, и Виктория вышла из его кабинета.

Она не знала, что и думать об этом разговоре. Неужели она каким-то образом пробудила подозрения доктора? Может быть, он догадывается, что она шпионка? Кое-что из сказанного им вызывало такие опасения. Виктория возмутилась, когда доктор намекнул, что в «Оливковую ветвь» она пришла только ради Эдварда. По счастью, протестуя, она залилась краской, словно дурочка. Ратбон не мог этого не заметить и, наверное, пришел к выводу, что именно так дело и обстоит. Это

немного успокоило Викторию.

Тем не менее, в этот вечер уснуть ей удалось с трудом.

Глава семнадцатая

На следующее утро Виктория, предварительно справившись, где находится Бейт Малек Али, старинная королевская резиденция, спустилась к Тигру. Довольно долго она шла вдоль берега мимо великолепных вилл, таких безмолвных, что можно было счесть их нежилыми, миновала затем тенистую пальмовую рощу, узнала по описанию белую громаду Бейт Малек Али и вскоре возле развилки дороги увидела Эдварда, стоявшего у автомобиля какой-то допотопной марки.

— Bravo! — воскликнул он. — Вы не из тех, кто способен заблудиться. Садитесь!

Виктория обрадованно забралась в машину.

— Куда мы поедem?

Водитель — одетый в какое-то отрепье араб, включил двигатель и машина тронулась с места.

— В Вавилон, — ответил Эдвард. — По-моему, мы заслужили право на небольшую экскурсию!

— В Вавилон? — вскрикнула Виктория. — Правда?

Машина, свернув налево, выехала на широкую мощеную дорогу.

— Еще бы! — кивнул Эдвард. — Только не ждите особых чудес! Вавилон теперь не то, чем он был когда-то...

Виктория замурлыкала:

Дай скорее мне ответ —
Вавилон далек иль нет?
Доскачу ли я туда до ночи, брат мой?..

— Эту песенку я пела еще совсем девчонкой, — объяснила она. — Мне и в голову бы не пришло, что когда-нибудь я и впрямь поеду в Вавилон!

— И сумеете до ночи вернуться оттуда! Во всяком случае, я надеюсь на это. В этих краях никогда ничего не знаешь наверняка.

— Судя по виду, машина, действительно, готова в любой момент развалиться на части.

— Не исключено, что так оно и будет! Водитель вновь скрепит все бечевкой, скажет «Иншалла!» и как ни в чем не бывало тронется в путь!

— Что за кошмарная дорога! — выдохнула Виктория между двумя ухабами.

От вполне приличного шоссе осталось только светлое воспоминание. И хотя ширина дороги была такой же, чуть ли не при каждом обороте колес машина, тархтя всем корпусом, вздрагивала на выбоинах.

— Не переживайте! — прокричал Эдвард. — Дальше будет еще хуже!

Машина двигалась в туче никогда, похоже, не оседавшей пыли. Повозки, в которых сидели беззаботные и, судя по реакции, глухие арабы, уступали дорогу только после долгих уговоров. Не спешили свернуть в сторону и ослики, которых вели окруженные стайками ребятишек женщины. Викторию все приводило в восторг — она была вместе с Эдвардом да еще и на пути в Вавилон. Добрались туда они через добрых два часа.

Поначалу Вавилон разочаровал Викторию. Горы обожженных кирпичей и щебня не вызывали у нее никаких эмоций. Она ожидала увидеть колонны и триумфальные арки, что-нибудь напоминающее снимки руин Баальбека, которые она когда-то разглядывала. Ничего похожего!

Понемногу, однако, объяснения гида, которые она до сих пор пропускала мимо ушей, заинтересовали Викторию. Рельефные изображения фантастических животных, величественная дорога, ведущая к воротам богини Иш — тар, и другие следы бывшего величия мертвого ныне города пробудили ее любопытство, и она уже с жадностью выслушивала рассказы о жизни древнего Вавилона. Когда они уселись, чтобы отдать должное предусмотрительно захваченному Эдвардом холодному завтраку, гид скромно удалился, сказав, что через часок вернется, чтобы проводить их в музей.

— Стоит ли ходить туда? — спросила у Эдварда Виктория. — Куча разложенных по полкам вещей с прицепленными к ним этикетками... Я как-то раз была в Британском музее. Вот скучища — то!

— Прошлое всегда нагоняет скуку, — заметил Эдвард. — Будущее намного интереснее.

— Ну, здесь тоже интересно. Чувствуешь, что перед тобой что-то величественное... Помните стихи: «Когда ты был владыкой Вавилона, а я была рабыней — христианкой...»? Кто знает? Быть может этими владыкой и рабыней были как раз мы?

Эдвард засмеялся.

— В истории я не слишком силен, но что-то мне чудится — Вавилона давно уже не было, когда появились первые христиане...

— Ну и что? А вам хотелось бы быть владыкой Вавилона?

— Еще бы!

— Вот и будем считать, что вы им были — только в другом воплощении.

— В те времена владыки властвовали по-настоящему, железной рукой! Зато и мир был на что-то похож...

— Вот только не знаю, — задумчиво протянула Виктория, — захотела бы я стать рабыней, все равно христианкой или нет...

Эдвард тоже продолжал думать о своем.

— Милтон был прав, сказав: «Лучше быть владыкой Ада, чем служить в Раю». Я всегда восхищался его Сатаной.

Виктория призналась, что Милтона читать ей почти не приходилось.

— Зато, — добавила она, — я видела в театре одну, по-моему, его пьесу. Марго Фонтейн играла просто изумительно...

— Если бы вы были рабыней, Виктория, я дал бы вам свободу и увел в свой гарем... Куда-нибудь туда...

Он показал на развалины. В глазах Виктории вспыхнул ехидный огонек.

— Что касается гарема...

Эдвард не дал ей закончить.

— Как вы ладите с Катрин?

— Откуда вы знаете, что я подумала именно о ней?

— Но ведь не ошибся же!.. Я хотел бы, чтобы вы подружились.

— Станный народ мужчины! Почему, черт возьми, вы воображаете, что все ваши знакомые девушки должны быть подругами?

— Вы меня не правильно поняли, Виктория. Во-первых, намеки на гарем просто мешон...

— Вовсе нет! В «Оливковой ветви» все они так и бегают за вами. Меня это доводит до бешенства!

— Вам очень к лицу, когда вы сердитесь, — засмеялся Эдвард. — Вернемся, однако, к Катрин! Хорошие отношения между вами я хотел бы видеть только потому, что, на мой взгляд, найти то, что мы ищем, удастся именно через нее. Она знает что-то...

— Вы думаете?

— Вспомните, что имя Анны Шееле я услышал как раз от нее.

Но и не более того.

Ну, а как с Карлом Марксом?.. Дало это что-нибудь?

— Пока ни в какую партию вступить меня никто не уговаривает. Катрин заявила, кстати, что коммунисты не нуждаются в людях с таким, как у меня политическим образованием... Беда в том, что во всех этих книжках я совершенно ничего не понимаю! Слишком глупа, наверное...

Эдвард расхохотался.

— Бедная девочка!.. Утешьтесь! Катрин, быть может, очень умна и политически образованна, но мне гораздо больше нравится маленькая лондонская машинистка, даже если она делает по паре ошибок в каждом слове!

Виктория нахмурилась. Шутка Эдварда напомнила ей о недавнем разговоре с доктором Ратбоном. Выслушав рассказ о нем, Эдвард встревожился гораздо больше, чем она ожидала.

— Это серьезно, Виктория, очень серьезно!.. Что в точности он сказал вам?

Виктория постаралась по возможности буквально повторить все, сказанное Ратбоном.

— Не понимаю только, — добавила она, — почему это так вас беспокоило!

— Не понимаете?.. Но, девочка моя, разве это не доказывает, что Ратбон нас сквозь видит вас? Он предупредил вас... Мне это не нравится, Виктория... Совсем не нравится!.. Эти люди ни перед чем не остановятся..., а мне вовсе не хочется услышать однажды, что ваш труп выловили из Тигра!

Виктория слушала, опустив веки и думала: «Я сижу среди руин Вавилона и веду разговор о том, что в ближайшее время мои труп могут выловить из Тигра. Разумеется, это сон. Я в Лондоне, сейчас я проснусь, меня вызовут к мистеру Грингольцу и станет ясно, что Эдвард — всего лишь плод моего воображения...».

Она открыла глаза. Нет, это был не сон. Жгучее солнце, какого никогда не бывает в Лондоне, освещало развалины Вавилона. Эдвард сидел рядом, глядя куда-то в сторону. Красивые у него волосы, только на затылке надо бы их сделать немного короче... Но и затылок тоже очень красивый... Покрытый ровным загаром, без всех тех прыщиков, которые так часто появляются у мужчин, когда им приходится и в жару ходить с тугим воротничком. Совсем не такой, как, к примеру, у сэра Руперта с его чирием...

Виктория вскрикнула. Эдвард повернул голову.

— Что случилось?

— Я вспомнила... Насчет сэра Руперта...

Эдвард глядел на нее, явно ожидая более подробных объяснений, и Виктория дала их.

— У него на затылке был чирей.

— Да?

— Да. В самолете я сидела как раз позади и отлично видела его.

— Ну и что? Болезненная штука, но, в конце концов...

— Да не в этом дело! Утром, когда я увидела сэра Руперта на террасе, чирья не было!

— И что же?

— Ну поразмыслите же, Эдвард! В самолете чирей был, в «Тио» его уже больше не было!

— Чирей прорвал, вот и все!

— Да нет же! Он только созрел..., и в любом случае должен был остаться хоть какой-то след... А там ничего не было... Человек, которого я тогда видела в «Тио», не был сэром Рупертом!

Эдвард ошеломленно смотрел на девушку.

— Послушайте, Виктория, вы что-то слишком уже... Разумеется, это был сэр Руперт. Вы же сами узнали его...

— То есть мне показалось, что я его узнала... Я узнала только его шляпу, костюм, осанку...

— Но ведь в посольстве должны были его знать!

— В посольстве? Он был не в посольстве, он был в «Тио». Посол сейчас в Лондоне, и в аэропорту его встречал какой-то атташе. К тому же, сэр Руперт столько путешествовал и так редко бывал в Англии...

— Однако, чего ради...

— Чего ради? Из-за Кармайкла, который должен был рассказать ему о результатах своей экспедиции. Раньше они никогда не встречались, так что Кармайкл не мог знать, кто стоит перед ним и не почувствовал опасности. Ясно, что Кармайкл убил именно мнимый сэр Руперт! Для меня это совершенно очевидно!

— А я уверен, что вы заблуждаетесь, Виктория! Не забывайте, что сэр Руперт погиб уже после всего этого и к тому же в Каире!

— Конечно же, в Каире. Сейчас я уже все понимаю... Это ужасно, Эдвард, можно сказать, присутствовала при этом...

— По-моему, мы оба начинаем сходить с ума!

— Ничуть! Слушайте, Эдвард. Это случилось в каирском аэропорту. В мою дверь постучали... Вернее, так мне показалось... На самом деле постучали рядом, в дверь сэра Руперта. Стюардесса попросила его зайти в конт — рольнѐ бюро, доб

авив, что оно расположено совсем рядом, в том же коридоре... Почти сразу после этого я вышла из своей комнаты. Я, действительно, прошла мимо двери с табличкой «Контрольное бюро». Как раз в этот момент дверь отворилась, и оттуда вышел сэр Руперт. Теперь-то я понимаю, что это был уже другой человек. Убийцы, поджидавшие в мнимом бюро, оглушили сэра Руперта, и вышел из комнаты уже тот, кто должен был дальше выступать в его роли. Думаю, что сэра Руперта не убили сразу же, а усыпили наркотиками и держали под замком до тех пор, пока его двойник не вернулся из Багдада.

— Ваша гипотеза звучит здорово, но, честно говоря, совершенно не правдоподобна. У вас нет никаких доказательств...

— Чирей...

— Ну, чирей...

— Есть и еще кое-что...

— Что же именно?

— Табличка на двери, прежде всего. Вечером ее уже не было, и я хорошо помню, что была страшно удивлена, обнаружив, что бюро находится совсем в другом крыле здания. И это еще не все! Есть еще та стюардесса. Я еще раз видела ее... В Багдаде и, более того, в «Оливковой ветви». Когда я была там в первый раз... Она появилась, видимо, пока я была у Ратбона, и когда я вышла, разговаривала с Катрин. Мне сразу же показалось, что я уже где-то встречалась с ней.

Немного помолчав, Виктория подвела черту:

— Нет, Эдвард, поверьте мне, это не сон! Эдвард покачал головой.

— В любом случае, — проговорил он, — мы непрерывно возвращаемся к «Оливковой ветви» и Катрин. Это означает, что вам вдвойне необходимо подружиться с ней. Обхаживайте ее, льстите ей, притворитесь ее единомышленницей, уступайте ей во всем, но постарайтесь узнать, с кем она встречается и кто ее друзья!

— Не так-то это будет просто, но попробую. А Дей — кин? Рассказать ему обо всем?

— Конечно! Хотя несколько дней стоит, пожалуй, подождать. Не исключено, что нам удастся узнать что-нибудь более конкретное...

Глубоко вздохнув, Эдвард добавил:

— Сегодня вечером поведу Катрин в «Селект»...

По тону, каким это было сказано, ясно было, что никакого удовольствия от этого мероприятия молодой человек не ожидает. На этот раз ревности Виктория не почувствовала.

Сделанные открытия доставили Виктории такое удов: летворение, что на следующий день ей не пришлось даже насилловать себя, чтобы держаться с Катрин как нельзя более дружески. Виктория еще раз поблагодарила ее за предложение показать салон, где можно прилично помыть голову с шампунем. В том, что Виктории это и впрямь необходимо, сомнений не было — из Вавилона она вернулась с волосами странного ржаво — песочного цвета.

— Судя по волосам, — заметила Катрин, — вы вчера попали в пыльную бурю.

— Я наняла машину и съездила в Вавилон, — ответила Виктория. — Пыли по дороге было столько, что я боялась задохнуться и ослепнуть.

— Вавилон — место исключительно интересное, — сказала Катрин. — Только ехать туда надо с кем-то, кто чувствует красоту и способен помочь вам оценить ее. Ну, а что касается волос, я сегодня же вечером поведу вас к той армянке. Шампунь у нее превосходный, и дело свое она знает отлично...

— Я всегда восхищаюсь вашими волосами! — заявила Виктория. — Не понимаю, как вам это удается, но выглядят они у вас всегда просто изумительно!

Это было наглой ложью, но Катрин пришла от нее в восторг. Эдвард прав, подумала Виктория. Лесть, что ни говори, штука полезная.

Когда рабочий день закончился, Катрин и Виктория вышли из «Оливковой ветви» вместе, словно две закадычные подруги. Они долго шли по лабиринту похожих друг на друга, как близнецы, улочек, пока не остановились перед дверью, над которой, как ни странно, не было никакой вывески, свидетельствовавшей, что здесь находится парикмахерский салон. Зато Виктория была приятно удивлена, когда говорившая, хотя и не слишком бегло, по-английски хозяйка, мадемуазель Анкумян, провела ее внутрь. Все сияло чистотой, краны были начищены до блеска, а на полках ровными рядами выстроились флаконы с одеколонами и лосьонами разных сортов. Катрин вышла, и Виктория доверила свои волосы опытным рука

м мадемуазель Анкумян. Через несколько мгновений шевелюра девушки покрылась белой, душистой пеной.

— А теперь наклонитесь немного, пожалуйста... Виктория наклонила голову, на которую из крана хлынул поток теплой воды.

Внезапно она почувствовала сладковатый, тошнотворный запах, ассоциировавшийся у нее с воспоминаниями о госпитале. Почти тотчас же чья-то рука прижала влажный тампон к ее лицу. Виктория отбивалась, пытаясь высвободиться. Бесполезно! Рука, удерживавшая тампон, казалась железной... Виктория чувствовала, что задыхается, ее глаза выкатились из орбит...

Через мгновение она потеряла сознание.

Глава восемнадцатая

Когда Виктория пришла в себя, к ней вернулись воспоминания — неясные и смутные. Она туманно припомнила, что ее везли в машине, где были люди, разговаривавшие между собой по-арабски. Ее тошнило... Потом ее уложили на постель, кто-то поднял ее руку, в которую тут же вонзилась игла... И вновь все погрузилось во тьму.

Теперь она снова, хоть в какой-то степени, была прежней Викторией Джонс... Только что же с этой бедной Викторией Джонс случилось? Надо постараться вспомнить... Вавилон, солнце, пыльные волосы, Катрин с притворно дружелюбным видом провожающая ее к той армянке. Отвратительный запах..., хлороформ, вне всяких сомнений. А что потом? Ее похитили, это ясно, но где же она все-таки сейчас находится?

Виктория попыталась присесть. Голова раскалывалась от боли, все плыло перед глазами. Наверняка, ей сделали укол какого-то наркотика, действие которого еще не совсем прошло...

Во всяком случае, ее не убили. Это уже что-то. Надо бы попытаться разобраться в случившемся, но для этого она чувствовала себя еще слишком слабой. Лучше еще немного поспать, что Виктория и сделала. Когда она проснулась, заметно уже оправившись, день был в полном разгаре. Виктория находилась в небольшой высокой комнате с глинобитным полом. Вся мебель составляли кровать и кособокий стол со старым эмалированным тазиком на нем, рядом со столом стояло

цинковое ведро. Окно, прикрытое деревянной решеткой, позволяло, тем не менее, бросить взгляд наружу. Виктория подошла к окну. Внизу виднелись пальмы, покрытые пылью листья эвкалиптов, густые кусты тамариска, ярко — оранжевые ноготки, короче говоря, садик, вероятно, милый сердцу человека Востока, но не слишком радующий взгляд уроженца предместий Лондона. Девочка с синей татуировкой на лице и множеством браслетов на руках играла с мячом, что-то напевая гортанным голосом, похожим на звуки шотландской волынки.

Виктория подошла к двери, убедилась, что она заперта, и вновь присела на кровать.

Где она находится? Ясно только одно — не в Багдаде. Что будет с ней? Еще один вопрос, на который невозможно ответить. Дейкин, вспомнила Виктория, посоветовал ей «не строить из себя героиню». Помимо воли, Виктория улыбнулась. Надо полагать, она давно уже рассказала все, что знала, под действием наркотика...

Утешало одно: все-таки она жива. Надо только продержаться до появления Эдварда. Что сделает Эдвард, узнав об исчезновении Виктории? Бросится к Дейкину или начнет действовать в одиночку? Заподозрит ли он Катрин? Трудно сказать... По сути дела, теперь все зависит от сообразительности Эдварда. Он мил, симпатичен, обаятелен, но умен ли? Очень хотелось бы быть уверенной в этом...

Дейкин неоспоримо умен, но предпримет ли он что-нибудь? В это Виктории верилось с трудом. Кто она такая для него? Агент, такой же, как сотни других. Они рискуют, надеясь на удачу, а если не повезет — тем хуже для них! Их имена вычеркивают из списков и подыскивают замену. Нет, Дейкин предпринимать ничего не станет. В конце концов, он предупреждал Викторию...

И не он один! Доктор Ратбон тоже предупреждал ее. Или, может быть, угрожал ей... Какая, впрочем, разница, предупреждал или угрожал! События не замедлили доказать его правоту...

Виктория услышала звук шагов, в ржавом дверном замке — со скрипом повернулся ключ, и на пороге появился араб с тяжелым подносом. Вид у него был добродушный, и поднос он поставил на стол с широкой улыбкой, произнеся по-арабски несколько фраз, из которых Виктория не поняла ни слова. Араб проговорил еще несколько слов, дополнив их выразительным жестом, в любом уголке мира означавшим предложение перекусить, а затем вышел, тщательно заперев за собой дверь.

Виктория с интересом осмотрела принесенную еду. Миска с рисом, что-то, смахи

вающее на свернутые капустные листья, солидный ломоть лепешки и кувшин со свежей водой. Утолив, прежде всего, жажду, Виктория набросилась на рис и капусту, в которой оказалась начинка с довольно своеобразным, но вполне приятным вкусом.

Поев, Виктория почувствовала себя гораздо лучше и решила, что пришла пора по-настоящему серьезно обдумать все. Ее усыпили и похитили. Когда это случилось? Вечером, конечно, но вот сколько дней прошло с того времени? Два или три, наверняка, но, вполне может быть, и больше...

Где она? Опять — таки, полная загадка. Очевидно, не в Багдаде, но где? Как это выяснить? Особенно, если учесть, что по-арабски она не знает и десятка слов...

Несколько часов Виктория провела в невеселых раздумьях, прежде чем ее тюремщик появился опять с новым подносом. Две женщины в чадрах, сопровождавшие его, остановились у порога, обмениваясь замечаниями и то и дело хихикая. Мужчина жестом приказал им удалиться, поставил принесенный поднос и, забрав старый, направился к двери. Прежде, однако, чем затворить ее, он повернулся к Виктории и трижды повторил:

— Букра..., букра..., букра...

Это слово Виктория знала. Оно означает «завтра». Завтра, следовательно, что-то произойдет. Что, однако? Виктория видела только две возможности: придет конец либо ее плену..., либо ей самой! А это означает, решила она, что в ее интересах быть «завтра» где угодно, только не здесь...

Только как осуществить это? Она задумалась над этим по-настоящему. Подошла к двери. Нет, тут и пробовать нечего. Замок был не из тех, которые можно открыть шпилькой для волос. — Виктория, впрочем, отдавала себе отчет в том, что другой замок шпилькой она тоже открыть не сумела бы...

Окно? Полугнилая решетка не выглядела таким уж непреодолимым препятствием, но потом пришлось бы прыгать с высоты трех, а то и четырех метров. Вывих или перелом почти гарантированы. В романах узник, попав в подобную ситуацию, обычно изготавливает себе веревочную лестницу. Бросив, однако, взгляд на постель, Виктория сразу поняла, что изготовленная из такой жалкой простыни лестница сможет выдержать разве что кошку.

— Вот черт! — громко выругалась Виктория. Бежать, тем не менее, все-таки надо. Ее тюремщики выглядели людьми простыми, неспособными даже представить, что так надежно запертый человек решится на попытку побега. По-настоящему оп

асного врага, похитившего ее, здесь нет — он, несомненно, появится только «бу кра»..., завтра.

— Стало быть, — пробормотала Виктория, — уходить надо сегодня. Для начала перекусим!

Закуска и на этот раз оказалась прекрасной: рис, несколько кусков мяса в пряном соусе и апельсины. Решив под конец выпить воды, Виктория чуть не опрокинула кувшин и, инстинктивно подхватив его, заметила, что на том месте, куда пролилась вода, тут же образовалось раскисшее пятно грязи. Идея пришла в голову сама собой.

— Все зависит от ключа, — вполголоса пробормотала Виктория. — Если он остался в замке, надежда есть.

Время шло к вечеру. Виктория заглянула в замочную скважину и ничего не увидела. Прекрасно! Ключ, следовательно, в замке. Надо только вытолкнуть его. Для этого отлично подошли бы карандаш или авторучка, но их не было, а ложка в скважину явно не войдет. К счастью, Виктория вспомнила о своих туфлях и, сняв одну из них, вынула стельку. Свернув ее в тонкую трубочку, она принялась за дело. Ковыряться в скважине пришлось несколько минут, но в конце концов результат был достигнут: ключ с чуть слышным стуком упал на землю.

— А теперь, — проговорила вслух, сама того не замечая, Виктория, — надо спешить! Через четверть часа совсем стемнеет...

Взяв кувшин, она начала поливать землю перед дверью, выгребая глину ложкой. Дело шло не слишком быстро и кувшин почти опустел, когда Виктории удалось наконец, закатав рукав до локтя, просунуть руку под дверь. Ключ был там, но ухватить его Виктория все еще не могла. Спасла ее английская булавка, которой Виктория как-то наспех закрепила оборвавшееся плечико сорочки. Из булавки получился отличный крючок, и через несколько секунд ключ был уже в руках у Виктории. Все еще продолжая стоять на коленях, она потратила с полминуты на размышления о том, какая она все-таки «замечательная девчонка», а затем поднялась и вставила ключ в скважину. Несколько мгновений Виктория стояла, прислушиваясь. Тишину нарушал только лай собак. Виктория знала, что он не утихнет до самого рассвета. Повернув ключ, она приоткрыла дверь и осторожно выглянула в щель. Она увидела небольшую комнату, в глубине которой виднелась открытая дверь. Виктория на цыпочках подошла к ней. За дверью была лестница, ведущая в сад.

Теперь Виктория знала уже вполне достаточно. Сейчас она вернется в свою «тю

рму», где сегодня вечером ее, по всей вероятности, никто уже не потревожит, подождет ночи и, когда все уснут, потихоньку скроется. Удача была явно на ее стороне: у двери Виктория заметила брошенную на землю старую галабею — длинную арабскую рубашку, вполне пригодную для того, чтобы скрыть ее европейский костюм.

Виктория ждала долго и терпеливо. Наконец наступил момент, когда воцарилась почти полная тишина, которую нарушали лишь собачий вой да монотонная, тягучая арабская мелодия от старого граммофона. Виктории почудилось, что она слышала лай шакала.

— Ну, что же, — пробормотала девушка. — Вперед!

Она вышла, заперев за собой дверь и оставив ключ в замке, осторожно пересекла соседнюю комнату, прихватив по дороге старую галабею, и оказалась на лестнице.

Луна уже появилась на небе, хотя и стояла еще совсем невысоко. Спустившись на несколько ступенек, Виктория остановилась. Рядом с ней находилась толстая саманная стена, окружавшая садик. Нужно было выбирать: либо спуститься до конца лестницы и пройти мимо дома, из которого слышался громкий храп, либо пройти по гребню стены. Виктория выбрала стену. Через несколько секунд она с прыгнула на узенькую улочку и со всех ног бросилась бежать.

На первом же перекрестке Виктория без колебания свернула в сторону. Эта улица, по-видимому, главная улица деревни, была заметно шире. Дома, невысокие и притихшие, были похожи друг на друга. Виктория добежала до мостика через какой-то мутный поток, а затем долго шла, пока совсем не выбилась из сил.

Деревня осталась далеко позади. Поднявшаяся уже достаточно высоко луна освещала угрюмый пейзаж каменистой пустыни. Перед Викторией было какое-то подобие тропы, но она понятия не имела, куда эта тропа ведет, а ее познания в астрономии не хватало даже для того, чтобы определить стороны света. Отдышавшись, она глубоко вздохнула и зашагала вперед.

К рассвету она уже еле держалась на ногах. Свернув с тропы, Виктория поднялась на небольшой холм, чтобы оглядеться вокруг. Зрелище было неутешительным. Слева и справа, спереди и сзади — ничего, кроме пустыни. Пейзаж залитых нежным светом зари барханов с лиловыми, сиреневыми и синеватыми тенями на склонах выглядел великолепно. Великолепно, но и страшно. Нигде никаких признаков жизни. Ни единого живого существа!

Где та деревня, откуда она бежала? В обе стороны видна была только уходившая в бесконечность тропа. Неужели она ушла так далеко? Охваченная страхом, Виктория готова была броситься назад. Увидеть, хоть какое-нибудь человеческое существо.

Виктория взяла себя в руки. Она хотела бежать, это ей удалось, но нечего вообразать, будто с той историей все покончено, только потому, что ей удалось на несколько миль уйти от своих тюремщиков. Для машины это не расстояние, а поиски, надо полагать, начнутся, как только будет обнаружено ее исчезновение. Надо спрятаться. Вот только как? Виктория завернулась поплотнее в черную галабею, которую до сих пор несла в руке, и закрыла лицо чадрой. Затем она сбросила туфли и чулки. Босая, в потрепанной одежде и чадре, арабская женщина. Никто из местных жителей не взглянет на нее. Но будут ли те, кто ее разыскивает, арабами или европейцами? Европейцев таким маскарадом не обманешь...

Слишком усталая для того, чтобы снова тронуться в путь, Виктория решила, что самое разумное — немного отдохнуть. С холма, на котором она находилась, можно было, укрывшись в чахлах кустах, наблюдать за окрестностями. Если в поле зрения появится автомобиль, она увидит его и тогда уже решит, что предпринять. Вернуться в ее мир могут помочь ей только европейцы, но надо иметь гарантию, что эти европейцы не из тех, кто хочет ей зла. А как это узнать на расстоянии?

Продолжая размышлять над этим, Виктория уснула. Когда она проснулась солнце было в зените. Руки и ноги затекли, голова была словно в тумане, отчаянно мучила жажда. Виктория облизнула шершавым языком пересохшие губы, и в этот момент до нее донесся слабый, но отчетливый звук мотора. Она осторожно подняла голову. Машина ехала с противоположной от деревни стороны. Следовательно, это не ее преследователи.

Машина выглядевшая еще только маленькой черной точкой, скрылась во впадине между холмами, но вскоре появилась вновь. За рулем был араб, рядом с ним сидел европеец.

Что делать? Виктория колебалась. Бежать навстречу этим людям, которые быть может, спасут ее жизнь? Да, но если это враги... Чего ради машина появилась на этой безлюдной тропе?.. Не двигаться — значит почти наверняка погибнуть от голода и жажды... Подав же знак, она, быть может, выдаст себя врагу.

Виктория не успела еще принять решение, когда машина, круто свернув с тропы, направилась в сторону холма, на котором она пряталась. Ее обнаружили!

Виктория неподвижно застыла, прижавшись к земле. Гул мотора умолк, хлопнула дверца. Кто-то произнес несколько слов по-арабски, а затем вновь тишина. Рискнув приподнять голову, Виктория увидела европейца, поднимавшегося по склону. Время от времени он наклонялся, чтобы поднять что-то с земли. Виктория, судя по всему, ничуть не интересовала его. Плюс ко всему, это, несомненно, был англичанин. Облегченно вздохнув, Виктория поднялась на ноги и пошла ему навстречу. Прежде, чем он ее заметил, она обратилась к нему:

— Если бы вы знали, как я счастлива, что вы оказались здесь!

Он удивленно поднял голову.

— Какого дьявола вы тут?... Однако... вы англичанка?

Виктория, расхохотавшись, сбросила галабею.

— Конечно!.. Не могли бы вы подвезти меня в Багдад?

— Не по дороге. Я еду оттуда. Однако что, черт возьми, вы делаете здесь, посреди пустыни?

— Меня похитили, — ответила Виктория, а затем одним духом выпалила:

— Я пошла помыть голову, меня усыпили хлороформом, а, придя в себя, я оказалась под замком в деревне, расположенной где-то в той стороне...

Она указала направление.

— Мандали?

— Вполне возможно! Вчера вечером я бежала, шла всю ночь..., а спряталась потому, что не знала — враг вы или нет...

Мужчина слушал без всякой видимой реакции. Это был высокий блондин лет тридцати пяти, не больше. Вынув из кармана лорнет, поднес его к глазам и с явно неодобрительным видом оглядел Викторию с головы до ног. Было совершенно очевидно, что он не поверил ни единому ее слову. Поняв это, Виктория разъяренно бросила:

— Это правда, чистая правда!

Недоверия во взгляде мужчины, пожалуй, только прибавилось.

— Крайне любопытно! — произнес он флегматично. Виктория почувствовала, что

приходит в отчаяние.

Почему, когда она выдумывает, никому и в голову не приходит заподозрить ее во лжи, а когда говорит правду, никто не верит ей?

— Как бы то ни было, — проговорила она наконец, — я совершенно точно умру от жажды, если вы оставите меня здесь и не дадите мне напиться?

— Об этом и речь идет, — все так же спокойно ответил незнакомец. — Англичанке никак не пристало разгуливать одной по пустыне. У вас совсем пересохла губы... Абдул!

— Да, сагиб?

Водитель машины подошел ближе. Выслушав отданный по-арабски приказ, он побежал к автомобилю и через мгновение вернулся с термосом и пластмассовым стаканчиком. Виктория жадно выпила несколько глотков воды.

— Вот так-то лучше! — проговорила она наконец. Англичанин счел, что пора представиться.

— Мое имя — Ричард Бейкер.

— А я — Виктория Джонс...

Решив добиться от своего спасителя чего-то большего, чем снисходительное внимание, она уточнила:

— Виктория Понсфут Джонс... Я приехала к своему дяде, доктору Понсфуту Джонсу, который ведет здесь раскопки.

— Какое удивительное совпадение! — воскликнул Бейкер, с возродившимся удивлением глядя на девушку. — Я как раз еду к нему. Это всего в пятнадцати милях отсюда. И надо же, что бы именно я пришел вам на помощь!

У Виктории буквально отнялся язык. Не проронив ни слова, она последовала за Ричардом и забралась в машину.

— Вы антрополог, наверное, — проговорил он, устраиваясь на сидении. — Я слышал, что вы должны приехать, но не думал, что это будет в самом начале сезона...

Вынув из кармана несколько находок, сделанных на склоне холма, Бейкер осмот

рел их и заметил:

— Симпатичный «телль», как тут называют такие холмы, но ничего особенного о нем, определенно, не скрывает... Из ассирийских древностей, во всяком случае.

Улыбнувшись, Бейкер добавил:

— Рад, что вопреки всем вашим заботам инстинкт ученого подтолкнул вас осмотреть именно этот телль...

Виктория открыла было рот, но так и не произнесла ни слова. Водитель включил двигатель.

Виктория продолжала сидеть молча. А что говорить? Разумеется, как только они присоединятся к экспедиции, ей придется сознаться в своей выдумке. Пока лучше, однако, не спешить с признаниями. Этот Ричард Бейкер способен еще, чего доброго, оставить ее посреди пустыни! А так, в самом худшем случае, доктор Понсфут Джонс отошлет ее в Багдад. Доктора Виктория никогда не видела, но, даже не будучи с ним знакома, предпочла рассказать обо всем ему, а не Бейкеру, явно не склонному доверять первому встречному и не поверившему ей, даже когда она говорила «чистую правду».

Бейкер, сидевший впереди, рядом с водителем, повернул голову.

— Мы поедем не через Мандали, а свернем с тропы в миле отсюда. В пустыне самое трудное — не потерять ориентацию...

У него самого, судя по указаниям, которые он давал

Абдулу, трудностей это не вызывало. Машина свернула сначала направо, а через некоторое время налево.

— Все правильно, — заметил Бейкер.

Откуда у него эта уверенность? Виктория не могла этого понять, пока сама не начала различать на песке, слабые, полустершиеся отпечатки шин.

— О! — воскликнул вдруг Бейкер. — Вот это вас заинтересует, раз вы новичок в здешних краях!

Он остановил машину. У пересечения двух троп молодой человек заметил двух арабов. Один из них нес короткую деревянную скамейку, а другой — внушительных размеров ящик. Когда Бейкер окликнул их, они радостно поспешили к маш

ине. Предложенные им сигары были приняты также не без удовольствия.

Ричард вновь обернулся к Виктории.

— Вы любите кино?

— Еще бы!

— Тогда вылезайте! Получите немалое удовольствие.

Виктория, не скрывая удивления, выбралась из машины. Арабы тем временем оставили скамейку на песок и установили рядом с нею ящик, в одной из стенок которого были проделаны два отверстия, через которые можно было смотреть в нутрь.

Виктория уселась на скамейке.

— Напоминает те аппараты, которые иногда встречаешь на пляжах! — заметила она. — Знаете? Бросаешь пенни и можешь полюбоваться «Хитростями метрдотеля» или «Дезабилье парижанки»...

— Нечто в этом роде, — кивнул Ричард.

Виктория приблизила глаза к вставленным в отверстия ящика стеклам. Один из арабов начал медленно вращать ручку, а другой стал речитативом выкрикивать какие-то фразы.

— Что он говорит? — спросила Виктория.

— Я буду переводить по ходу дела, — сказал Ричард и начал:

— Приблизьтесь и приготовьтесь насладиться удивительнейшими чудесами, какие только видел мир от древности до наших дней!

Перед глазами Виктории появилось грубо размалеванное изображение негров, занятых на уборке хлопка.

— Так выглядит жизнь в Америке, — продолжал переводить Ричард.

Кадр сменился.

— Супруга великого Шаха Запада...

Это была жена Наполеона III, императрица Евгения, разглаживавшая длинные ло

коны своими точеными пальцами.

Затем со столь же красочными комментариями последовали другие, не менее неожиданные картины: Эйфелева башня, принц Альберт, Дизраэли, норвежские фьорды и, в завершение, конькобежцы на горном катке в Интерлакене.

— Мы показали вам величайшие чудеса мира, — закончил Ричард свой перевод. — Пусть же ваша щедрость окажется достойна этого несравненного зрелища, в котором все было правдой и только правдой!

Виктория поднялась со скамейки.

— Потрясающе! — проговорила она. — Никогда не думала, что увижу нечто подобное

Бейкер щедро расплатился с арабами, затем последовал обмен цветистыми пожеланиями взаимного благополучия и, поблагодарив еще раз, арабы снова двинулись в путь.

— Куда они идут? — спросила Виктория, вновь сев в машину.

— Они бывают повсюду, — ответил Ричард. — Впервые я встретил их в Трансиордании. Они шли со стороны Мертвого моря в Амман. А сейчас они направляются в Кербелу. Как правило они выбирают окольные тропы, заглядывая в самые глухие деревушки.

— Наверное, иногда кто-нибудь соглашается подвезти их?

— Вы рассуждаете на европейский манер, — засмеялся Ричард. — Они не спешат. Здесь время ничего не значит...

— Слыхала об этом, хотя понять все равно не могу!

— Арабы, в свою очередь, не понимают нашей вечной спешки и нетерпеливого стремления поскорее довести дело до конца, они считают крайне невежливой нашу привычку немедленно переходить к сути вопроса. Они предпочитают для начала хотя бы час поговорить о чем-то постороннем..., или даже помолчать!

— Сколько времени терялось бы зря, если бы этому принципу следовали в Лондоне!

— Возможно... Вернемся, однако, к исходной точке — что собственно, такое время? И что означает, «терять время»?

Виктория задумалась было над этой проблемой, но Ричард вскоре оторвал ее от размышлений.

— Скоро будем на месте. А пока посмотрите вон туда, налево... Видите?

— Что это?.. Облака?

— Нет, это горы Курдистана... Покрытые снегом вершины... Они бывают видны только в ясную погоду.

Виктории страстно хотелось, чтобы эта поездка никогда не кончалась. Потом придется ведь встретиться с неведомым доктором Понсфут Джонсом. Он представлялся ей пожилым мужчиной с длинной седой бородой и лохматыми бровями. Конечно, он будет вне себя. Что ж, как бы то ни было, работу она проделала неплохую — теперь ясно, по крайней мере, что из себя представляет Катрин, доктор Ратбон и «Оливковая ветвь».

— Подъезжаем, — проговорил Ричард, показывая рукой на горизонт.

Виктории потребовалось несколько мгновений, чтобы различить холм, на склоне которого виднелась невысокая длинная постройка.

— Наш дом, — объяснил Ричард.

Еще через несколько минут они были на месте. Двое одетых в белое арабов подбежали к машине. Ричард обменялся с ними несколькими фразами, а затем повернулся к Виктории.

— Насколько я могу судить, вас не ждали так рано, но никакого значения это не имеет! Сейчас вам приготовят горячую воду и постель. Полагаю, что вы совсем не против того, чтобы умыться и немного отдохнуть. Доктор Понсфут Джонс в данный момент на раскопках. Я отправляюсь к нему, а Ибрагим займется вами...

Ибрагим, дружелюбно улыбаясь, проводил Викторию в дом. Они миновали большой зал, всю обстановку которого составляли несколько длинных столов и стареньких стульев, прошли затем по огибавшему маленький дворик коридору и оказались в комнатке, освещенной крохотным окошком. Виктория окинула комнату взглядом: кровать, дешевый комод, стул и стол, на котором стояли тазик и кувшин с водой. Ибрагим вышел и через минуту вернулся с большим ведром, полным рыжеватой, но зато горячей воды, и грубым полотенцем. Все с той же широкой улыбкой он вбил в стену гвоздь и повесил на нем небольшое зеркало.

Виктория, заранее наслаждаясь возможностью привести себя наконец в порядок, подошла к зеркалу, чтобы выяснить, «на что она сейчас похожа».

Она увидела свое лицо и ошеломленно замерла, не узнавая себя.

Черты лица были по прежнему ее.

Однако теперь она была платиновой блондинкой.

Глава девятнадцатая

На раскопках работа была в полном разгаре. Спустившись вместе с одним из рабочих в траншею, доктор Понсфут Джонс осторожно орудовал лопатой, освобождая обломок древней стены. Появление младшего коллеги, похоже, не слишком удивило его.

— Вернулся уже, сынок? Не знаю, почему, но я ждал тебя только во вторник...

— Но ведь сегодня и есть вторник!

— Ты уверен?

Не вступая в спор, поскольку подобная деталь явно не представляла для него никакого интереса, доктор продолжал:

— Иди-ка сюда! Хотелось бы знать, что ты об этом думаешь... Всего два метра глубины, а уже появились остатки стен.. И даже, по-моему, со следами росписи. Вот посмотри!

Ричард прыгнул в траншею, и следующие четверть часа разговор двух увлеченных археологов состоял почти из одних научных терминов.

— Между прочим, — вспомнил наконец Ричард, — я привез сюда девушку.

— Девушку? Какую еще девушку?

— Говорит, что она ваша племянница.

— Моя племянница?

Доктор попытался хоть на минуту оторваться мыслями от раскопок, а затем прог

оворил:

— Не припоминаю, чтобы у меня была племянница...

Слишком категоричным тон его не был. Старый ученый не слишком доверял своей памяти. Кто знает, может быть, у него все-таки есть племянница, о которой он как-то позабыл.

— Насколько я понял, — заметил Ричард, — она приехала работать вместе с вами.

Лицо доктора прояснилось.

— Все ясно.. Это, должно быть, Вероника.

— По-моему, она назвала себя Викторией.

— Ну, значит, Виктория! Эмерсон — тот, что из Кембриджа — писал мне о ней. Очень способная, по его словам, девушка, увлекающаяся антропологией. Не понимаю, между нами, как можно увлечься этой наукой!

— Та самая специалистка по антропологии, которую вы ожидали?

— Ну да, только приехала она чуть рановато. Пока что у нас для нее ничего нет. Мне казалось, что она должна приехать только через пару недель, но письмо я прочел наспех.., а потом куда-то сунул его, так что, честно говоря, не очень помню, что там в точности было сказано. По-моему, она должна была выехать вместе с моей женой, а та приезжает через неделю.., или через две, может быть... Никогда не будет, кстати, и ее письмо найти... Короче говоря, я был уверен, что Вероника придет вместе с ней, но, вполне возможно, что-то перепутал... Как бы то ни было, чем ей пока заняться, мы найдем. Поможет разбирать находки...

— Эта девушка, — поинтересовался Ричард, — случайно.., не с причудами?

Понсфут Джонс нахмурился.

— С причудами?.. В каком смысле?

— Ну.., не было у нее нервной депрессии или еще чего-нибудь в этом роде?

— Эмерсон писал, что она очень много работала, готовясь к экзаменам, но насчет какого-то нервного расстройства речи, насколько я припоминаю, не было... А почему ты об этом спрашиваешь?

— Господи, да потому что я подобрал ее рядом с тропой; прямо посреди пустыни. Она была там совсем одна. Как раз у того небольшого телля, который вы осматривали в прошлом году...

— Ну как же, помню. Я нашел там осколок вазы, изготовленной явно в Нузи, хотя в этом районе никак нельзя было ожидать...

Ричард, избегая археологической дискуссии, поспешил вернуться к интересовавшей его теме.

— Она рассказала мне невероятную историю. Сказала, что отправилась помыть голову, а ее усыпили, похитили и увезли в Мандали, где держали под замком, пока среди ночи ей не удалось бежать. Более нелепой сказки я никогда не слышал!

Доктор кивнул.

— Звучит и впрямь не правдоподобно. В стране царит спокойствие, полиция знает свое дело. В этих местах, пожалуй, никогда раньше не было так безопасно...

— Вполне с вами согласен. Как раз потому, что все эти приключения, разумеется, чистая выдумка, меня и беспокоит — не принадлежит ли эта юная особа к тем, кто, как говорится, доставляет беспокойство окружающим. Если она из породы девиц, воображающих будто исповедник сгорает от любви к ним, а врач покушается на их невинность, нам не обойтись без хлопот!

— Ничего, — с оптимизмом ответил доктор, — это у нее пройдет. Где она сейчас?

— Приводит себя в порядок. — Чуть поколебавшись, Ричард добавил:

— Она прибыла без всякого багажа.

— Да ну?... Уж не рассчитывает ли она, что я уступлю ей свою пижаму? У меня их всего две..., и то одна мало чего стоит! Странные все-таки существа современные девушки!

Рабочие начали складывать свои инструменты.

— Уже перерыв? — удивился доктор. — Впрочем, вполне возможно... Пойдемте, стало быть, завтракать!

Когда Виктория, отчаянно нервничая, встретила наконец с доктором Понсфут Джонсом, она обнаружила, что он совсем не такой, как она ожидала. Невысокий кругленький мужчина с большой лысиной и морщинками в уголках глаз. К великому изумлению девушки, он направился к ней с протянутыми руками.

— Добрый день, Вероника.., пардон, Виктория! Рад видеть вас... Для меня ваш приезд — небольшой сюрприз... Я почему-то вбил себе в голову, что вы прибудете только в следующем месяце. Тем более, очень рад, что вы уже здесь! Как поживает Эмерсон? Астма не слишком его мучает?

Виктории удалось произнести «нет, не очень» почти не дрожащим голосом.

— Слишком он горло кутает, — продолжал доктор. — Всегда говорил ему, что это грубая ошибка. Университетские профессора слишком уж пекутся о своем здоровье, а единственное средство его сберечь — это не трястись над ним!.. Поговорим, однако, о ваших делах! Начинайте понемногу обживаться здесь... Моя жена будет здесь через неделю.., или через две, может быть... Обязательно надо будет отыскать ее письмо! Ричард сказал мне, что у вас пропал весь багаж. Как вы собираетесь устроиться? Раньше, чем через неделю, грузовик в Багдад нам послать вряд ли удастся...

— Ничего страшного. Все будет в порядке!

Доктор негромко рассмеялся.

— Мы с Ричардом мало что можем вам предложить. Зубную щетку — это само собой... У нас их целая дюжина... А что еще? Носки, вата, тальк, и носовые платки.., боюсь, что это, практически, все!

Виктория улыбнулась.

— Не беспокойтесь! Я прекрасно устроюсь...

— И еще одно, — проговорил доктор. — Сразу же должен предупредить, что захоронений пока мы предложить вам не можем. Мы обнаружили очень приличные остатки стен, в некоторых траншеях попадаются гончарные изделия, но костей пока совершенно нет. Все впереди!.. Чем вам заняться, мы в любом случае найдем. Вы умеете фотографировать?

Виктория, обрадованная тем, что может хоть чем-то оказаться полезной, ответила, что умеет и совсем неплохо.

— Отлично! — воскликнул доктор. — Только я, знаете, старомоден и по-прежнему пользуюсь фотопластинками. Что касается темной комнаты, то она не очень удобна и оборудование покажется вам несколько примитивным...

Виктория заявила, что это не имеет ни малейшего значения.

После завтрака Ибрагим проводил ее на склад экспедиции, где она обзавелась зубной щеткой, тюбиком пасты, губкой и коробочкой тальковой пудры.

Вернувшись к себе, Виктория постаралась привести в порядок свои мысли. Вне всяких сомнений, ее приняли за другую, за какую-то Веронику, специалистку по антропологии, прибытия которой ожидал доктор Понсфут Джонс. Честно говоря, Виктория крайне смутно представляла, что такое антропология, и пообещала себе немедленно выяснить это, как только ей под руку подвернется словарь. Эта Вероника должна прибыть не раньше, чем через неделю. Стало быть, Виктории гарантированы по крайней мере семь спокойных дней. До тех пор, пока не удастся уехать в Багдад, придется играть подвернувшуюся ей роль. С доктором Понсфут Джонсом при его столь симпатичной рассеянности все пойдет как по маслу. С Ричардом Бейкером не все так просто! Виктории не нравились ни его снисходительный вид, ни манера смотреть на нее, словно допытываясь, кто же она на самом деле. С ним надо держаться поосмотрительнее. По счастью, проработав какое-то время машинисткой в Лондонском институте, Виктория была поверхностно знакома с профессиональным языком археологов. Надо только осмотрительно пользоваться им, чтобы не «погореть» на первой же серьезной ошибке...

Виктория и впрямь нуждалась в этой неделе передышки, чтобы немного успокоиться и прийти в себя. В «Оливковой ветви», подумала она, задаются, должно быть, вопросом, что же с ней произошло. Ее враги знают, разумеется, о побеге, но почти наверняка потеряли ее след. Машина Ричарда не проезжала через Мандали, так что догадаться о том, что Виктория находится в Телль Асуаде с экспедицией доктора Понсфут Джонса, они никак не могут. Скорее всего, они думают, что она погибла от жажды, заблудившись в пустыне.

Жаль, что и Эдвард, наверное, не сомневается в этом! Но тут уж ничего не поделаешь. Придется ему пережить несколько невеселых дней. Будет мучиться, упрекать себя за то, что уговаривал Викторию подружиться с Катрин..., до того, не так уж, впрочем, далекого дня, когда Виктория вернется к нему. Вот, должно быть, удивится, обнаружив, что она из шатенки превратилась в блондинку!

Кстати, этой детали Виктория никак не могла понять. Зачем кому-то понадобилось перекрашивать ее волосы? Какая-то причина должна быть, но какая? Виктория

еще раз посмотрела на себя в зеркало. Ну и красавица! Ни пудры, ни помады, и видно, что волосы крашенные, потому что у корней они уже начали темнеть... Кошмар да и только!

— Ну и черт с ним — проговорила она вслух. — Я жива, а это самое главное!

Уже вскоре Виктория поняла, что провести несколько дней с археологической экспедицией будет, скорее, даже приятно. Надо лишь остерегаться оплошностей. Она старалась пореже высказываться, но зато потихоньку часами просиживала в библиотеке. Какую-то иллюзию ее познания, хоть и чрезвычайно, разумеется, по верхностные, уже могли создать. Во всяком случае, ей хотелось в это верить. К своей новой жизни Виктория легко приспосабливалась. Вставала очень рано и сразу же отправлялась на раскопки. Там она либо делала вместе с Ричардом фотоснимки, либо помогала разбирать черепки, найденные в траншеях. Она научилась уже различать эпохи и боялась только одного — а вдруг будет обнаружена гробница. Все ее попытки обнаружить хоть какое-то пособие по антропологии оказались тщетными, Виктория решила, что, если на гробницу все-таки наткнутся, она уляжется с приступом болей в печени.

Пока речи об этом не было. Из земли постепенно появлялись только стены древнего дворца. Виктория увлеченно следила за ходом раскопок, Ричард, хоть и продолжал временами иронически поглядывать на девушку, стал держаться с ней гораздо мягче и дружелюбнее, чем вначале. Энтузиазм Виктории явно забавлял его.

— Я был точно таким же, когда первый раз попал на раскопки, — заметил он однажды.

— Давно это было?

Ричард улыбнулся.

— Давненько... Лет пятнадцать или шестнадцать назад.

— Должно быть, вы отлично знаете эту страну!

— И эту..., и другие тоже. Сирию, Персию...

— При вашем знании языка вы легко могли бы выдать себя за араба. Вам только костюм понадобился бы...

Ричард покачал головой.

— Не заблуждайтесь. Мне известен всего один англичанин, который мог спокойно выдавать себя за араба.

— Лоуренс, наверное?

— Может быть, хотя в этом я не уверен. Нет, на мой взгляд, единственным человеком, способным, переодевшись арабом, обмануть даже глаз местного жителя, был один парень, которого я знал и который родился на Востоке. Его отец был консулом в Кашгаре, так что с самого детства он овладел всеми диалектами и тонкостями произношения, обычно недоступными для европейцев. Полагаю, что все это он не забыл и когда подрос...

— И что же с ним случилось?

— После колледжа я потерял его из виду. Мы оба учились в Итоне. Его там прозвали факиром, потому что он мог целые часы проводить совершенно неподвижно. Что он делает сейчас, я не знаю..., хотя кое-какие догадки на этот счет у меня есть.

— Вы больше не встречали его?

— Один раз встретил. Однажды в Басре..., при довольно странных, к слову сказать, обстоятельствах...

— Да?

Я не узнал его. Одет он был, как араб: на голове кефия, потрепанный военный китель. Пальцами он, как это часто делают арабы, перебирал четки, и я не обратил на него никакого внимания, пока не заметил, что в стуке четок слышится что-то знакомое. Это была азбука Морзе. Он выстукивал послание, предназначенное мне...

— Почему вы так решили?

— Он повторял наши имена, вернее, прозвища, а потом передал, что рассчитывает на меня, если дело дойдет до драки.

— И дошло?

— Да. Когда он встал и направился к двери, какой-то тип, похожий на коммивояжера, очень спокойный и мирный на вид, вдруг выхватил из кармана револьвер. Я ударил его по руке, и Кармайкл успел исчезнуть...

— Кармайкл?

Девушка произнесла это имя таким страшным тоном, что Ричард удивленно поднял голову.

— Да, Кармайкл... Вы знаете его?

Виктория подумала о том, как эффектно прозвучал бы ответ: «Он умер в моей палатке».

— Да, — проговорила она, — я знала его.

— Знали? Значит ли это, что...

Виктория кивнула.

— Да. Он умер.

— Когда?

— Несколько дней тому назад. В Багдаде, в отеле «Тио»...

Тут же она поспешно добавила:

— Об этом не сообщалось... Никто не знает о его смерти...

На несколько секунд воцарилось молчание. — В таком случае, — спросил наконец Ричард, — откуда вам об этом известно?

— Я оказалась замешана в эту историю..., совершенно случайно.

Ричард долго смотрел на нее, не зная, что и думать. Неожиданно Виктория задавала вопрос:

— Ваше прозвище в колледже было не Люцифер?

— Люцифер? Нет, меня звали Филином... Это из-за того, что я тогда уже носил очки...

— А в Басре вы не знаете никого по прозвищу Люцифер?

Ричард задумался.

— Нет... Люцифер, сын Утренней зари, падший ангел... Нет, никого подходящего я не знаю...

Его пристальный взгляд не отрывался от Виктории.

— Я хочу, — проговорила она решительно, — чтобы вы во всех подробностях рассказали о том, что произошло в Басре.

— Но я же все сказал!

— Не совсем. Где именно случился тот инцидент?

— В приемной консульства. Я оказался там, потому что хотел повидаться с Клейт оном, нашим тамошним консулом.

— Кто еще, кроме вас был в комнате? Кармайкл, тот коммивояжер... А кто еще?

— Еще двое, насколько я помню. Невысокий смуглый мужчина — француз, скорее всего — и старик перс.

— Вы сказали, что Кармайкл «исчез»... Куда он вышел?

— Сначала он побежал по длинному коридору, который ведет к кабинету консула. В конце коридора есть дверь, выходящая в сад...

— Знаю. Я была в консульстве. Приехала почти сразу после того, как вы уехали...

— Да? Любопытно...

Ричард продолжал смотреть на Викторию, но она уже не обращала на него никакого внимания. Перед ее глазами было консульство, широкий коридор и в самом его конце залитый солнцем прямоугольник двери.

— Стало быть, он побежал к саду?

— Да. А потом внезапно повернулся и бросился к другой двери — той, что ведет на улицу. После этого я больше его не видел...

— А коммивояжер?

Ричард пожал плечами.

— Рассказал, что накануне ночью его обокрал какой-то араб и что здесь, в приемной консульства, он узнал будто бы своего обидчика. Чем все закончилось, я не знаю, потому что улетел в Кувейт.

— Кто в это время гостил в консульстве?

— Некий Кросби, сотрудник нефтяной компании. Больше никого... Хотя... Там ожидали кого-то, кто должен был приехать из Багдада, но этого человека я не видел и не знаю, как его зовут...

Виктория думала сейчас о Кросби. Помнила его она достаточно хорошо. Коротышка с заурядной внешностью и, похоже, не очень умный. Он был в Багдаде в тот вечер, когда Кармайкл попал в «Тио». Не появившийся ли в конце коридора Кросби заставил Кармайкла передумать и броситься на улицу вместо того, чтобы бежать к кабинету консула?

Погруженная в свои мысли, Виктория вздрогнула, когда Бейкер, по-прежнему не отрывавший от нее глаз, поинтересовался, есть ли у нее еще какие-нибудь вопросы.

— Последний, — сказала Виктория. — Лефарж. Говорит вам что-нибудь это имя?

— Нет... У меня хорошая память, но это имя мне ничего не напоминает... Мужчина это или женщина?

— Не знаю.

Мысли Виктории вновь и вновь возвращались к Кросби.

Не Кросби ли Люцифер?

В тот же вечер, когда Виктория ушла к себе, Бейкер попросил доктора разрешить ему взглянуть на письмо, полученное от Эмерсона.

— Хотелось бы знать, — объяснил Ричард, — что в точности он пишет об этой юной особе.

— Вся проблема в том, чтобы найти это письмо, — ответил Понсфут Джонс. — Я его не выбросил, потому что сделал несколько заметок на последней странице, но понятия не имею, куда его засунул. Во всяком случае, если память мне не изменяет, он очень доброжелательно отзывался о Веронике. По-моему, очаровательная девушка. У нее пропал багаж, но она, обратите внимание, не стала устраивать из этого историю! Другая бы настаивала, чтобы ради нее машину в Багдад послали на следующий же день. Нельзя не признать, что она к своему приключению отнеслась спокойно. Как, кстати, случилось, что у нее пропал багаж?

— Ее усыпили, похитили и держали в заключении, — сдерживая улыбку, ответил Ричард.

— Ах да, ты же говорил мне! Выглядит как-то не слишком правдоподобно!.. Напоминает приключение Элизабет Коллингс... Та пропадала две недели и, вернувшись, рассказывала, будто ее похитили цыгане... Обратное доказать было затруднительно..., а учитывая, до чего бедняжка была безобразна, вряд ли речь могла идти о любовном приключении. С Викторией..., то есть с Вероникой..., в общем с ней дело другое... Она красива, очень даже красива..., так что я бы не удивился, если бы, во всем этом был замешан какой-нибудь молодой человек!

— Во всяком случае, волосы ей лучше было не красить.

— У нее крашенные волосы?.. Быть не может! Ну, тебе виднее, ты в таких вещах лучше разбираешься!

— Что касается письма Эмерсона...

— Ты прав, обязательно надо будет найти его!.. Не помню, о чем были те заметки, но когда-нибудь они наверняка мне понадобятся, так что не хотелось бы их потерять. Поищем!..

Глава двадцатая

На следующий день, после полудня, доктор Понсфут Джонс услышал звук мотора, обвел взглядом пустыню и увидел направляющуюся к теллю машину.

— Опять визитеры! — не скрывая раздражения, воскликнул доктор. — Словно мне делать больше нечего, кроме как возить всяких идиотов по раскопкам, выслушивая последние багдадские сплетни!

— Вы забыли, — заметил Ричард, — что Виктория отлично сможет заменить вас. Она знает уже вполне достаточно для того, чтобы быть прекрасным гидом. Верно ведь, Виктория?

— Боюсь, что в моих объяснениях будет масса ошибок, — запротестовала девушка. — Вы ведь знаете, что я еще не слишком сведуща во всем этом!

— Вы слишком скромны, — возразил Ричард. — Ваши сегодняшние замечания от носительно кирпичей с выпуклой поверхностью будто сошли со страниц Делонг

а...

Виктория почувствовала, что на ее щеках выступил легкий румянец, и пообещал а себе постороже следить за использованием свежеобрётенной эрудиции. Переска зывать выученное надо все-таки не слово в слово...

— Как бы то ни было, — проговорила она, — я сделаю все, что могу...

— И вы простите нас за то, что мы взваливаем на ваши плечи такое ярмо?

Виктория улыбнулась. Ласковый тон слов Ричарда искупил подпущенную им тол ько что шпильку.

Правду говоря, Виктория сама не ожидала, что работа на раскопках, которой он а занималась пять дней, так увлечет ее. Поначалу она проявляла фотопластинки в крохотной темной комнате с примитивным оборудованием, расставленным на крышке большого чемодана вместо стола. Потом ее поставили разбирать добыт ые из траншей находки. Первая корзина заставила Викторию расхохотаться. Как можно интересоваться подобным хламом? Лишь научившись по отдельным фраг ментам предметов мысленно восстанавливать их первоначальный вид, Виктория изменила свое мнение. Она пыталась теперь вообразить, как выглядела будничн ая жизнь людей, обитавших здесь три с лишним тысячи лет назад, представить, чем они занимались, в чем нуждались, на что надеялись и чего боялись. Уже и зученные экспедицией остатки скромных жилищ доказывали ей, что, вопреки ее прежнему убеждению, археологию интересуют отнюдь не одни лишь царские дв орцы и гробницы. Что ж, с точки зрения Виктории, это делало археологию даже более привлекательной.

Обо всем этом она думала, шагая рядом с Ричардом навстречу двум вышедшим из автомобиля мужчинам. Это были два француза, решивших посетить Сирию и Ирак для того, чтобы познакомиться со следами древних цивилизаций. Поздоров авшись с гостями, Ричард передал их под опеку Виктории. Объяснения, которые начала давать Виктория, были достаточно многословны и состояли наполовину и з того, что она слышала от археологов и повторяла теперь, словно попугай, а н аполовину из красочных подробностей, придуманных на ходу, чтобы расцветить повествование.

Через некоторое время один из гостей, и до этого довольно рассеянн о слушавш ий рассказ Виктории, попросил разрешения вернуться в дом и немного отдохнут ь. Вид у него и впрямь был неважным, а жаркое солнце в таких случаях ником у не идет на пользу. Когда он ушел, его спутник объяснил, что бедняга страдает желудочными болями и сегодня ему лучше было бы вообще не выбираться из

отеля.

Когда осмотр раскопок был закончен, доктор Понсфут Джонс пригласил гостей на чашку чая, но французы вежливо отказались, сославшись на то, что им нельзя задерживаться, если они хотят вернуться в Багдад до наступления ночи и не заблудиться в пустыне. Через несколько минут их машина уже скрылась из виду.

После чая Ричард отправился к себе, чтобы написать несколько писем и на следующий день сдать их на почту в Багдаде. Открыв ящик комода, он нахмурился. Не будучи педантом, Ричард любил, тем не менее, порядок и с первого взгляда понял, что кто-то рылся в его вещах. Надо полагать, тот француз, приступ болезни у которого был, очевидно, лишь предлогом для того, чтобы остаться одному в доме. Тут же Ричард убедился однако, что его не обокрали. Деньги лежали на месте, в целости и сохранности. Стало быть?..

Охваченный страшной тревогой, Ричард вбежал в ту комнату, которую доктор Понсфут Джонс окрестил Залом древностей. Все «сокровища», хранившиеся здесь, тоже были на месте. В полном комплекте были, в частности, и печати. Ричард прошел в гостиную. Там не было никого, кроме склонившейся над книгой Виктории. — Мою комнату кто-то обыскивал! — без всяких вступлений объявил Ричард. Виктория подняла голову.

— Обыскивал? Кто?

— А не вы ли?

— Я? — возмущенно воскликнула Виктория. — Конечно, нет! Зачем бы мне это понадобилось?

Ричард долго всматривался в нее, прежде чем проговорил:

— Должно быть, это тот чертов иностранец, притворившийся больным...

— У вас взяли что-нибудь?

— Нет.

— Но тогда какого дьявола кому-то понадобилось...

Ричард не дал девушке закончить фразу.

— Я думал, что вы, именно вы, поможете мне разобраться в этом.

— Я?

— Судя по тому, что вы мне рассказывали, у вас в последнее время было несколько..., довольно необычных приключений...

— Ах, вот оно что...

На секунду Виктория задумалась, а затем добавила:

— Но зачем бы им понадобилось обыскивать вашу комнату? Вы ведь не имеете никакого отношения...

— К чему?

Виктория не ответила, погруженная в свои мысли. Лишь через некоторое время она проговорила:

— Прошу прощения. Вы что-то сказали?

Решив перевести разговор на другую тему, Ричард поинтересовался, какой это к нигой так увлечена была Виктория. Девушка чуть поморщилась.

— По части романов выбор здесь невелик: «Повесть о двух городах», «Гордость и предубеждение» да еще «Мельница на Флоссе». Я взялась за «Повесть о двух городах».

— Раньше вы не читали ее?

— Никогда. Диккенс всегда представлялся мне страшно скучным писателем.

— Что за ерунда!

— Теперь я и сама нахожу его увлекательным!

— До какого места вы дочитали?

Заглянув в раскрытую книгу, Ричард громко прочел:

— «А вязальщицы считали „один “...

— От этой женщины мне становится страшно!

— От мадам Дефарж?.. Любопытный персонаж, хотя я сомневаюсь, что список и мен можно и впрямь зашифровать с помощью вязанья... Конечно, я вязать не

умею...

— Я не считаю, что это невозможно, — чуть подумав, заметила Виктория. — Петл и прямые, изнаночные, кое — где петлю можно вообще пропустить... Вязанье, разумеется, получается не бог весть каким, вроде как у начинающей, которая не прерывно делает ошибки, но...

Виктория внезапно умолкла. Это было похоже на прозрение. Она вновь видела перед собой старый вязаный платок, который прижимал к груди вбежавший в ее комнату мужчина, тот самый платок, который она чуть позже подобрала и сунула в ящик. Виктория подумала о последних словах мужчины. Конечно же, он сказал не «Лефарж», а «Дефарж», имея в виду эту самую мадам Дефарж из книги Диккенса..

— Что с вами?

Голос Ричарда вернул Викторию к действительности.

— Ничего, ничего... Просто задумалась...

— Да?

Настаивать Ричард не стал.

Виктория задумалась теперь о завтрашнем дне. Завтра она вместе с Ричардом поедет в Багдад, и на этом закончится неделя, в течение которой она могла позволить себе расслабиться, могла жить в мире и безопасности. Пожалуй, ей нигде не было так хорошо, как в Телль Асуаде. Быть может, вынуждена была признать себя Виктория, потому что она оказалась вовсе не такой смелой, как думала. Она поняла, что мечтать о приключениях и переживать их — вещи совершенно разные, а воспоминания о недавно пережитом наполняли ее ужасом. Мысль о возвращении к такому бурному существованию не доставляла ей никакого удовольствия. Обязана ли она, согласившись работать с мистером Дейкиным и получать от него жалованье, вернуться в «Оливковую ветвь» и снова встретиться с доктором Ратбоном? Ей хотелось надеяться, что нет. Непременно надо будет только пойти в пансионат, чтобы забрать тот вязаный платок, который валяется в одном из ее чемоданов. Когда этот платок попадет в руки Дейкина, ее задача будет выполнена.

Виктория подняла голову. Ричард все еще был тут, и продолжал смотреть на нее.

— Кстати, — заметил он, — как вы полагаете, удастся вам завтра получить новый

паспорт?

— Паспорт?

Виктория задумалась. Она твердо решила покинуть экспедицию до прибытия — теперь уже скорого — Вероники или как там ее, но над деталями пока не задумывалась. Удовлетвориться ли бесшумным исчезновением или очистить совесть полным признанием? Она и сама еще не знала.

— Не уверена, — проговорила она, стараясь выиграть время.

— Жаль, потому что местная полиция рано или поздно потребует сообщить ей номер вашего паспорта и прочие данные. Обычные бюрократические штучки. Ладно, в отсутствие паспорта обойдутся вашим именем и описанием внешности. Между прочим, Виктория, как вас все-таки зовут?

Виктория постаралась, чтобы ее смех прозвучал достаточно естественно.

— Бросьте, Ричард, вы же это знаете не хуже меня!

Губы Ричарда скривились в жесткую улыбку.

— Может быть, и так... Вопрос только в том, знаете ли это вы сами!

Ричард смотрел сквозь толстые стекла своих очков прямо в глаза Виктории. Она вновь засмеялась.

— Ну, я была бы, наверное, первым человеком в мире, не знающим собственного имени!

— В таком случае назовите его!.. Немедленно! — Голос Ричарда звучал теперь отрывисто и грубо. — Лгать не имеет смысла, комедия закончена! Готов признать, что разыгрывали вы ее неплохо. Можно было и впрямь поверить, что вы та, за кого себя выдаете, но я пару раз ставил вам ловушки и вы тут же попадались в них. Я нес явную чушь, а вы лишь согласно кивали головой...

Ричард помолчал несколько секунд, прежде чем добавить:

— Вы не Вероника Сейвил. Кто же вы?

— Я сказала вам при первой же встрече. Меня зовут Виктория Джонс.

— Племянница доктора Понсфут Джонса?

— Нет, не племянница, но моя фамилия, действительно Джонс!

— Тогда ваш рассказ звучал несколько иначе!

— И в нем не было ничего, кроме правды. А вы не хотели мне поверить, и это настолько вывело меня из себя, что для вящей убедительности я решила назваться Понсфут Джонс! Это известное имя, и мне уже довелось пользоваться им!.. Откуда я могла знать, что вы привезете меня именно сюда!

— Да, для вас это оказалось, должно быть, тяжелым ударом!.. Выдержали его вы, между прочим, отлично! Сохранить полное спокойствие...

— Внешнее, быть может... В любом случае, я решила, что лучше не спешить с объяснениями. Здесь я, по крайней мере, в безопасности...

— В безопасности? — Ричард вновь посерьезнел. — Не хотите же вы сказать, что вся та абракадабра, которую вы мне наговорили, была правдой?

— Конечно, правдой! Неужели вы не понимаете, что придумать я сумела бы гораздо более убедительную историю?

— Теперь, когда я с вами немного познакомился, готов признать это веским аргументом. Согласитесь, однако, что звучала эта история на редкость не правдоподобно.

— И, тем не менее, сейчас вы готовы в нее поверить? Почему?

— Потому, — медленно проговорил Ричард, — что, если ваша история связана со смертью Кармайкла...

— С этого-то началось все!

— Вот вы мне все и расскажите!

Виктория долго смотрела на своего собеседника.

— Не знаю, могу ли я довериться вам...

— Вы ставите все с ног на голову! Забываете, видимо, что это у меня есть все основания думать, что вы явились сюда под чужим именем, стремясь у меня кое-что выведать. И весьма вероятно, что сейчас вы как раз этим и занимаетесь!

— Иными словами, вам известно о Кармайкле что-то такое, о чем хотели бы узнать и они?

— Они?.. Кто — они?

— Придется все-таки рассказать вам обо всем! Не вижу другого выхода... Если вы из числа врагов, вам и так все известно, так что ничего не изменится...

Виктория во всех подробностях пересказала свои приключения, начиная с трагической смерти Кармайкла, встречи с Дейкином и поездки в Басру. Затем она перешла к работе в «Оливковой ветви», вражде с Катрин и едва скрытым угрозам доктора Ратбона. Она не упустила ни одной детали, воздержавшись лишь от упоминаний о вязаном красном платке и мадам Дефарж.

— Стало быть, — проговорил Ричард, когда она закончила, — вы полагаете, что доктор прямо замешан во всей этой истории? Вы отдаете себе отчет в том, что это видный ученый, пожертвования которому стекаются со всех концов земли?

— Именно такой человек им и нужен!

— Я лично, к слову сказать, считаю его претенциозным ослом...

— Великолепная маска!

— Быть может... А кто этот Лефарж, о котором вы спрашивали меня?

— Понятия не имею. Для меня это всего лишь имя... Есть и еще одно в этом же духе: Анна Шееле.

— Анна Шееле?.. Никогда не слыхал.

— Она играет в этом деле важную роль. Только какую? Я не знаю. Все так запутано!

— Повторите, пожалуйста, еще раз, как зовут человека, втянувшего вас в эту авантюру.

— Эдвард... А, вы говорите о мистере Дейкине... Насколько я знаю, он работает в какой-то нефтяной компании.

— Это не тот, у которого вечно какой-то усталый вид и которого все считают не удачником?

— Тот самый. Только не всегда стоит обращать внимания на внешность...

— По слухам, он пьет.

— Говорят, что пьет, но я сильно в этом сомневаюсь.

Скрестив руки на груди, Ричард покачал головой.

— Я все думаю — не сон ли это? Так, словно я очутился вдруг на страницах одного из романов Оппенгейма, Леке или кого-то из их подражателей. В реальном ли я нахожусь мире? И, если да, кто вы — преследуемая героиня или злая ведьма?

Мысли Виктории текли совсем в другом направлении.

— А вот мне хотелось бы знать, — проговорила она, — что мы скажем доктору Понсфут Джонсу. Рано или поздно, придется ведь объяснить ему.

Ричард улыбнулся.

— Ничего мы ему не станем говорить. Зачем?

Глава двадцать первая

В дорогу они отправились на рассвете. У Виктории чуть запершило в горле, когда она бросила последний взгляд на тель из уехавшего в пустыню грузовика. Через три часа они были уже в Багдаде. Предоставив водителю и повару заниматься закупками, Ричард вместе с Викторией зашел в «Тию». Он получал оставленную для него и доктора Понсфут Джонса почту, когда появился сияющий, как всегда, Марк. При виде Виктории хозяин отеля просиял и тут же дружески упрекнул ее за то, что она так давно не появлялась в «Тию». Ясно было, что о похищении Виктории он ничего не слышал. Очевидно, Эдвард — по совету Дейкина, разумеется, — обращаться в полицию не стал.

Виктория поинтересовалась — в Багдаде ли сейчас мистер Дейкин.

— Мистер Дейкин?.. Я видел его вчера.., нет, позавчера... И мы ожидаем одного из его друзей капитана Кросби, который должен сегодня прибыть из Керман — шаха...

— А где находится контора мистера Дейкина, вы знаете?

— Естественно! Кто же не знает Ирано — иракскую Нефтяную Компанию?

— Прекрасно! Мне нужно немедленно повидать мистера Дейкина... Я возьму такси, но хотелось бы иметь уверенность, что оно доставит меня по правильному адресу...

— Я как нельзя подробнее объясню все водителю. Когда Виктория уже сидела в такси, а Марк заканчивал давать наставления водителю, девушка проговорила:

— Совсем было забыла... Мне нужна комната. Найдется для меня что-нибудь?

— Конечно! Вы получите великолепную комнату и, я надеюсь, отобедаете сегодня у нас. Повар приготовит бифштекс специально по вашему вкусу..., будет и икра. А перед обедом выпьем вместе по стаканчику.

— Не возражаю!.. Скажите, Марк, не могли бы вы занять мне немного денег?

— Ну, конечно же, дорогая моя! Вот мой бумажник... Берите, сколько вам нужно!

Через пять минут Виктория входила в великолепное здание управления нефтяной компании.

Когда служитель проводил Викторину в нужный ей кабинет, Дейкин вышел из-за стола навстречу гостье и церемонно поздоровался с ней.

— Мисс... Джонс, не так ли?.. Принеси кофе, Абдулла!

Когда араб вышел, он произнес:

— Вам не следовало приходить сюда.

— Я не могла иначе, — ответила Виктория. — Мне необходимо кое-что сообщить вам прежде..., прежде, чем со мной произойдет какое-нибудь новое приключение.

— С вами что-то случилось? Что именно?

— Вы не знаете? Эдвард ничего не сказал вам?

— Насколько я могу судить, вы по-прежнему работаете в «Оливковой ветви». Ни кто ничего мне не говорил.

— Проклятая Катрин!

— Простите?

— Хочу сказать, что эта сволочь придумала для Эдварда какую-то сказочку, а он, как идиот, поверил ей!

Дейкин подал Виктории стул.

— Пожалуй, лучше будет, если вы расскажете все с самого начала...

Затем он добавил:

— Мне казалось, что вы предпочитаете каштановый цвет волос...

Виктория не ответила. Стук в дверь возвестил о возвращении Абдуллы. Молодой араб поставил на стол поднос с двумя чашками черного кофе, а затем вышел.

— Вот теперь я вас слушаю, — сказал Дейкин. — Можете говорить спокойно — о бивка на дверях поглощает звук, а стены здесь толстые.

Виктория приступила к рассказу о своих приключениях, сумев сделать его ясным и сжатым. Закончила она, упомянув об ассоциации, возникшей у нее, когда она читала «Повесть о двух городах». Взглянув на Дейкина, она увидела в его глазах уже знакомый ей огонек.

— Следовало бы и мне почаще заглядывать в Диккенса, — проговорил он наконец.

— Стало быть, вы считаете, что я права, что сказано было, действительно, «Дефарж» и что в том платке может содержаться какое-то послание?

— Я считаю, что это первый наш серьезный успех..., и что им мы обязаны вам. Где сейчас этот платок?

— В моих вещах. Я сунула его в ящик, а потом, перебираясь в пансионат, затолкала все, что там было, в чемодан.

— Вы никому не говорили о том, что это платок Кармайкла?

— Никому — по той простой причине, что я сама совершенно забыла о нем. Чемодан я заперла, уезжая в Басру, и больше его не открывала.

— В таком случае, все в порядке. Даже если ваши вещи обыскивали... Кто станет обращать внимание на старый платок... Для этого они должны были бы заранее знать, что разыскивают, а это, по-моему, невозможно. Что ж, позаботимся о т

ом, чтобы ваши чемоданы были доставлены... Где, кстати, вы сейчас остановились?

— В «Тео».

Дейкин одобрительно кивнул.

— Отлично!

— Вы..., вы хотите, чтобы я вернулась в «Оливковую ветвь»?

Дейкин взглянул на девушку.

— Боитесь?

Виктория вздернула подбородок.

— Нет. Если нужно, я пойду туда!

— Не вижу необходимости. Кто навел их на ваш след, я не знаю, но они явно заинтересовались вашей деятельностью. В этих условиях вы узнать все равно ничего не сможете, так что лучше переждать какое-то время в безопасном месте. — Улыбнувшись, Дейкин добавил:

— А то при нашей следующей встрече вы, чего доброго, окажетесь рыжей!

— Вот это, — воскликнула Виктория, — меня больше всего беспокоит! Понять не могу, зачем мне перекрасили волосы? У вас есть какие-то соображения на этот счет?

— Только одно и достаточно неприятное. Это могли сделать для того, чтобы потом труднее было опознать ваш труп.

— Если они собирались меня убить, то почему не сделали это сразу же?

— Крайне любопытная проблема, и мне очень хотелось бы разрешить ее. Вам ничего не приходит в голову?

Дейкин улыбнулся.

— Ничего.

— Чуть не забыла! — воскликнула внезапно Виктория. — Помните, я говорила вам, что в то утро, когда я увидела сэра Руперта на террасе, что-то в его внешнос

ти показалось мне..., ну, не таким, как надо?

— Помню.

— Вы не были лично знакомы с сэром Рупертом?

— Нет, до этого я никогда не встречался с ним.

— Так я и думала. Дело в том, что сэр Руперт, прибывший в Багдад, не был настоящим сэром Рупертом.

Виктория объяснила, каким образом она пришла к этому выводу, как таинственно о исчезнувший в течение нескольких часов чирей заставил ее понять, что человек, которого она видела в «Тио», не был тем, с кем она летела в самолете.

— Это много проясняет, — заметил Дейкин. — Я все не мог понять, почему Кармайкл позволил застать себя врасплох. А он просто почувствовал себя наконец в безопасности. С сэром Рупертом ему незачем было держаться начеку..., и сэр Руперт, фальшивый сэр Руперт, убил его. Кармайклу удалось только выбежать и укрыться у вас в комнате, до последней секунды прижимая к себе тот платок...

— Может быть, меня похитили, чтобы не дать рассказать вам об этом?.. Но ведь, кроме Эдварда, я никому и словом не обмолвилась...

— Думаю, что вас просто решили «изъять из обращения». Вы слишком много узнали о том, что представляет из себя «Оливковая ветвь».

— Доктор Ратбон предупредил меня... Вернее сказать, пригрозил мне. По-моему, он сообразил, что я не та, за кого себя выдаю.

— Ратбон далеко не дурак.

— Как бы то ни было, я чертовски рада, что мне не надо возвращаться к нему! Я, хоть и стараюсь это скрыть, но, на самом деле, умираю от страха... Одно плохо: если я не вернусь в «Оливковую ветвь», как же мне повидаться с Эдвардом?

Дейкин улыбнулся.

— Если Магомет не идет к горе, гора идет к Магомету. Вы напишите Эдварду записку. Сообщите, что вы в «Тио», и попросите забрать ваши вещи и привезти их в отель. Еще сегодня утром я буду у Ратбона, чтобы обсудить подробности торжества, которое он собирается на днях устроить. Мне не составит труда передать записку его секретарю, так что, будьте уверены, в руки Катрин она не попадет.

А вы отправляйтесь в «Тио» и ждите. И еще одно, Виктория. Если... — Дейкин замаялся.

— Да?

— Если..., если вы окажетесь в трудном положении, думайте о себе, только о себе. Насколько это возможно, вы будете под защитой, но противник силен, а вам, увы, уже слишком много о нем известно. Я хочу, чтобы вы ясно отдавали себе отчет — с того момента, как ваши вещи придут в «Тио», у вас не будет передо мной никаких обязательств.

— Я поеду прямо в отель, — кивнула Виктория. — Куплю только по дороге крем, пудру и губную помаду. В конце концов...

Дейкин договорил за нее.

— В конце концов, красивая женщина имеет право обновить перед боем свое оружие.

— С Бейкером, хоть я и не прочь доказать ему, что я не какая-нибудь злодейка, это не имело бы особого значения. Но с Эдвардом...

Глава двадцать вторая

Аккуратно расчесав белокурые теперь волосы, напудрившись и подкрасив губы, Виктория сидела на террасе «Тио» — еще раз в роли Джульетты, ожидающей прихода Ромео.

Ромео не заставил себя ждать. Когда он шел по газону, Виктория позвала:

— Эдвард!

Он поднял голову.

— О! Вы здесь?

— Как видите!.. Поднимитесь сюда!

— Уже иду.

Через мгновение Эдвард был уже на террасе.

— Здесь нам никто не будет мешать, — сказала Виктория.

Эдвард продолжал растерянно глядеть на нее.

— Ради бога, Виктория, что это вы сделали со своими волосами?

У Виктории вырвался вздох отчаяния.

— Следующему, кто спросит меня о волосах, я глаза выцарапаю.

— Просто, такой цвет, как раньше, мне больше нравился...

— А это вы скажите Катрин!

— Катрин? А она тут при чем?

— При том! Вы захотели, чтобы я подружилась с ней, я послушалась и..., полагаю, вы даже не подозреваете, чем все кончилось!

— Кстати, чем вы занимались все это время, Виктория? Я начал уже беспокоиться.

— Вот как? А где я, по-вашему, была?

— В Мосуле, разумеется! Вы же передали через Катрин, что должны срочно выехать в Мосул и что вскоре дадите о себе знать...

— И вы в это поверили?

— Я решил, что вы напали на какой-то след. Ясно, что Катрин вы сказать об этом не могли...

— А вам не пришло в голову, что Катрин лжет? Она не добавила, что меня усыпили...

— Что!?

— Да, усыпили! А потом напичкали наркотиками, посадили под замок...

— Господи! Кто бы мог подумать... Но послушайте, Виктория..., благоразумно ли говорить обо всем этом прямо здесь да еще так громко?... Может быть, зайдём к вам в номер?

— Если хотите. Вы привезли мои вещи?

— Да. Все сложено в холле.

— Bravo! Когда две недели не удастся переодеться...

— Но в конце концов, Виктория, что же с вами произошло?

— Это долгий рассказ!

— Знаете, что мы с вами сделаем? Я на машине... Вы бывали уже в Девоншире?

Виктория широко раскрыла глаза.

— Девоншире?

— Успокойтесь, это не тот Девоншир!.. Просто все так зовут одно очень симпатичное местечко совсем рядом с Багдадом... В это время года там настоящий рай... Поехали?

— А что скажет вам доктор Ратбон?

— Да пошел он к черту!.. Я, между прочим, начинаю чувствовать, что по горло сыт доктором Ратбоном!

Перепрыгивая через ступеньки лестницы, они сбежали к машине. Эдвард сел за руль, и вскоре они уже выехали из Багдада по широкой автостраде, ведущей на юг. Через какое-то время машина свернула на окаймленную рядами пальм дорогу и остановилась наконец посреди небольшой рощи. Абрикосы и миндальные деревья были в полном цвету, вдали виднелся Тигр. Место и впрямь было очаровательным.

Виктория вышла из машины и глубоко вздохнула.

— Чудесно! Как будто в Англии весной...

Воздух буквально пьянил. Сделав несколько шагов, молодые люди присели на ствол упавшего дерева. Над головами у них был настоящий свод из розовых цветов.

— А теперь, — проговорил Эдвард, — расскажите наконец обо всем! Мне было так тяжело без вас.

Виктория наградила его улыбкой.

— Правда?

Затем она начала свой рассказ. Не пропуская ни одной подробности, она говорила о том, как вошла в парикмахерский салон, как очутилась потом в каком-то незнакомом домике, где ее держали под замком, как ей удалось бежать, как встретились она с Ричардом Бейке — ром, как представилась ему Викторией Понсфут Джонс и как тут же выяснилось, что именно в экспедицию доктора Понсфут Джонса они и направляются. После этого она рассказала, как благодаря отличной библиотеке ей удалось вполне достойно сыграть роль молодой, только что прибывшей из Англии аспирантки.

Эдвард расхохотался.

— Вы просто чудо, Виктория!.. Ваша фантазия совершенно неисчерпаема!

Польщенная Виктория улыбнулась.

— Правда ведь?.. Мои дядюшки, например... Доктор Понсфут Джонс, а перед этим епископ...

Произнося эти слова, Виктория вспомнила вдруг вопрос, который собиралась задать Эдварду в Басре, когда их беседа в саду была внезапно прервана миссис Клейтон.

— Кстати, Эдвард, я давно уже хотела спросить вас... Откуда вы узнали, что я выдумала еще и дядюшку — епископа.

Виктория почувствовала, что ладонь, в которой лежала ее рука, вздрогнула. Быстро, чересчур быстро Эдвард ответил:

— Но.., вы ведь сами рассказали мне об этом! Виктория повернула голову к Эдварду. Даже странно, что такая ничтожная, ошибка может привести к подобным последствиям. Вопрос застал Эдварда врасплох. Заранее ответ он не заготовил, а тем, который все-таки дал, был, судя по раздраженному лицу, не очень доволен.

Виктория смотрела на него, мало — помалу начиная понимать правду. Подсознательно проблема мучила ее, наверное, уже давно, и постепенно она все равно рано или поздно пришла бы к единственному, неизбежному выводу...

Она никогда не рассказывала Эдварду о епископе

Ллангоу. Единственными людьми, от которых он мог услышать об этом мифичес

ком лице были мистер и миссис Клип. Однако встретиться с ними в Багдаде Эдвард никак не мог. Мистер Клип остался в Англии, а его супруга находилась в Багдаде как раз тогда, когда Эдвард был в Басре. Стало быть, о епископе Ллангоу он узнал от них еще до отъезда из Англии. А это означает, что и полученное Викторией предложение сопровождать миссис Клип в Багдад не было счастливым случаем. Все было заранее рассчитано и подстроено...

Внезапно Виктория поняла, что имел в виду Кармайкл, произнося имя Люцифера. Теперь она знала, кого он увидел в глубине коридора консульства. Там был тот самый человек, в лицо которого она смотрела сейчас. Люцифер, самый прекрасный из ангелов, падший ангел! «Как же ты пал, о Люцифер, сын Утренней звезды?»

Шеф — Ратбон? Да нет же. Шефом был Эдвард. С виду простой секретарь, а в действительности тот, кто заправляет всем. Ратбон? Прикрытие, «крыша». Может быть, даже неплохой человек... Он ведь посоветовал Виктории уходить, пока еще не поздно...

Одновременно Виктория поняла и то, что ее чувство к Эдварду вовсе не было, как ей казалось, любовью. Да, он нравился ей, но о глубокой любви не могло быть и речи. Обычная девчоночья влюбленность, вроде той, которую она еще школьницей испытывала к киноартисту Хемфри Богарту или герцогу Эдинбургскому. Что же касается Эдварда, то с его стороны не было и влюбленности. Он разыгрывал комедию, а она попала, словно дурочка. Круглая дурочка!

Все эти мысли промелькнули в мозгу Виктории за несколько секунд, никак внешне не отразившись на ее поведении. На Эдварда она смотрела нежно и с нескрываемым восторгом. Инстинкт предупреждал, что она в опасности и спастись можно одним лишь, вероятно, способом. Им она и воспользовалась.

— Знаете, что мне кажется? — проговорила она. — Я думаю, это вы сами устроили так, что я смогла приехать сюда! Вы просто чудо, Эдвард!

На губах Эдварда появилась чуть презрительная улыбка. Только что появившиеся у него опасения рассеялись, и Виктория буквально прочла его мысли: «Бедная идиотка! Готова проглотить что угодно! Поверит во все, что я захочу!»

— Но как вам это удалось? — продолжала Виктория. — Такое мало кому по силам... Я начинаю верить, что вы так же могущественны, как те владыки Вавилона, о которых вы рассказывали!

Лицо Эдварда стало похожим на маску, в которой было что-то надменное и жест

ткое. Перед Викторией был уже совсем не тот симпатичный, милый молодой человек, которого она, как ей казалось, полюбила. Хотя это немало ей стоило, она поспешила добавить с тревогой в голосе:

— Но ведь любить меня это вам не мешает? Улыбка Эдварда стала еще шире. Все эти девчонки одинаковы! Если заговоришь с ними о любви, верят каждому слову и больше уже ни о чем не думают. Психология рабынь!

— Конечно же, я люблю вас!

— А что кроется за всем этим, Эдвард? Расскажите! Мне так хотелось бы понимать.

— Речь идет о новом мире, Виктория. Новом мире, которой должен быть воздвигнут на руинах и пепле старого прогнившего мира.

— Объясните, что это значит!..

С каждым словом оживляясь, Эдвард заговорил об утопии, ставшей смыслом его жизни. Две силы оспаривают владычество над миром: Капитализм и Коммунизм. С одной стороны зажавшиеся буржуа, цепляющиеся за свои доходы и враждебные прогрессу, с другой — тупоголовые фанатики, решившие сделать реальностью свой марксистский рай. Обе эти силы должны исчезнуть, уничтожив друг друга в огне мировой войны. Тогда пробьет час избранных, молодых суперменов, которые в едином порыве энтузиазма и веры построят Новый Порядок.

— Но как же быть с теми несчастными, которые погибнут — прежде, чем ваша цель будет достигнута?

— Они не представляют никакой ценности. Поймите, это, Виктория.

Виктория многое могла бы возразить, но предпочла сдержаться. Она понимала, что жизнь ее висит на волоске и спасти ее может лишь предельная осторожность.

— Я восторгаюсь вами, Эдвард!.. Однако, какова во всем этом может быть моя роль?

— Вы готовы... работать вместе с нами? Готовы служить этому идеалу?

Чересчур поспешное согласие тоже вызывает недоверие. Виктория ответила осторожно:

— Меня во всем этом интересуете только вы, Эдвард! Я верю вам и готова на все не ради идеалов, а ради вас!

— Что ж, прекрасно!

— Но все-таки, почему вы с самого начала помогли мне добраться сюда? Должна же быть какая-то причина.

— Разумеется, причина была! Помните, в тот день, когда мы познакомились, я с фотографировал вас?

— Помню, конечно!

— Меня поразила тогда ваш профиль... Поразила своим сходством с другим профилем... Снимки я сделал лишь для того, чтобы убедиться, что не ошибаюсь.

Виктории было сейчас не до того, чтобы обратить внимание на укол, нанесенный ее самолюбью.

— И на кого же я похожа? — спросила она.

— На женщину, доставившую нам немало хлопот. На Анну Шееле.

— На Анну Шееле? — не скрывая удивления, воскликнула Виктория. — Я похожа на Анну Шееле?

— У вас не только одинаковые профили, но даже — необычное совпадение — у обеих крохотные шрамы слева, на верхней губе...

— Это воспоминание о том, как я упала, когда была еще совсем маленькой... Под пудрой он практически незаметен...

— Как бы то ни было, у вас и Анны Шееле одинаковые шрамы. Она на четыре — пять лет старше, но рост и вест примерно те же, только — она блондинка, а вы шатенка и причесывается по-другому. Глаза, правда, у вас потемнее, но, если надеть темные очки, это не играет роли.

— И ради этого сходства вы помогли мне попасть в Багдад?

— Да, я решил, что оно..., может пригодиться.

— И сразу все устроили? А мистер и миссис Клип... Кто они такие?

— Люди, не идущие в счет... Делают то, что им велено...

Виктория сглотнула слюну. Судя по всему, Эдвард представлялся самому себе Господом Богом. Пожалуй, это делало его еще страшнее.

— Но ведь вы говорили мне, что Анна Шееле — какое-то важное лицо в вашей организации...

— Надо было слегка сбить вас с толку. Вы и так уже знали чересчур много...

Виктория подумала, что сходство с Анной Шееле, весьма возможно, спасло ей жизнь.

— И кто же, в конце концов, она такая?

— Личный секретарь Отто Моргенталя, крупного международного банкира. Это не женщина, а ходячая вычислительная машина. Мы подозреваем, что ей удалось расшифровать многие из проведенных нами финансовых операций. По-настоящему опасность для нас представляют трое: Руперт Крофтон Ли и Кармайл, от которых мы уже избавились, и Анна Шееле. Через три дня ее ждут в Багдаде, но пока что она исчезла.

— Исчезла? Где?

— В Лондоне. Словно сквозь землю провалилась...

— И никто не знает, где она?

— Дейкин, может быть, знает...

На сей счет Виктория была информирована лучше, чем Эдвард. Куда девалась Анна Шееле, не знал и Дейкин.

— А вы даже представления об этом не имеете?

— Ну, кое-какие догадки у нас есть, — после секундного колебания ответил Эдвард. — Анне Шееле абсолютно необходимо быть в Багдаде к открытию международной конференции, которая состоится, как вы знаете, через пять дней. Мы ведем наблюдение за аэродромами и границей. Военным самолетом она не воспользуется, это мы знаем. Зато мы выяснили, что некая Грета Харден заказала себе билет на самолет. Мы навели справки: имя и адрес вымышлены. Это наводит на мысль, что под именем Греты Харден скрывается Анна Шееле.

Немного помолчав, Эдвард добавил:

— Ее самолет прибует в Дамаск послезавтра.

— И что потом?

Он посмотрел Виктории прямо в глаза.

— Потом все будет зависеть от вас!

— От меня?

— Вы займете ее место.

Виктория побледнела. Ей вспомнился сэр Руперт. Аналогичная подмена закончилась его гибелью. В Дамаске придет очередь Анны Шееле. Будь то Анна Шееле или Грета Харден, она умрет. Ничего не изменится, если Виктория откажется от предложенной ей роли..., роли, которую она не может не принять. Эдвард ждет. Если он усомнится в ее преданности, она тоже умрет, не успев даже сообщить Дейкину о том, что сумела узнать. Надо соглашаться. Это единственное средство сохранить хоть какой-то шанс связаться с Дейкиным.

Глубоко вздохнув, Виктория проговорила:

— Но, Эдвард, я же не смогу... Меня тотчас же разоблачат! Я даже не умею говорить с американским акцентом.

— Анна Шееле говорит без всякого акцента. К тому же у вас будет ларингит. Удостоверенный одним из лучших врачей Багдада.

— И что я должна буду сделать?

— От Дамаска до Багдада вы будете Гретой Харден. Прибыв в Багдад, вы ляжете, и врач разрешит вам подняться только к открытию конференции. Вы явитесь на нее и представите привезенные вами документы.

— Поддельные, разумеется?

— Конечно. Мы изготовим их для вас.

— А что они будут доказывать? Эдвард усмехнулся.

— Существование в Соединенных Штатах гигантского коммунистического заговора.

— Вы и впрямь думаете, Эдвард, что я сумею достойно сыграть эту роль?

Теперь, когда Виктории приходилось самой разыгрывать комедию, она чувствовала себя вполне в своей тарелке.

— Почему бы и нет? — ответил Эдвард. — Лгать вы умеете великолепно!

Виктория мысленно воздала должное великому искусству лжи. Не выдумай она епископа Ллангоу, ей и в голову не пришло бы заподозрить Эдварда.

— А Ратбон? — спросила она внезапно.

— Ратбон?

— Да. Он тоже один из шефов?

На лице Эдварда появилась холодная улыбка.

— Ратбон не более, чем марионетка! Знаете, чем занимается наш уважаемый доктор Ратбон? Уже много лет он присваивает себе три четверти пожертвований, которые получает со всех концов земного шара. Ратбон — ловкий мошенник, но мы держим его в руках. В любой момент мы можем его разоблачить, и ему это отлично известно!

Виктория мысленно представила высокий лоб и снежную шевелюру старика. Может быть, он и мошенник, но ей было жаль его...

Эдвард поднялся.

— Нам пора. Нужно ехать в Дамаск и все приготовить там.

Виктории оставалось только подчиниться. Когда они окажутся в Багдаде, риск станет гораздо меньше. Она чувствовала себя в силах вести двойную игру, с одной стороны разыгрывая полную преданность Эдварду, а с другой путая ему карты.

— Вы сказали, — проговорила Виктория, — что Дейкину известно, быть может, где скрывается Анна Шееле. Я могу попробовать поговорить с ним. А вдруг у него вырвется хоть какой-то случайный намек...

— Маловероятно. К тому же, с Дейкином вы не увидите...

Виктория почувствовала, что у нее замерло сердце.

— Но он велел сегодня вечером прийти к нему, — попробовала она пойти на п

рямой блеф. — Если я не появлюсь, это насторожит его...

— Мы дошли уже до такой точки, когда это больше не имеет значения. Настало время приступить к осуществлению наших планов..., и в Багдаде вам делать больше нечего.

— Но, Эдвард, все мои вещи остались в «Тио»! Я ведь сняла там номер.

Виктория подумала о драгоценном платке Кармайкла.

— Какое-то время эти вещи вам не понадобятся, — ответил Эдвард. — Подходящий костюм для вас уже заготовлен. Поехали!

Они сели в машину. Как можно было поверить, что, решившись раскрыться, Эдвард позволит ей связаться с Дейкином, упрекала себя Виктория. Даже уверенно сть в том, что она влюблена по уши, не помешала ему остаться настороже.

— Вам не кажется, что, если я не вернусь, меня начнут разыскивать? — сделала она еще одну попытку.

— Успокойтесь! Это уже не имеет никакого значения. Несколько минут, пока машина мчалась сквозь пальмовые рощи, они сидели молча.

— Лефарж! — словно размышляя вслух, проговорил вдруг Эдвард. — Хотел бы я знать, что Кармайкл имел в виду!

— Да, совсем забыла! — воскликнула Виктория. — Не знаю, представляет ли это какой-нибудь интерес, но на раскопки в Телль Асуаде приезжал какой-то мсье Лефарж.

— Что?

Эдвард вздрогнул так, что едва не потерял контроль над управлением и машина резко вильнула в сторону.

— Когда это было?

— Ну, с неделю назад. Он сказал, что ведет раскопки в Сирии. С экспедицией Парро, если не ошибаюсь...

— А некие Андрие и Жюве тоже при вас были на раскопках?

— Да. Я еще помню, что у одного из них начались желудочные колики и ему пришлось пойти прилечь.

— Это были наши люди, — сказал Эдвард.

— Посланные на поиски меня?

— Нет. Я понятия не имел, где вы находитесь... Просто Ричард Бейкер был в Багре одновременно с Кармайклом, и мы решили проверить, не доверил ли тот ему какие-нибудь документы...

— Вот оно что! Бейкер, действительно, жаловался, что в его вещах кто-то рылся. Нашли что-нибудь?

— Нет... А теперь, Виктория, постарайся хорошенько вспомнить! Этот Лефарж был у вас до или после наших людей?

Виктория немного подумала, прежде чем ответить:

— До. Как раз накануне.

— Что, собственно, он у вас делал?

— Прошелся по раскопкам с доктором Понсфутом Джонсом, а потом Бейкер повел его в дом, чтобы показать находки, собранные в Зале древностей.

— Они разговаривали между собой?

— Надо полагать! Не очень представляю, как они могли бы осматривать все это старье, даже словом не обменявшись...

Эдвард и не пытался скрыть раздражение.

— Хотел бы я знать, кто такой этот Лефарж!.. Как могло случиться, что у нас нет ни малейших сведений о нем?

Жалеть только что созданного ею Лефаржа Виктория не стала и описала его во всех подробностях: довольно высокий, худощавый, с болезненным цветом лица, очень темными волосами и тонкими усиками. Получилось, не без удовольствия поняла она, довольно убедительно.

Они были уже в предместьях Багдада. Въехав на улочку, по сторонам которой стояли выстроенные в претенциозном европейском стиле виллы, они остановились перед одной из них. Перед нею у обочины стояла легковая машина с опущенным верхом. Эдвард выскочил из машины и помог выйти Виктории.

Дверь отворила невысокая женщина с желтоватым лицом. Эдвард обменялся с ней несколькими фразами по-французски. Виктория, хотя и очень поверхностно зная этот язык, поняла все же, что речь шла о ней, о том, в частности, что ей необходимо немедленно переодеться.

Действительно, уже через минуту Викторию провели в спальню, где за несколько мгновений она превратилась в.., монахиню. Перед Эдвардом она предстала в длинном платье, чепце и со сложенными на четках руками.

Эдвард улыбнулся.

— Красивее монахини я никогда еще не встречал! Старайтесь опускать глаза, особенно перед мужчинами, и вы будете в этой роли просто великолепны!

Француженка, помогавшая Виктории, тоже переоделась, и из дома к машине вышли две монахини. За рулем сидел водитель — европеец в белой блузе.

— А теперь, Виктория, — проговорил Эдвард, — все зависит от вас! Выполняйте в точности только то, что вам будет велено!

В его голосе прозвучал оттенок угрозы. Виктория спросила:

— Вы не поедете с нами?

— Не могу! Скоро, однако, мы увидимся снова...

Наклонившись к самому лицу Виктории, он ласково добавил:

— Я рассчитываю на вас, любовь моя! Эту роль только вы способны сыграть.., и я обожаю вас! Монахинь целовать не полагается.., но мое сердце с вами!

Виктория опустила глаза не хуже, чем это сделала бы настоящая монахиня. Больше всего ей сейчас хотелось выцарапать Эдварду глаза, а он тем временем продолжал:

— Обо всем остальном можете не беспокоиться! Документы у вас в порядке и никаких сложностей на сирийской границе не будет. Да, чуть не забыл! В монахинях вас зовут сестрой Марией. Ваша спутница, сестра Тереза, займется всем, и именно ей вы должны подчиняться.

Захлопнув дверцу он отступил на тротуар и добавил:

— И главное, умоляю вас, не вздумайте крутить!.. Иначе...

Не dokonчив фразу, Эдвард прощальным жестом помахал рукой вслед трогавшейся машине.

Виктория задумалась. Как в самом Багдаде, так и на пограничном посту можно было бы поднять крик, позвать на помощь, привлечь внимание, затеяв какой-нибудь скандал. Только, что это даст? Вероятно, ничего, кроме, смерти Виктории Джонс. Небольшой пистолет, на мгновение мелькнувший в руках сестры Терезы, не оставлял сомнений в том, что времени рассказать о своих невзгодах у сестры Марии не будет.

Станет ли риск меньшим в Дамаске? Сомнительно... Как знать, не заготовлена ли и уже у сестры Терезы справка, подтверждающая психическое расстройство, которым страдает сестра Мария.

Лучше доиграть игру до конца, побыть Анной Шееле до возвращения в Багдад и бесстрашно оставаться ею до самой последней секунды. Неизбежно наступит момент, когда Эдвард не в силах будет контролировать ее действия. Когда, получив документы, она отправится на конференцию, ничто не помешает ей крикнуть: «Я не Анна Шееле, а все эти документы — фальшивка»!

Странно, что Эдвард решился пойти на такой риск. Однако тщеславие ослепляет, а обойтись без Анны Шееле Эдвард и его единомышленники не могут. Им необходима своя Анна Шееле, а никто из них не способен заменить Викторию в этой роли. Эти «супермены» нуждаются в Виктории Джонс, простой машинистке...

Их пленница? Несомненно...

Однако пленница, у которой, в конечном счете, остались еще на руках кое-какие козыри.

Глава двадцать третья

Огромный «Скаймастер», сделав круг над аэродромом, приземлился, как выражаются пилоты, «на три точки» и подрулил к зданию аэровокзала. Вышедшие из самолета пассажиры разделились на две группы: продолжающие рейс до Басры и делающие пересадку на самолет, летящий в Багдад.

Во второй группе, направившейся к контрольному пункту, чтобы пройти необходимые формальности, было всего четыре пассажира: араб — крупный коммерсант,

судя по виду, молодой врач — англичанин и две женщины.

Первая была шатенкой с чуть осунувшимся лицом. Шелковая лента с грехом по полам удерживала ее причесанные кое-как волосы.

— Миссис Понсфут Джонс? — взяв ее паспорт, спросил таможенник. — Англичанка?.. Едете к своему мужу? Отлично. Где намерены остановиться в Багдаде?.. Спасибо. Какую имеете валюту?

Вторая женщина — хрупкая блондинка, одетая вполне прилично, хотя и не изысканно.

— Мисс Грета Харден?.. Датчанка. Летите из Лондона... Массажистка... Где намерены остановиться в Багдаде?.. Спасибо... Какую имеете валюту?

Всем четверым сообщили, что самолет на Багдад вылетает во второй половине дня и что пока их отвезут в гостиницу, где они смогут позавтракать и немного отдохнуть.

Грета Харден лежала в своем номере, когда в дверь постучали. Отворив, она увидела стюардессу, одетую в форму авиакомпании.

— Прошу прощения, мисс Харден. Небольшое недоразумение с вашим билетом. Ничего, впрочем, серьезного... Не пройдете ли вы со мной в бюро... Это здесь же в гостинице, в конце коридора...

Едва Грета Харден вошла в комнату, табличка на дверях которой должна была уже через минуту исчезнуть, как ее рот был заткнут кляпом, а на голову наброшен капюшон. Пока двое мужчин держали ее, третий, молодой врач, отвернув рукав платья, вонзил ей в кожу иглу шприца. Через тридцать секунд Грета Харден перестала осознавать происходящее вокруг.

— Шесть часов с гарантией! — добродушно проговорил медик. — Теперь ваша очередь, сестры!

Его слова были обращены к двум монахиням, сидевшим у окна. Мужчины вышли, и старшая из монахинь поднялась с места. Пока она раздевала Грету Харден, вторая, помоложе, нервно вздрагивая, сбросила с себя костюм монахини. Через пару минут на Виктории был костюм Греты Харден, а датчанка, уже одетая монахиней, лежала в постели.

Время от времени поглядывая на фотографию, «сестра Тереза» начала придавать Виктории сходство с Анной Шееле. Когда она закончила зачесывать волосы в уз

ел на затылке, в комнату вернулись мужчины. Лица у них сияли.

— Никаких сомнений, — проговорил врач. — Грета Харден — это и есть Анна Шее. Документы были в чемоданчике, засунуты в пачку журналов. — Отвесив Виктории церемонный поклон, он добавил:

— А теперь, мисс Харден, если вы окажете честь позавтракать вместе со мной...

Виктория вышла с ним. В холле не было никого, кроме дамы, облокотившейся на стойку почтового бюро.

— Нет, нет, — говорила она, — текст телеграммы вы записали верно... «Сегодня вечером прибываю отель

«Тио». Крепко целую». Не совсем так пишется подпись... Понсфут Джонс... П... Н... С... Понсфут...

Виктория с любопытством взглянула на даму. Стало быть, это и есть миссис Понсфут Джонс! Приехала на неделю раньше, но это Викторию ничуть не удивило. Доктор Понсфут Джонс потерял письмо, в котором его жена сообщала дату своего приезда, и вполне мог что-то напутать. Ах! Если бы удалось передать через нее записку Ричарду Бейкеру.

Словно читая мысли Виктории, спутник подтолкнул ее вперед. В ресторане она вновь увидела миссис Понсфут Джонс, но поговорить с ней возможности не было так же, как не представилась такая возможность и в самолете, когда они обе летели в Багдад.

— Знаете, — проговорил Ричард Бейкер, — я что-то тревожусь за малышку!

— Какую малышку? — поинтересовался доктор Понсфут Джонс.

— Викторию.

— Викторию? — Доктор нахмурился, но тут же воскликнул:

— Ах, да! Ты же вчера вернулся без нее!

— А я уже начал подозревать, что вы этого так и не заметили.

— Я бы заметил, конечно, но у меня голова была занята этим странным отчетом о раскопках в Телль Бамдаре... Вне всяких сомнений, они что-то там путают... Она на что — не сумела найти наш грузовик?

— Правду говоря, — ответил Ричард, — она и не собиралась возвращаться. Она ведь не Вероника Сейнвил...

— Да? Забавно!.. Впрочем, ты ведь говорил мне уже, что ее зовут Викторией...

— Зовут-то ее, действительно, Викторией, но только она никогда не занималась антропологией, никогда не встречалась с Эмерсоном, и вообще.., произошло недоразумение.

— Неприятно!.. Чертовски неприятно... Я все-таки непростительно рассеян. Не слушаю, что мне говорят, теряю письма, а потом сам не знаю, что там было написано... Вот так и рождаются недоразумения!

Бейкер вновь вернулся к мучившей его мысли.

— Ничего не понимаю, — проговорил он. — Насколько мне удалось выяснить, она уехала с каким-то молодым человеком и больше ее не видели. Ее чемоданы в отеле, и она даже не открывала их, что, само по себе, достаточно странно, ведь после недели, проведенной в глуши, ей наверняка хотелось немного принарядиться. Более того, мы договорились пообедать вместе... Нет, я ничего не понимаю.., и надеюсь только, что с ней ничего не случилось...

— По-моему, ты тревожишься совершенно зря, — попытался успокоить его доктор. — Завтра начнем раскопки в траншее Е. По нашим прикидкам, шансы наткнуться там на интересную находку максимальны.

Лицо Ричарда осталось по-прежнему озабоченным.

— Один раз ее уже похитили и вполне могли повторить попытку!

— Совершенно нереально, мой мальчик! В стране царит спокойствие, и ты это знаешь не хуже меня.

— Если бы мне удалось хотя бы вспомнить, как зовут того типа, о котором упоминала Виктория, того, который работает в нефтяной компании!.. Дикон. Дейкин?.. Что-то в этом роде...

— Мне это имя ничего не говорит... Мустафу и его бригаду я, пожалуй, переведу на траншею Д. Это позволит нам...

— Вы будете очень возражать, доктор, если я завтра съезжу в Багдад?

Изумленный доктор решил, что пора наконец обратить внимание на слова Ричарда.

— Завтра? — переспросил он. — Да ты же только вчера был там!

— Это верно, но я беспокоюсь. Очень беспокоюсь.

— Не надо было скрывать от меня, Ричард!

— Что скрывать?

— Я не знал, что эта юная особа стала так дорога тебе!.. Вот из-за этого, понимаешь, и возникают всякие сложности, когда в экспедиции есть женщины... И уж тем более, если они красивы!.. Два года назад, когда с нами была Сидилла Мурфилд, я думал, что все обойдется. Как — никак, безобразна она была, как семь смертных грехов. Сам знаешь, чем все это закончилось... Хотя поосторожнее мне и тогда следовало быть. Клод еще в Лондоне обратил мое внимание на то, что у нее точеные ножки, а у французов на такие вещи глаз наметанный... С Викторией — Вероникой дело другое... Она и красива и очень симпатична... Очень — очень милая девушка, и я от души поздравляю тебя, Ричард. У тебя отличный вкус! Кстати, на моей памяти это первая женщина, заинтересовавшая тебя.

Ричард покраснел.

— Я ничуть не влюблен в нее, но..., я начинаю тревожиться. Мне необходимо поехать в Багдад.

— Ладно, — ответил доктор, — завтра поедешь. Заодно захватишь кирки и лопаты, которые наш шофер забыл получить вчера...

Выехав на рассвете, Ричард к полудню был уже в Багдаде и направился прямо в «Тио». Виктория там не появлялась.

— Согласитесь, что это очень странно! — сказал Ричарду Марк. — Мы собирались вместе поужинать, мой шеф — повар подготовил совершенно сногшибательное меню...

— Вы дали знать полиции?

— Нет. Мисс Джонс, мне кажется, это было бы не по душе..., да и мне тоже!

Дейкина Ричарду удалось разыскать без особого труда. Зайдя к нему в кабинет, Ричард убедился, что смутное впечатление, сохранившееся у него от прежних мимолетных встреч, не было обманчивым. Усталый, сгорбленный, с дрожащими руками, Дейкин был, несомненно, человеком конченным, на которого нельзя было положиться. Извинившись за беспокойство, Ричард спросил: не видел ли он мисс Викторию Джонс.

— Позавчера она заходила ко мне, — сказал Дейкин.

— Не могли бы вы дать мне ее адрес?

— Насколько мне известно, она остановилась в «Тио».

— Ее вещи в отеле, но ее самой там нет. Дейкин нахмурился.

— Мисс Джонс, — объяснил свое любопытство Ричард, — работала с нами на раскопках в Телль Асуаде.

— Понимаю... К сожалению, ничем помочь вам не могу, потому что и сам ничего не знаю... Полагаю, что она у кого-нибудь из ее багдадских друзей, но я недостаточно близко знаком с нею, чтобы сказать кто они.

— В «Оливковой ветви» ее не может быть?

— Не думаю. Впрочем, вы можете позвонить туда...

Ричард встал.

— В любом случае, скажу вам одно: я не уеду из Багдада, пока не найду ее!

Окинув Дейкина последним, откровенно недружелюбным взглядом, Ричард с достоинством вышел из комнаты. Возвратившись в «Тио», он сразу же наткнулся на Марка. Широкая улыбка на лице хозяина отеля пробудила надежду в сердце Ричарда.

— Вернулась? — спросил он.

— Нет, но только что мне сообщили о приезде миссис Понсфут Джонс. Она уже на аэродроме. А ведь по словам доктора она должна была прибыть только на следующей неделе!

— Доктор вечно путает все даты..., кроме исторических, разумеется!.. О Виктории Джонс ничего нового?

Лицо Марка посерьезнело.

— Ничего..., и это меня основательно беспокоит! Такая милая девушка!.. Веселая, симпатичная, красивая...

Ричард негромко вздохнул.

— Надо, пожалуй, — проговорил он, — дожидаться миссис Понсфут Джонс, чтобы засвидетельствовать ей свое почтение.

Мысли его, однако, были заняты одной Викторией.

— Это вы!

Разъяренный тон, которым были произнесены эти слова, полностью отражал чувства Виктории, обнаружившей, что в номере «Вавилона» ее дожидается Катрин.

— Да я! — тем же тоном ответила Катрин. — Ложитесь в постель! Сейчас придет врач.

Судя по всему, одетая сиделкой Катрин была намерена предельно строго относиться к своим обязанностям и ни на миг не покидать Викторину.

Виктория легла в постель.

— Ах, если бы здесь был Эдвард, — пробормотала она, если бы он только был здесь!

Катрин рассмеялась.

— Эдвард! Жалкая английская дурочка!.. Да Эдварду наплевать на тебя!.. Он меня любит! Меня, понимаешь?

Наклонившись над кроватью, она добавила.

— Я тебя с первого дня возненавидела... Я ненавижу тебя! Понимаешь? Ненавижу!

Виктория, стараясь подыскать реплику, способную задеть противницу сильнее всего, мягко проговорила:

— Возможно!.. Только, в отличие от вас, я незаменима! Вашу роль сиделки может сыграть кто угодно, тогда как мою... Да, Катрин, все зависит теперь от меня!

Катрин пожала плечами.

— Незаменимых людей не бывает. Вам бы следовало об этом знать!

— И тем не менее, как раз я незаменима! И пока что я хочу как следует перекусить! Секретарши американских банкиров не экономят на питании.

— Ладно! — бросила Катрин. — Перекусите, пока еще можете...

Виктория не обратила внимания на угрозу, содержащуюся в этих словах.

— Мисс Харден у себя? — спросил капитан Кросби. Дежурный, сидевший за окошком регистратуры «Вавилона», вежливо ответил:

— Да, сэр. Только что прибыла из Англии.

— Это подруга моей сестры. Не передадите ли вы ей мою визитную карточку?

Кросби нацарапал на карточке несколько слов и сунул ее в конверт. Через пару минут посыльный вернулся.

— К сожалению, мисс Харден не может принять вас, сэр. У нее сильно болит горло. Она в постели и ждет врача. За ней ухаживает сиделка.

Выйдя из «Вавилона», Кросби направился в «Тио». Там к нему сразу же подошел Марк.

— Давайте выпьем по рюмочке, дорогой мой! Отель переполнен... Все из-за конференции, разумеется. Ни единого свободного номера..., мне даже миссис Понсфут Джонс еле удалось устроить... Она, кстати, была сильно расстроена... О своем приезде она сообщила заранее и была уверена, что муж встретит ее..., а его нет как нет! Прекрасный, но очень рассеянный человек... В конечном счете, чтобы устроить миссис Понсфут Джонс, мне пришлось выставить с бесконечными изви

нениями, одного важного чиновника из ООН...

— Иногда кажется, что Багдад прямо — таки обезумел!

— Это верно! Говорят, будто раскрыт заговор против президента Соединенных Штатов..., полиция будто бы арестовала шестьдесят пять студентов... Видели уже русских полицейских? Великолепные парни... Не доверяют, судя по всему, никому на свете... На торговлю, однако, все это влияет как нельзя лучше... Как нельзя лучше... Еще по рюмочке?

Зазвенел телефон, и атташе поднял трубку.

— Посольство Соединенных Штатов.

— Вам звонят из отеля «Вавилон». По поручению мисс Анны Шееле.

— Мисс Анны Шееле? Не могла бы она подойти к аппарату?

— Мисс Шееле лежит в постели с острым ларингитом. Я — доктор Смолбрук, ее лечащий врач. Мисс Шееле привезла с собой некоторые документы, которые она хотела бы передать уполномоченному представителю посольства. Она хотела бы, чтобы к ней приехали... Прямо сейчас? Прекрасно. Мы ждем вас.

Виктория, надев отлично скроенное платье, любовалась своим отражением в зеркале. Даже платиновые волосы, аккуратно причесанные, выглядели вполне терпимо. Виктория немного нервничала, но в общем была довольна собой. Вдруг она резко обернулась. Сзади на нее блестящими от радости глазами смотрела Катрин.

— Чему это вы так радуетесь? — спросила удивленная и немного обеспокоенная Виктория.

— Скоро узнаете!

Полным презрения голосом Катрин добавила:

— Ах, какой она себя считает важной! Все, видите ли, от нее зависит!.. Откуда только берутся такие дуры?

Подбежав к Катрин, Виктория схватила ее за плечи, впившись ногтями в кожу.

— А ну-ка, милая, объясни, что ты этим хочешь сказать!

— Ох! Вы делаете мне больно! Отпустите!

— Говори!

В дверь постучали. Два коротких удара и после небольшой паузы — третий.

— Сейчас вам все объяснят! — проговорила Катрин.

Дверь отворилась и в комнату вошел высокий мужчина в полицейской форме. Заперев дверь, он сунул ключ в карман.

— А теперь поживее! — обратился он к Катрин. Через две минуты Катрин, как и в чем не бывало продолжавшая улыбаться, была крепко привязана к стулу тонкой, но прочной веревкой. Затем мужчина завязал ей рот шарфом и, отступив на пару шагов, чтобы лучше оценить эффект, проговорил:

— Безупречно! Работа — высший класс!

Теперь он повернулся к Виктории, с ужасом увидевшей в его руке толстую дубинку. В одно мгновение ей все стало ясно. О том, чтобы она сыграла роль Анны Шееле на самой конференции, не могло быть и речи! Слишком многие в Багдаде знали Викторию, слишком велик был риск. Гораздо проще поступить иначе. В последний момент Анна Шееле будет зверски убита. Ее лицо будет обезображено до неузнаваемости... В комнате Анны Шееле не найдут ничего, кроме трупа и документов, будто бы привезенных ею, а в действительности сфабрикованных подручными Эдварда...

С жесткой ухмылкой на губах мужчина шагнул к Виктории. Громко закричав, девушка бросилась к окну.

Послышался звон разбитого стекла, сильный толчок опрокинул Викторию, на мгновение она увидела небо, усыпанное бесчисленными звездами, и тут же потерял сознание.

Начав приходить в себя, Виктория услышала голос, произнесший:

— Вам лучше?

Виктория пробормотала в ответ несколько слов.

— Что она сказала? — спросил другой голос.

— Не вполне уверен, но, по-моему, что-то вроде «Лучше служить в Раю, чем быть владыкой Ада».

— Цитата из Мильтона, если не ошибаюсь, только она все перепутала в ней.

— И вовсе не перепутала! — выдохнула Виктория, вновь теряя сознание.

Дейкин поднял трубку телефона.

— Слушаю.

— Операция «Виктория» завершена. Полный успех.

— Прекрасно.

— Катрин Серакис и этот их лекарь взяты на месте. Их сообщник выпрыгнул в окно, но далеко ему не уйти.

— Малышка не ранена?

— Упала в обморок, но в остальном все в порядке.

— О настоящей А. Ш, ничего нового?

— Пока ничего.

Дейкин опустил трубку на рычаг.

Виктория в безопасности. Уже что-то. Что касается Анны Шееле, ее, вероятно, нет в живых. Она настояла на том, чтобы действовать самостоятельно, гарантировав, что девятнадцатого будет в Багдаде. Девятнадцатое наступило, но Анны Шееле нет. Дейкин готов был признать, что она поступила, быть может, не так уж глупо, отказавшись от помощи официальных органов, далеко не всегда умеющих охранять тайну, но, кто знает, не погубила ли ее излишняя самоуверенность...

А без Анны Шееле эффект будет далеко не тот...

Мальчишка — рассыльный вошел в кабинет и подал Дейкину листок, на котором были написаны два имени: мистер Ричард Бейкер и миссис Понсфут Джонс.

— Сейчас я не могу никого принять, — сказал Дейкин. — Пусть перед ними извинятся и объяснят, что я очень занят.

Через пару минут рассыльный вернулся. На этот раз он принес конверт, в который была вложена короткая записка.

«Хотел бы поговорить с Вами о Кармайкле».

Р. Б.

— Пусть их впустят! — бросил Дейкин.

Как только он усадил гостей, Бейкер перешел прямо к делу.

— Я не хочу зря отнимать у вас время, — начал он, — но случилось так, что я учился вместе с неким Генри Кармайклом. Много лет назад мы потеряли друг друга из виду и увиделись вновь лишь несколько недель назад в Басре, в приемной британского консульства. Кармайкл был переодет арабом. Ему удалось, не привлекая ничьего внимания, установить контакт со мною. Вас интересует все это?

— Чрезвычайно, — кивнул Дейкин.

— Я понял, что Кармайклу грозит опасность, и не ошибся. Через несколько минут его пытались застрелить. Я обезоружил нападавшего, Кармайклу же удалось скрыться. Чуть позже я обнаружил, что он сумел на бегу сунуть мне в карман грязную бумажку — «шит», выданный какому-то Ахмеду Мохаммеду. Я решил действовать так, как если бы эта бумажка представляла для Кармайкла чрезвычайную ценность. Поскольку никаких инструкций я не получил, оставалось хранить ее, как зеницу ока, до тех пор, пока Кармайкл не даст знать о себе. Недавно я узнал от Виктории Джонс, что Кармайкла нет в живых. Кое-что, сказанное ею, заставил о меня прийти к выводу, что, если этот документ следует кому-то передать, то только вам. Вот он!

Ричард Бейкер встал, положил «шит» на стол Дейкина и спросил:

— Представляет эта бумага для вас какую-то ценность?

Дейкин вздохнул.

— Да. Гораздо большую, чем вы, вероятно, думаете... Теперь, в свою очередь, п

однялся с места и Дейкин.

— Я глубоко признателен вам, Бейкер, и от всей души прошу простить за то, что мне придется закончить на этом наш разговор. К сожалению, меня ждут дела, не терпящие даже минутного отлагательства...

Пожимая руку миссис Понсфут Джонс, он добавил:

— Вы, конечно, присоединитесь к мужу? Надеюсь, раскопки — пройдут как нельзя более удачно.

— Право же, удачно получилось, — заметил Ричард, — что доктор не приехал сегодня в Багдад вместе со мной. Он, конечно, почти не обращает внимания на окружающее, но все же, вероятно, отличил бы свою жену от ее сестры.

Дейкин удивленно посмотрел на миссис Понсфут Джонс. Звучным, мелодичным голосом она проговорила:

— Моя сестра Элси все еще в Англии. Я перекрасила волосы и приехала с ее паспортом. В девичестве мою сестру звали Элси Шееле. Что же касается меня, мистер Дейкин, то я Анна Шееле.

Глава двадцать четвертая

Багдад стал неузнаваемым. Никогда еще на его улицах не было столько полиции. Полицейские местные, международные, американские, советские...

Ходившие по городу слухи были полны пессимизма. Главы государств так и не придут. Уже дважды русские самолеты с эскортом истребителей доставляли лишь второстепенных, ничего не решавших чиновников. И все же скептики были в конце концов посрамлены: президент Соединенных Штатов и глава правительства Советского Союза прибыли в Регентский дворец.

Исторические часы, которые должны были решить судьбы мира...

Начались эти часы очень скромно, в маленьком зале, где собирались люди, имена которых были незнакомы широкой общественности.

Доктор Алан Брек из Атомного института в Харуэле открыл совещание коротким, сдержанным, хорошо документированным докладом. Покойный сэр Руперт Крофт

он Ли передал ему для экспертизы образцы минералов, привезенных из путешествий по Китаю, Туркестану и Курдистану. Все они оказались весьма богаты ураном. К сожалению, докладчик не мог указать точное место их происхождения, поскольку относящиеся к этому вопросу заметки сэра Руперта погибли при бомбардировке во время войны.

Затем слово взял Дейкин. Усталым голосом он рассказал историю Кармайкла, человека, решившего проверить, сколько правды в слухах о громадных заводах, в оздвигаемых в далеких горных долинах, вдали от цивилизации. Он убедился в том, что эти слухи не беспочвенны. Дейкин рассказал о том, как сэр Руперт согласился прибыть в Багдад, чтобы встретиться с Кармайклом, и был убит за пару дней до того, как погиб и сам Кармайкл.

— Сэра Руперта больше нет, — закончил Дейкин, — Кармайкла больше нет, но остался еще один человек, которого я прошу вас внимательно выслушать: мисс Анну Шееле.

Анна Шееле заговорила спокойно, словно делая обычный доклад в кабинете мистера Моргенталья. Она приводила имена и цифры. Пользуясь своей великолепной памятью и безупречной документацией, она показала, как чудовищный скрытый организм высасывал своими бесчисленными щупальцами, из всех стран мира суммы, достаточные для того, чтобы финансировать отвратительное предприятие, единственной целью которого было разделить мир на два враждующих лагеря. Речь шла не о гипотезе. Анна Шееле излагала факты.

Когда она закончила, вновь заговорил Дейкин.

— Кармайкл мертв, — сказал он, — но из своей последней экспедиции он вернулся с доказательствами. Решающими, неоспоримыми доказательствами. Он не решился хранить их при себе, понимая, что нельзя допустить, чтобы они погибли вместе с ним. К счастью, у Кармайкла на Востоке было немало друзей. Двое из них помогли передать бесценные документы третьему — человеку, пользующемуся безусловным уважением во всем Ираке, человеку, оказавшему нам честь, согласившись присутствовать на сегодняшнем совещании. Я имею в виду шейха Хуссейна эль Зийяру из Кербелы.

Как и сказал Дейкин, шейх Хуссейн эль Зийяр был известен во всем мусульманском мире не только как глава племени и поэт, но, прежде всего, как человек святой. Он поднялся с места. Высокий, с крашенной хной бородой, в расшитой золотом коричневой накидке.

— Генри Кармайкл был моим другом, — проговорил он глубоким, низким голосо

м. — Он был еще ребенком, когда я узнал его, и мне доставляло радость знакомить его с сокровищами нашей поэзии. Двое правоверных пришли ко мне в Кербелу, двое правоверных, которые бродят по всей стране с чем-то вроде бродячего кинотеатра..., люди простые, но верные слуги Пророка. Они передали мне пакет от моего английского друга Генри Кармайкла. Он просил меня, сказали они, хранить пакет до тех пор, пока за ним не явится он сам или его доверенное лицо, которое произнесет нужные слова. Если этот человек — вы, говорите, сын мой!

— Сайд, — заговорил Дейкин, — арабский поэт, живший ровно тысячу лет назад, написал в честь принца Сейфуль — Дуалы из Алеппо оду, в которой можно найти такие слова: «Зид хаджи тафаддал адни сурра сили».

Шейх Хуссейн эль Зийяра с улыбкой протянул Дейки — ну небольшой пакет.

— Я же, как и принц Сейфуль — Дуала, отвечу: «Да исполнятся все твои желания!»

— Господа, — обратился к присутствующим Дейкин, — вот микрофильмы, заснятые Кармайклом...

Выступил еще один человек, старик, бывший когда-то выдающимся, всеми уважаемым ученым.

— Господа, — проговорил он дрожащим, полным боли голосом, — завтра мне будет предъявлено обвинение в мошенничестве, и я буду по справедливости брошен в тюрьму. И все же разрешите мне обратиться к вам с единственной мольбой: сделайте все, чтобы избавить мир от опасности, нависшей над ним по вине сжигаемых честолюбием молодых безумцев! — Высоко подняв голову, полный достоинства несмотря ни на что, Ратбон продолжал:

— Я растратил на свои нужды немало чужих денег, но, видит Бог, я закончил тем, что сам поверил в евангелие, которое проповедовал. Методы, которыми я действовал, порочны, но идеал остается в силе. Еще раз умоляю вас, господа, объединить усилия ради того, чтобы сохранить мир!

Старик сел. На минуту наступило молчание, а затем бесстрастный голос одного из официальных представителей произнес:

— Факты, изложенные в ходе данного заседания, будут доведены до сведения президента Соединенных Штатов Америки и главы правительства Союза Советских Социалистических Республик. Документы...

Глава двадцать пятая

— Что меня всегда будет мучить, — сказала Виктория, — так это мысль о той не счастливой датчанке, убитой в Дамаске!

— Успокойтесь! — добродушно улыбнувшись, ответил ей Дейкин. — Эта несчастная, как вы ее называли, датчанка отлично себя чувствует. Как только самолет с вами на борту поднялся в воздух, мы арестовали француженку и перевезли Грету Харден в госпиталь. Полагаю, что, пока в Багдаде все не закончилось бы, жизни ее опасность не грозила. До тех пор они ограничились бы тем, что держали ее под действием какого-нибудь наркотика. Стоит ли добавлять, что она сотрудница нашей секретной службы?

— Вот как?

— Конечно! Когда Анна Шееле исчезла, мы решили, что неплохо было бы чем-то отвлечь наших противников. Мы заказали билет на самолет для некоей Греты Харден, позаботившись о том, чтобы эта личность выглядела не слишком убедительно. Ни родственников ни прошлого... Они попались на удочку..., и пришли к желательному для нас выводу: Грета Харден и есть Анна Шееле. Кстати, чтобы подкрепить противника в этом убеждении, в ее вещах были припрятаны сфабрикованные нами, но выглядевшие достаточно достоверными документы.

— А тем временем в лондонской клинике настоящая Анна Шееле спокойно дожидалась момента, когда миссис Понсфут Джонс пора будет отправиться к мужу?

— Совершенно верно. Просто и практично, не правда ли? В трудный час самой надежной опорой по-прежнему остается семья. Анна Шееле не забыла об этом.

— Ну, а я, — проговорила после небольшой паузы Виктория, — решила было уже, что вся эта история добром для меня не кончится. Кстати, это правда, что ваши агенты ни на миг не теряли меня из виду?

— Правда. Ваш друг Эдвард, видите ли, вовсе не был так всемогущ, как ему представлялось. Его деятельность привлекла наше внимание еще в Англии, так что, когда в ночь убийства Кармайкла вы рассказали мне свою историю, я был серьезно обеспокоен вашей судьбой. Ничего лучшего, чем включить и вас в игру, мне не пришло в голову. Зная, что вы сотрудничаете со мной, Эдвард отказался от

мысли просто ликвидировать вас как нежелательного свидетеля. В его глазах вы стали ценной особой. Вдвойне ценной, поскольку через вас он не только получал сведения о нашей деятельности, но и мог при случае подсовывать нам ложную информацию. Разумеется, ситуация изменилась после того, как вы сообразили, что место настоящего сэра Руперта было занято одним из сообщников Эдварда. Он решил вывести вас из игры, сохранив, однако, под рукой, чтобы в случае необходимости заставить вас сыграть роль Анны Шееле. В целом, Виктория, я должен сказать, что вам здорово повезло!

— Я знаю.

Виктория разгрызла орешек.

— Вам жаль Эдварда? — спросил Дейкин.

Девушка улыбнулась.

— Ничуть! Просто я была идиоткой... Он начал ухаживать за мной, рассчитывая, что я могу ему пригодиться, а у меня, как у глупой школьницы, заработало воображение..., в конечном счете я сама сделала из себя посмешище.

— Вы слишком строго себя судите. Эдвард нравился женщинам...

— Не стану спорить, но в будущем постараюсь быть осторожнее. Если я теперь влюблюсь, то не в человека с хорошо подвешенным языком, а в настоящего мужчину... Пусть он не будет красавцем, пусть будет носить очки, пусть даже будет чуть лысоват — это мне безразлично! Лишь бы он был человеком умным и добрым!

— А сколько ему должно быть лет? Тридцать пять или пятьдесят пять?

Тридцать пять! — не колеблясь, ответила Виктория.

— Вы меня успокоили. Я уж начал задумываться — не меня ли вы имеете в виду?

Виктория расхохоталась.

— Я знаю, — проговорила она, немного успокоившись, — что подобного рода вопросы задавать не положено, но все-таки..., было в платке Кармайкла какое-то послание?

— Там было имя, — ответил Дейкин. — Платок и «шит» дополняли друг друга. Пл

аток дал нам имя шейха эль Зийяры, а бумажка, обработанная парами йода, дал а, слова, которые следовало произнести, чтобы шейх согласился передать нам оставленный ему на хранение пакет

— А доставили его шейху те два араба с киноаппаратом..., если эту шутку можно так назвать?

— Совершенно верно! Простые люди, которые не знают даже, что означает слово «политика». Хорошие люди..., и друзья Кармайкла. У него было много друзей.

— Должно быть, он был одним из тех, к кому тянутся люди. Я не знала его, и все же мне горько думать о том, что он мертв.

— Все мы когда-нибудь умрем, — сказал Дейкин. — И если загробный мир существует, а я лично не сомневаюсь в этом, Кармайкл, наверняка, не пожалеет ни о чем — он знает, что сделал больше, чем кто — либо другой, для того, чтобы спасти человечество от ужасов новой мировой войны.

— Вам не кажется странным, — немного помолчав, проговорила Виктория, — что Ричард и я хранили по половине секрета? Можно подумать, что это было...

С улыбкой в глазах Дейкин закончил за нее фразу:

— Предназначено свыше?..

Тут же, уже совсем другим тоном, он добавил:

— Вы позволите мне задать один вопрос? Чем вы собираетесь теперь заняться?

— Буду искать работу, — ответила Виктория. — Тянуть с этим мне явно не стоит.

Дейкин встал.

— Не слишком переживайте на этот счет! Я почему-то уверен, что работа для вас найдется...

Он вышел, а рядом с Викторией оказался Ричард Бейкер.

— Прошу прощения, Виктория...

Он умолк, откашлялся и заговорил вновь:

— Нам только что сообщили, что Вероника Сейвил так и не приедет. Заболела с винкой или что-то в этом роде. Учитывая, что вы оказались очень полезным со

трудником на раскопках, может быть, вы согласитесь вернуться к нам? Правда, боюсь, что с оплатой... Возмещение дорожных расходов это, конечно, само собой... Миссис Понсфут Джонс приезжает на будущей неделе. Так что вы скажете?

— Я и впрямь нужна вам?

Без видимой причины Ричард Бейкер густо покраснел, закашлялся и начал протирать стекла очков.

— Полагаю, — проговорил он наконец, — что, приняв это предложение, вы оказали бы нам большую услугу.

— Ну, конечно же, я принимаю его! С радостью!

— Тогда осталось только собрать ваши вещи. Мы отправимся как только вы будете готовы. Вас ничто не задерживает в Багдаде?

— Абсолютно!

— Вероника? Вернулись, дорогая моя? — сказал доктор Понсфут Джонс. — После вашего отъезда Ричард был просто не в себе... Ну, что ж! Все хорошо, что хорошо кончается. Надеюсь, что вы будете очень счастливы, дети мои!

Остолбеневшая Виктория подождала, пока ученый отойдет в сторону, а затем, повернувшись к Ричарду, спросила:

— Что он всем этим хотел сказать?

— Да ничего, — отвечал Ричард. — Вы же его знаете... Просто у него сегодня приступ ясновидения... вот и все!